Шлихтер А.

На баррикадах пролетарской революции.

1927

НИЛ — Библиотека
ГК580
Ш713.

ІСТПАРТ ЦК КП(б)У ТА ВСЕУКРАЇНСЬКА ЖОВТНЕВА КОМІСІЯ
ЖОВТНЕВА БІБЛІОТЕКА

А. ШЛИХТЕР

ГК580
Ш418

НА БАРРИКАДАХ ПРОЛЕТАРСКОИ РЕВОЛЮЦИИ

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО УКРАИНЫ

ІСТПАРТ ЦК КП(б)У та ВСЕУКРАЇНСЬКА ЖОВТНЕВА КОМІСІЯ
ЖОВТНЕВА БІБЛІОТЕКА

А. ШЛИХТЕР

НА БАРРИКАДАХ
ПРОЛЕТАРСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО УКРАИНЫ
1927

1 экз.

ИНВЕНТАРИЗАЦИЯ
2008

[9:323.2]

ГК580
Ш713 Р

ИЛ.
БИБЛИОТЕКА
ИМЭЛ
ПРИ Ц.К.В.К.П.(б)
Ср
29428
24880
178
36
24880

4-я тип. Транспечати.
Укрглавлит № 2417.
Заказ № 132. Тираж 2000.

I. В МОСКВЕ

НАКАНУНЕ ОКТЯБРЯ

Революционный кризис назревал все быстрее и явственнее... Каждый митинг и каждого, кому приходилось в Москве выступать в качестве докладчика на темы текущей революционной действительности в августе и сентябре 1917 года, убеждал в том, что широкие массы все больше и больше отворачиваются от тех партий, которым еще так недавно доверяли и за которыми шли. Каждое наше разоблачение лицемерной и предательской сущности лозунгов „героев" февральско-мартовской революции сопровождалось не только очевидными признаками глубочайшего внимания к нашей критике, но и веселым смехом по каждому, более или менее удобному, поводу по адресу правящих „социалистических" партий — эс-эровской и меньшевитской.

Как известно, ничто так не убивает противника в споре, как веселый смех. Смех лучше, чем злоба и ненависть обнаруживает безнадежное падение противника в глазах массы. Свидетелем такого смеха довелось, между прочим, быть и мне на большом собрании в Басманном районе, в Высшем Техническом Училище, на своем докладе на тему: „Предпарламент и наша тактика". Когда я, освещая тактику Церетелли, Чхеидзе и прочих „социалистических" руководителей того момента, сказал, между прочим, что они, не взирая на всю ясность целей ухода кадетов из коалиционного министерства, хватают их за фалды фраков и всячески убеждают их остаться в министерстве, чтобы вместе, коалиционно, распевать: „Вставай, подымайся, рабочий народ",— то митинг разразился таким веселым, шумным и единодушным смехом одобрения, что после этого не могло уже оставаться никакого сомнения в том, как слушатели данного собрания относятся к идее „коалиционного" углубления революции.

Кризис назревал, и настроение митинговых посетителей отражало тот процесс глубокого перелома, каким были охвачены в это время широкие рабочие массы Москвы. Можно ли, однако, было удовольствоваться этим, митинговым, так сказать, измерителем наростающих сил пролетарской революции?

Наша агитация была бешено-энергична; на наших митингах об'единялись революционным настроением и воспитывались логикой революционных лозунгов значительные кадры наиболее подвижных и активных представителей рабочего класса. Но все

же революцию делают и закрепляют ее первые боевые натиски,— не митинговые посетители, а сами массы, та толща рабочих масс, которая фактически оставалась и в тот момент, как и в моменты всех вообще революций, в большей или меньшей мере, не охватываемой школой революционных митингов. Прощупать настроение именно этой толщи середняцких и низовых слоев рабочего класса было чрезвычайно и безотлагательно важно, ибо, хотя мы не знали, конечно, ни дня, ни часа надвигающегося революционного взрыва, но общая — и политическая, и экономическая — ситуация момента была такова, что этот взрыв мог вспыхнуть каждый день так же стихийно и безудержно, как это было в дни июльского восстания в Петрограде.

Среди фейерверком сменяющихся в тот момент разнообразных событий и фактов текущей жизни нужно было найти какие-нибудь особенно чувствительные щупальцы. Московский комитет нашей партии нашел эти щупальцы в избирательной кампании в районные думы города Москвы.

Использовать эту кампанию надо было, однако, не только в целях определения революционной температуры широких рабочих масс. С этой кампанией мы связывали еще и другие, чисто организационные, задачи: создать в районных думах большевистские опорные пункты для фактического, делового об'единения вокруг них рабочей массы на почве ее будничных, но весьма чувствительных в тот момент, хозяйственных интересов. Получить свои аппараты, наиболее близкие к восприятию именно этих задач борьбы рабочего класса, значило получить возможность на разнообразнейших фактах текущей местной жизни иллюстрировать преимущество революционного метода борьбы и тем самым изобличать бессилие и лицемерие социал-соглашательских партий, отстаивающих буржуазную демократию, как систему, якобы, „обеспечивающую“ „истинные“ интересы рабочего класса и „закрепляющую“ завоевания революции.

Какие же из подобного рода близких и понятных для широких рабочих масс задач выдвигала современная действительность особенно ярко и настойчиво? Эти задачи об'единялись одним общим вопросом,— вопросом продовольственным. Продовольственное оскудение уже и тогда давало себя чувствовать рабочему классу г. Москвы во всей своей остроте. Текущая заготовка хлеба день за днем почти сходила на-нет; запасы прежних заготовок катастрофически иссякали; хлебный паек все уменьшался и уменьшался, дойдя уже в то время, если не ошибаюсь, до $^1/_4$ фунта в день... Ко всему этому, затруднения транспортного характера лишали уверенности в регулярном подвозе к Москве даже тех небольших запасов, которые находились в местах заготовки и в пути. При таких условиях борьба за возможное смягчение надвигающегося бедствия требовала прежде всего немедленного и наиболее целесообразного рас-

пределения. Общее равнение по недоеданию и, в связи с этим, максимальная экономия во всем, что имело прямое или косвенное отношение к организации распределения, — вот те задачи, постановка которых диктовалась, как не терпящая отлагательства мера, для данного момента. Конкретно сюда входили, между прочим, такие задачи, как централизация в руках городского самоуправления всей выпечки хлеба, т. - е., иначе говоря, экспроприация пекарей - предпринимателей; централизация (районная и квартальная) распределительных пунктов с насильственным отчуждением для этой цели всех необходимых помещений; прикрепления всего населения, т. е. не исключая и буржуазных классов, к определенным распределительным пунктам. ... Достаточно уже этих нескольких конкретных примеров для того, чтобы рабочим массам сделалась очевидной необходимость применения революционных, а не демократически - соглашательских методов борьбы за интересы рабочего класса. Должно было быть также понятным и очевидным для рабочих и то, что осуществление этих мер органами самоуправления возможно лишь в том случае, если эти органы будут находиться в руках партии большевиков, а не тех партий, которые защищают буржуазную революцию и которые, уже в силу одного этого, неспособны ни к каким решительным мерам, затрагивающим основы буржуазного права „священной собственности".

Но продовольственные задачи момента не ограничивались требованием революционной борьбы „за равнение по недоеданию". Ни пролетариат, ни городская беднота не могли бы удовольствоваться лишь стремлением принудительно уравнять с собою имущие классы в тяжестях полуголодного существования. Для того, чтобы сегодняшнее равнение по недоеданию не превратилось в ближайшее же время в равнение по самому настоящему голоду для рабочих и городской бедноты, нужно было выдвинуть вопрос о незамедлительном принятии решительных мер также и в области снабжения населения продовольственными продуктами. Необходимо было повысить подвоз продуктов для города из деревни. Как это можно было сделать? Какие меры нужны были для того, чтобы деревня хотя бы ослабила, по крайней мере, свой саботаж по отношению к городу и стала бы вывозить хлеба на рынок больше, чем она это делала в то время? Здесь экономическая обстановка того момента подводила нас вплотную к вопросу о необходимости революционного метода борьбы за насущные интересы рабочих масс и городской бедноты. В самом деле. В глазах крестьянина деньги уже и тогда, помимо своего чрезвычайного обесценения, не представляли никакого значения, главным образом, потому, что на них он ничего не мог купить. Товарное оскудение страны, как результат империалистической войны, начинало уже и тогда чувствоваться с ужасающе возрастающей быстротой.

Отдавать хлеб при общих условиях производственной разрухи— это значило в глазах крестьянина подвергать себя самого опасности остаться не только без ситца и без кожи, но и без хлеба. С другой стороны, систематическое отобрание у деревни рабочих рук на войну, при отсутствии железа и сельскохозяйственных машин, грозило сокращением посевной площади и вызывало стремление у крестьянина „продержаться" с хлебом для своей семьи „про черный день".

Ослабить это стремление, вызвать у крестьянина готовность выпустить из своих амбаров хлеб можно было расчитывать лишь после того, когда деревня узнала бы, что для скорейшего обеспечения крестьянина важнейшими продуктами хозяйственного обихода городом уже приняты и проводятся в жизнь надлежащие меры. Главнейшими из таких мер для того момента были, между прочим, следующие:

1) Немедленная демобилизация фабрик и заводов, производивших до войны продукты первой необходимости. Выбора не было: или обслуживание войны, но грядущий голод, потеря революционной боеспособности пролетариата и армии, и гибель революции; или обслуживание народного потребления, прочность революционной энергии пролетариата и армии и победоносное шествие великой революции и против Вильгельма с его войсками, и против английских и французских империалистов, и против нашей корниловщины. Или за войну, или за революцию; или за кучку капиталистов, или за широкие трудовые слои народа, — таковы были тогда перспективы завтрашнего дня, которые ставила перед нами история и в революционное разрешение которых мы могли и должны были, не предавая революции, вовлечь широкие рабочие массы.

2) Реквизиция фабрик [1]). Реквизиция, не как карательная мера против саботажа предпринимателей [2]), а как система, могущая обеспечить фактическое осуществление плана борьбы с продовольственной разрухой путем улучшения условий снабжения. Задачей этого плана являлось наметить такое количество фабрик, вырабатывающих продукты первой необходимости, которые при тогдашних технических условиях могли бы обслуживать спрос потребителей в наивозможно

---

[1]) В тот момент нашей революции, т.-е. в момент избирательной кампании в районные думы, конфискация производственного капитала еще не выдвигалась в виде очередной задачи. Вопрос практически ставился лишь об устранении фабриканта от фактического распоряжения этим капиталом на все время борьбы с продовольственной разрухой, не нарушая его прав частной собственности, т.-е. вопрос шел о реквизиции предприятия, а не национализации.

[2]) Кстати напомнить, что саботаж предпринимателей был в то время уже настолько серьезен и ощутителен, что Московским Советом Проф. Союзов было созвано 20 октября (ст. стиля) закрытое заседание по вопросу: 1) о выработке общей тактики экономической борьбы и 2) о массовом закрытии предприятий. (См. об'явление в «Изв. Моск. Совета Раб. Деп., № 192, 20 октября 1917 г.).

большом количестве. Чьи-бы эти фабрики ни были и сколько бы их ни оказалось, — представлялось ясным, что все они должны были подлежать немедленному переходу на обычную для них работу мирного времени, подвергая этой принудительной мере как предприятия саботирующие, так и не саботирующие, на совершенно одинаковых условиях.

3) Трудовая повинность фабричных служащих. Революционная борьба с надвигающимся голодом должна была быть обеспечена от опасностей предательского удара в спину. Пролетариат не мог быстро наладить новый персонал служащих, искренно преданных интересам революционной демократии. Но он не мог быть и равнодушным зрителем саботажа со стороны тех, кому интересы капитала могут быть дороже и ближе интересов широких народных масс. Вот почему уже и тогда было ясно, что, во избежание подобного саботажа, реквизиция фабрик должна была сопровождаться трудовой повинностью для всех служащих фабрики.

4) Немедленная реквизиция всех запасов на фабриках, вырабатывающих продукты первой необходимости. Все важнейшие продукты фабричного производства немедленно должны были быть переданы в распоряжение продовольственных организаций. Только при таком условии можно было бы быстро и организованно выбросить на рынок фабрикаты в целях извлечения хлеба у крестьянина. Между тем, в тот момент важнейший фабрикат — ситец — реквизировался государственным продовольственным комитетом лишь в размере 60% выделки. Остальные 40% временное правительство с его „социалистическими“ министрами отпускало в „вольную продажу“, способствуя таким образом спекуляции и лишая фактически продовольственный комитет возможности бороться со спекуляцией. Этому должен был быть положен конец. Все наличные запасы должны были быть немедленно взяты на учет, и частные торговцы должны были быть лишены возможности „распределять“ нужные для народа товары своей властью и в интересах своей наживы.

Другими словами, обобщая все эти конкретные задачи единым общим всем им, основным содержанием не только хозяйственного, но и политического характера, можно сказать, что избирательная кампания в районные думы давала благоприятную почву для об'единения широких рабочих масс и городской бедноты вокруг продовольственного вопроса, как экономической задачи борьбы за власть. Лозунг борьбы за власть, пожалуй, не повел бы за собой с такой революционной решительностью трудящиеся массы к избирательным урнам в районные думы, если бы он был выдвинут сам по себе, как лозунг политический. Но тот же лозунг, как логический вывод из анализа всех этих отдельно взятых, столь понятных и простых для каждого рабочего и каждого бедняка вопросов,

связанных притом со столь знакомыми ему повседневными его нуждами, находил отклик в сердцах слушателей и приковывал к себе внимание именно как лозунг политический, как лозунг борьбы за власть. Я не могу без восхищения вспоминать в особенности одно собрание избирателей, больных и служащих военного лазарета в Лефортовском районе. Передо мною аудитория около тысячи человек. Огромное большинство в ней— крестьяне, самые подлинные жители деревни [1]), которых временно приковывает к городу этот лазарет и которые уйдут в деревню на другой же день по выздоровлении. Что общего, казалось бы, может быть у такого избирателя с задачами районной думы города Москвы? Что ему Гекуба и что он Гекубе? И с такой добродушной усмешечкой в углах рта и с веселой искоркой недоумения в глазах встретила меня аудитория Лефортовского лазарета.

— Ну, ну, мол, говори. Мало-ли вас тут ходит! Послушаем и тебя.

Но вот углы рта все больше размыкаются, а смешливые искорки в глазах постепенно разливаются в такую молодую, удивленную радость.

— Да ведь это наше, ведь мы именно так думаем, да сказать не умеем,— говорят молча эти глаза из разных углов аудитории.

И когда вы, ступенька за ступенькой, подходите к обобщению конкретных нужд и говорите, что без борьбы за власть нельзя обеспечить осуществления этих нужд и что только большевики, как представители революционного пролетариата, могут и будут в районных думах искренно и решительно бороться за насущные требования трудящихся масс и города и деревни,— вы начинаете чувствовать и как-то осязать, какими многими и крепкими нитями духовного родства между вами и слушателями спаяна, скреплена вся аудитория. Вы кончили...

— Спасибо, товарищ; теперь все понятно,— слышится громкое заявление из двух-трех мест.

Почти нет аплодисментов: деловое настроение еще всецело владеет деловыми людьми. Но это „спасибо“ нескольких слушателей стоит больше, чем иные густые и дружные аплодисменты, ибо такое „спасибо“ вырывается только из груди, переполненной новыми откровениями.

— Поздравляю, товарищ,— говорят мне устроители предвыборного собрания: список № 5 обеспечен (кандидаты большевиков в районные думы шли по избирательному списку № 5) [2]).

---

[1]) Обыкновенно, являясь на митинг, осведомляешься предварительно у организационного бюро о социальном составе слушателей.

[2]) Я не помню, какие темы были намечены для избирательной кампании Московским Комитетом партии большевиков. Я лично проводил свои предвыборные собрания (в Басманном районе) по тому методу конкретного подхода к выяснению революционных задач районных дум, о котором я здесь рассказываю. Конкретные

Выборы в районные думы принесли большую победу большевикам. Из 387.252 общего количества голосов было подано за наших кандидатов 199.337 голосов. Это была большая победа потому, что выборы в общегородскую Московскую думу, бывшие всего только за два месяца до этого, а именно в конце июня, дали около двух третей голосов эс-эрам и меньшевикам и создали прочную базу для эс-эровско-меньшевистского фронта против революционного пролетариата в Москве. Так московские рабочие и городская беднота уже за месяц до октябрьской революции (выборы в районные думы состоялись 24 сентября) ответили по важнейшей для тогдашнего момента задаче — борьбы за власть.

В результате пропорционального распределения 710 мест общего количества гласных в районные думы вошло: от большевиков 350 гласных, от кадетов — 184, от эс-эров — 104, от меньшевиков — 31; остальные 41 место были распределены между всеми партийными списками, собравшими каждый менее, чем по 10 голосов. По районам пропорциональное распределение гласных дало следующую картину партийного состава дум: в 11 районах мы получили абсолютное большинство; в 5 районах из социалистических фракций наша была самая крупная, и в одном районе (Тверском — буржуазном) абсолютное большинство получили кадеты.

Предстоящая вновь избранным районным думам важная задача требовала организации таких районных управ, которые, в качестве исполнительных органов, могли бы оправдать ожидания избирателей, выявивших свою волю в борьбе за власть. Эта задача по отношению к одиннадцати районам, где большевики получили абсолютное большинство, могла быть осуществлена без всяких препятствий и затруднений. Но в пяти районах, где мы не имели абсолютного большинства гласных, можно было организовать лишь коалиционно-социалистические управы, совместно с эс-эрами и меньшевиками. В случае отказа тех и других от участия в управах, вся власть в этих районах попадала бы к кадетам. Не желая эти пять районов отдавать злейшим врагам рабочих, солдат и крестьян, Московский Комитет нашей партии решил во всех 16 районах образовать социа-

---

задачи, намеченные мною здесь, я считал, однако, наиболее целесообразными не только на время предвыборных собраний, не для собирания голосов, но прежде всего именно для повседневной, органической, так сказать, работы районных дум. Вскоре после сформирования районных дум, а именно после 12 октября, я делал уже доклад общему собранию гласных всех районных дум фракции большевиков на тему: «Продовольственный вопрос, как экономическая задача борьбы за власть». Тезисы этого доклада были напечатаны в «Известиях Московского Совета Рабочих Депутатов» №№ 186 и 192, 1917 г. Я не помню, было-ли принято какое-нибудь решение фракцией по моему докладу и какое именно. Помню, однако, что доклад, лишь формулировавший и отражавший, в основном, общее отношение нашей партии к революционной тактике текущего момента, был фракцией одобрен.

листические управы на основах пропорциональности по отношению только к социалистическим партиям. Бюро муниципальной комиссии обратилось к эс-эрам, меньшевикам и об'единенцам с соответствующим предложением.

В ответ на это предложение эс-эры ответили следующим документом, переданным в Бюро 6 октября: „Принцип пропорциональности фракция социал-революционеров проводит во всех 17 районных думах, имея в виду предоставление мест в управах и фракции народной свободы. Этот принцип фракцией социал-революционеров будет проводиться и в думах с абсолютным большинством социал-демократов интернационалистов, хотя отклонение его (принципа) по отношению этих дум не влечет отказа со стороны фракции соц.-рев. от участия в образовании управ. В думах, где нет большинства социал-демократов интернационалистов, принцип пропорциональности также проводится фракцией социалистов-революционеров, хотя бы включение членов фракции конституционно-демократической партии в управы повлекло отказ социал-демократов интернационалистов от вхождения в управы. По поручению Бюро фракции с.-р. член Бюро Мухин“ [1]).

Так, эс-эры, будущие герои „учредиловской“ и всякой иной контр-революции, уже тогда пошли на открытый разрыв с партией пролетариата во имя единого фронта с кадетами против пролетарской революции. Само собою разумеется, что этот ответ, наглый по своему ничем не прикрытому цинизму и смешной по своему полному непониманию эс-эрами значения происшедшего за два месяца сдвига в настроении рабочего класса и городской бедноты, ни в малейшей степени не обескуражил нас и не изменил наших тактических задач по организации революционной демократии вокруг районных дум во имя предстоящей борьбы за власть. Кандидаты в председатели районных дум и их заместители, а также в председатели и члены районных управ были намечены Московским Комитетом, а затем обсуждены и утверждены на общерайонном собрании гласных большевиков. Я был избран председателем думы Басманного района, где, главным образом, протекала моя партийная работа со времени моего прибытия в Москву, после возвращения из сибирской ссылки (в июне 1917 года).

Районные думы и управы сформировались... Предстоящая деятельность, за которую сразу принялись районные, большевистские управы, была чрезвычайно ответственна. На нашей повседневной работе мы должны были показать пролетариату и городской бедноте, отдавшим нам большинство своих голосов, что у большевиков слово не расходится с делом, что каждый рабочий и бедняк в деле своих хозяйственных нужд

[1]) См. газету «Социал-Демократ» № 177 от 7 (20) октября 1917 г.

встретит в своих управах революционную отзывчивость, чуткость, подвижность, умение и, главное, готовность разрешать задачи городского хозяйства в интересах рабочего класса и городской бедноты. Но на шее районных управ висел тяжелый и туго затянутый хомут эс-эровско-кадетской центральной Московской городской думы и управы. Буржуазное „Положение о районных думах" отводило районным думам весьма ограниченные права самодеятельности. Интересы рабочего класса требовали революционных методов в городском хозяйстве, но на пути стояла эс-эровско-кадетская городская дума, охранявшая фактически интересы буржуазных слоев населения Москвы. Одного — нельзя, другое — требует предварительной разработки вопроса в комиссии, для третьего — нужно предварительно получить согласие временного правительства,— такова в общем оказалась с первых же дней повседневная практика „правовых" взаимоотношений между буржуазно-эс-эровским городским центром и зависимыми от него революционно пролетарскими районными думами и управами (конечно, теми из них, где преобладали большевики). Эс-эровская городская дума потеряла за два месяца своего существования доверие широких трудящихся масс, давших эсэрам большинство гласных на выборах в конце июля 1917 г., но охранялась „законными правами" и не имела, конечно, ни малейшего намерения добровольно отказываться от этих прав. Возникла таким образом естественная и неотложная задача добиться досрочного переизбрания гласных Московской городской думы. Нам было совершенно очевидно, что новые выборы обеспечили бы и для центральной думы состав гласных с преобладанием представителей революционного пролетариата.

„КРИЗИС НАЗРЕЛ"

Но в это необыкновенное, удивительное время стремительного нарастания сил пролетарской революции практический лозунг сегодняшнего дня нередко оказывался уже недостаточным на завтра. Так случилось и с вопросом о переизбрании городской думы. Как раз в эти дни, а именно 7 октября (ст. стиля), появилась в свет историческая, в полном смысле этого слова, статья т. Ленина: „Кризис назрел" (газ. „Рабочий Путь", № 30, 1917 г.) Как всегда яркий, точный и чеканный анализ общей ситуации текущего момента заканчивался на этот раз формулировкой, бросающей в широкие пролетарские массы призыв, полный революционной решительности. „Кризис назрел", — писал т. Ленин.— „Все будущее русской революции поставлено на карту. Все будущее международной рабочей революции за социализм поставлено на карту. Кризис назрел"...

Тов. Ленин сделал этот вывод на основании крупнейших, наиболее бьющих в глаза и наиболее показательных фактов политической жизни того времени в общегосударственном масштабе. Одним из таких показательных фактов явилась, между прочим, и победа большевиков в Москве на выборах в районные думы. Но эти крупнейшие факты лишь отражали ту стихию страстной, рвущейся наружу готовности рабочих к революционной схватке, которую (готовность) мы наблюдали и, так сказать, ощущали уже в тот момент в Москве, в буквальном смысле слова, каждый день во всех вообще выступлениях московского пролетариата. Это была как раз историческая полоса, когда Смирновы, Коноваловы и К°[1]), при содействии временного правительства, занимались откровенной подготовкой грандиозного локаута, который грозил гибелью и разложением рабочему классу. Саботируя производство и закрывая предприятия, не удовлетворяя целого ряда элементарных требований рабочего класса в целях обострения кризиса, капиталисты провоцировали пролетариат на стачку. В Москве к этому моменту уже десять недель бастовали кожевники, вписавшие своим революционным пренебрежением к материальным тяжестям и лишениям борьбы славную страницу в историю рабочего движения не только в Москве, но и в России вообще. Деревообделочники, металлисты, текстильщики — были накануне стачки. Городские рабочие и служащие едва сдерживались от прекращения работы. Не было никакой уверенности, что стачка их не вспыхнет сегодня — завтра, в особенности благодаря тому, что Городская эс-эровско-меньшевистская дума подливала масла в огонь своей вызывающей, недостойной политикой.

Московские рабочие в течение месяцев до описываемого момента проявляли стойкость, выдержку и организованность, вызывавшую тогда и не могущую не вызывать у каждого революционера и теперь — удивление и преклонение. Положение рабочих масс было ужасно. Реальная (товарная) заработная плата стояла много ниже, чем плата в довоенное время. По оффициальным данным Московской биржи труда за три года (с июня 1914 года до августа 1917 года) заработная плата московских рабочих возросла в среднем в шесть раз (на 515%), между тем, как цены на съестные продукты увеличились за то же время в шесть с половиной раз (хлеб, мясо, молоко, масло, сельди и др.); цены же на прочие предметы первой необходимости (материя, обувь, дрова, мыло, керосин и пр.) увеличились в двенадцать раз (на 1109%). Особенно тяжелым было положение рабочих текстильной промышленности, у большинства которых заработная плата за три года со времени начала войны повысилась всего только в три — четыре раза.

---

[1]) Московские фабриканты и министры временного правительства.

Долготерпению рабочего класса пришел конец. В Советы [1]) (Московский центральный и районные) один за другим стали обращаться профессиональные союзы с заявлениями, что больше ждать и выносить издевательства капиталистов рабочие не могут [2]).

Рабочие вырабатывали на заводах и затем пред'являли требования, — и экономические — повышение заработной платы, и правовые: признание заводских комитетов, сформировавшихся уже так называемым явочным порядком, и их прав в вопросах о найме и увольнении рабочих. Эти требования упирались в тупик упорного сопротивления со стороны „коалиционного" правительства, которое не только не поддерживало требований рабочего класса, но и открыто шло против него и его организаций. Рабочие массы это видели, понимали и, охваченные отчаянием и озлоблением, рвались в бой. Начавшиеся стачки служили признаком того, что чаша терпения московских рабочих переполнена. Но отдельные и разрозненные выступления рабочих были бы громадным несчастием для революции; продолжение уже начавшихся отдельных стачек грозило революции неисчислимыми бедствиями.

Чтобы предотвратить это, надо было немедленно и организованным порядком прийти на помощь рабочим массам в удовлетворении их справедливых требований.

Сопротивление и саботаж капиталистов должны были быть сломлены самыми решительными мерами, вплоть до ареста локаутчиков, уничтожающих промышленность и доводящих до полного истощения сотни тысяч рабочих.

Эти соображения заставили Московские Советы (центральный и районные) властно вмешаться в конфликт и декретировать удовлетворение требования рабочих. 19 октября (ст. стиля) Московский Совет Рабочих и Солдатских Депутатов (Центральный) принял большинством 332 против 207 голосов резолюцию, согласно которой все Московские Советы:

1) декретируют по соглашению с Центральным Бюро Профессиональных Союзов удовлетворение требований рабочих в тех отраслях, где назревает или идет стачка;

2) приглашают Профессиональные Союзы явочным порядком осуществлять постановления декретов Советов на заводах и фабриках;

3) ставят капиталистов, саботирующих производство и вызывающих стачки рабочих, перед угрозой немедленного ареста их Советами;

---

[1]) В Советах — и общемосковском, и районных — в то время большинство голосов было уже в руках большевиков.

[2]) Цифровые данные и общая характеристика положения рабочих взяты мною из газ. „Социал-Демократ"; см. № 189 1917 года от 21 окт. (ст. стиля), передовая статья: „19-е октября в Московских Советах".

4) одновременно выпускают декрет о моратории (отсрочка платежа) на квартирную плату;

5) принимают самое активное участие в деле мобилизации масс и создания органов борьбы за переход власти к революционной демократии [1]).

19 октября 1917 г. является в полном смысле этого слова историческим днем не только для московской революции, но и для революции в общероссийском масштабе. В этот день положено начало решительной борьбы, ибо проведение в жизнь мер, декретированных Московским Советом в приведенной выше резолюции, ставило как перед Московскими Советами, так и перед Советами всей России вопрос о немедленном переходе власти в их руки. Вот почему, в полном понимании всей своей ответственности за судьбы предстоящей революционной борьбы, Московский Совет в 5 пункте своей резолюции декретирует необходимость принятия организационных мер по мобилизации масс.

В этой борьбе уже стояли на стороне Советов не только весь рабочий класс, но и громадное большинство революционного крестьянства в лице армии, об'единявшей самые активные элементы крестьянства, изголодавшегося в окопах имериалистической войны, раздетого и разутого.

Только эс-эры и меньшевики подтвердили и на этот раз свою неспособность вести действительную, а не словесную борьбу. Они предложили Советам и голодным рабочим еще раз послать делегацию во временное правительство с требованием вмешаться в конфликт, т. е. просить тех же самых г.г. Смирновых и Коноваловых, морящих голодом тысячи рабочих на собственных фабриках [2]), прийти на помощь рабочим против капиталистов.

Так эти жалкие ублюдки былого революционного народничества и революционного марксизма еще раз уже на самом пороге Октябрьской революции проделали свой революционный фарс хватания капиталистов за фалды фрака и уговаривания их петь вместе с ними, эс-эрами и меньшевиками, великий гимн революции: „Вставай, подымайся, рабочий народ“. . .

Постановление Московского Совета от 19 октября отбрасывало эс-эровских и меньшевистских скоморохов, как истрепанную тряпку, в сторону от прямых путей революции. На этих путях остались только те, которые были готовы построиться в боевые колонны не для того, чтобы просить, но бороться и отнять то, что принадлежало им по праву труда.

И каким торжественным мужеством и революционным вдохновением дышат заключительные строки призыва „Социал-

---

[1]) См. газ. «Социал-Демократ» № 189 от 21 окт. 1917 г., статья: «19-е октября в Московских Советах».

[2]) Таково было положение рабочих на Ликинской Мануфактуре.

Демократа", органа Московского Областного Бюро, Московского Комитета и Московского Окружного Комитета Партии Большевиков, по поводу постановления Московского Совета 19 октября:

„Сплотитесь все, рабочие, солдаты и крестьяне, вокруг Советов и вашей революционной партии большевиков. Только самодеятельность революционного народа (курсив наш. А. Ш.) даст возможность Советам провести немедленно в жизнь все необходимые постановления и повести вас к полной победе за мир, землю, хлеб и свободу"...

НА ПОМОЩЬ ПЕТРОГРАДУ

Две души были в октябрьские дни в кругах, руководивших московским революционным движением. Одна — эта та, которая дала исторический день 19 октября, — та, в которой не только бурлил революционный порыв, но и господствовало ясное, отчетливое сознание предстоящей неизбежности борьбы за власть, именно борьбы, т. е. революционного разрешения назревшего конфликта между двумя классовыми группировками: всеми трудящимися — с одной стороны, и всеми эксплоатирующими — с другой. Эта душа была источником решимости Московского Совета взять почин борьбы за власть Советов в свои руки, не взирая на то, что из 539 делегатов в момент решения этого вопроса 38% (207 делегатов) голосовали против проекта резолюции, предложенной большевиками. Эта же душа диктовала для резолюции Московского Совета такие тактические меры борьбы, которые могли расчитывать на осуществление лишь при наличии однородных по составу исполнительных аппаратов революционной демократии.

Другая душа — это была та, которая владела Московским Советом Раб. и Солд. Депутатов, когда решался вопрос о создании новой власти в Москве, Военно-революционного Комитета, накануне октябрьских баррикад. Уже было известно о разгоне Калужского Совета временным правительством; уже ни для кого не составляли секрета подготовительные меры временного правительства к выводу из Петрограда революционного петроградского гарнизона и разгону Петроградского Совета. Перспективы неизбежной гражданской войны уже совершенно определенно выявлялись, как задачи ближайшего дня. Более того. К моменту заседания Московского Совета, на котором решался вопрос о Военно-революционном Комитете, т. е. вопрос об органе революционной помощи Петрограду, уже было известно, что заговорщиками Главного Военного Штаба в Петрограде были закрыты революционные газеты „Рабочий Путь" и „Солдат"; было известно также и то, что Всероссийский, тогда эс-эровско-меньшевистский, Центральный Исполнительный

Комитет уже приготовил для себя помещение в Главном Военном Штабе и что те, от которых он прятался под крылышко генералитета временного правительства, были революционные матросы и солдаты, уже захватившие все вокзалы Петрограда и телеграф и занявшие Мариинский дворец, где помещалось временное правительство. Другими словами говоря, выявились не только перспективы неизбежной гражданской войны, но и группировка борющихся сил: на одной стороне баррикад рабочие, матросы и солдаты во главе с партией большевиков и на другой — штаб, юнкера, эс-эры и меньшевики. При такой обстановке вопрос о необходимости однородного состава Военно-Революционного Комитета, казалось бы, должен был представляться совершенно очевидной и наиболее целесообразной, в организационном отношении, тактической мерой.

Как же, однако, ставился этот вопрос и разрешался на заседании пленума Московского Совета Раб. и Солд. Депутатов 25 октября (ст. стиля)?

Разрешение этого вопроса предопределялось уже вступительным словом т. Смидовича, бывшего в то время председателем Московского Совета. „Товарищи, — сказал он, — широкие массы демократии постепенно в ходе революции приходили к сознанию, что власть, в процессе революции, для осуществления задач, ею поставленных, должна принадлежать революционной демократии. Наш Совет неоднократно формулировал своим большинством, что власть эта должна быть осуществлена в виде перехода ее в руки Советов Рабочих, Солдатских и Крестьянских Депутатов. Процесс этого перехода власти совершается". И далее: „Сегодня мы будем говорить об образовании нового центра власти в Москве, революционного центра власти в Москве. Как он будет организован, — именно об этом будем сегодня говорить. Для того, чтобы вы могли ориентироваться, в каком моменте мы находимся, вы получите сейчас ту информацию, которую мы имеем. Затем мы разойдемся по фракциям, чтобы выработать план этой организации. В конце заседания мы должны будем прийти к тому, чтобы принять единогласно этот план, и все силы направить на то, чтобы всем вместе участвовать в строительстве того органа, который будет гарантировать порядок и спокойствие в Москве, течение всей жизни здесь, в Москве. Мы должны все сделать, чтобы притти к единому плану этого строительства сегодня же, сколько бы времени для этого от нас не потребовалось" [1]...

Информация сообщила пленуму о том, „известном", о чем я говорил выше. Собрание выслушало информацию в сосредо-

---

[1]) Все цитаты, приводимые мною здесь и ниже о заседании 25-го октября, взяты из «Известий Совета Рабочих Депутатов» № 197 — 1917 г. Все курсивы в цитатах — мои.

точенном молчании. Но в этом молчании скрывался трепет огромного нервного напряжения. Только этим напряжением, которым, как мне казалось, было охвачено все собрание, я об'ясняю себе тот факт, что в моей памяти не сохранилось содержание прений на нашей, большевистской, фракции. Я помню только потом, после открытия пленума, чрезвычайно бледное лицо т. Розенгольца, который выступал от имени большевистской фракции. Сделав краткую предпосылку о том, что задачей создаваемого органа власти является „оказание помощи Петроградским Советам Раб. и Солдатских Депутатов“ и что орган этот „должен действовать решительно и быстро“, т. Розенгольц огласил следующую резолюцию:

„Московские Советы Рабочих и Солдатских Депутатов выбирают на сегодняшнем пленарном заседании революционный комитет из 7 лиц. Этому революционному комитету предоставляется право кооптации представителей других революционных демократических организаций и групп с утверждения пленума Совета Рабочих и Солдатских Депутатов. Избранный революционный комитет начинает действовать немедленно, ставя себе задачей оказывать всемерную поддержку революционному комитету Петроградского Совета Рабочих и Солдатских Депутатов“.

В эту гибкую, но весьма неопределенную, поистине, „демократическую“ формулу меньшевистская фракция пыталась внести совершенно определенное организационное содержание. Меньшевик Исуф огласил следующую резолюцию от имени меньшевистской фракции: „Для охраны революционного порядка и защиты завоеваний революции от натиска контр-революционных сил в Москве образуется временный демократически-революционный орган, составленный из представителей Советов Рабочих, Солдатских и Крестьянских Депутатов, городского[1]) и земского самоуправлений, Всероссийского железнодорожного и почтово-телеграфного союза и штаба Московского военного округа[2]).

Так понимала меньшевистская фракция Совета „единый“ фронт и тот „единый план“ строительства „нового центра власти в Москве“, к „единогласному принятию“ которого с такой задушевностью и революционным воодушевлением взывал т. Смидович. „Товарищ“ Рябцев, командующий войсками временного правительства, и „товарищ“ из эсеровской думы — в качестве членов в органе, призванном „к оказанию быстрой и решительной помощи Петроградским Советам“, в тот момент уже фактически выступившим на борьбу за свержение временного правительства и за взятие власти Советами, — более

---

[1]) Как мы уже знаем, в Московской гор. думе господствовало эсеровско-меньшевистское большинство.

[2]) Во главе штаба стоял командующий войсками, полковник Рябцев (эсер), потребовавший через 2 дня немедленного роспуска Военно-Революционного Комитета и начавший затем военные действия против Совета.

24880
БИБЛИОТЕКА

„смелой и решительной“ насмешки над „единым“ планом революционного выступления было бы трудно придумать.

Но, чтобы ни у кого не оставалось никакого сомнения в том, какое именно содержание скрывалось за готовностью меньшевиков создать орган „для охраны революционного порядка и защиты завоеваний революции от натиска контр-революции“, — на помощь меньшевикам выступила эс-эровская фракция, огласившая следующую резолюцию: „Считая своим партийным долгом решительно противостоять накануне Учредительного Собрания всем попыткам захвата власти и государственного переворота, фракция с.-р. в Советах отказывается поддерживать большевистское движение и употребит всю силу своего партийного влияния, чтобы отвлечь массу от участия в восстании. Внутри Московских Советов фракция будет протестовать против создания всяких организаций, направленных к захвату власти“.

Здесь все точно, ясно и определенно: массы — по одну сторону баррикад — „участвуют в восстании“; эс-эры — по другую сторону: они „решительно противостоят“ массам и „отвлекают массы от участия в восстании“. Но для того, чтобы „решительно противостоять“, надо иметь развязанные руки, — и эс-эровская фракция заявляет, что она участия в голосовании резолюции принимать не будет.

Но не менее ясным было в конечном результате и поведение меньшевистской фракции. Меньшевики заявили, что не отказываются от голосования резолюции большевиков, но будут голосовать против нее. И когда резолюция эта собрала 394 голоса против 106 при 23 воздержавшихся, меньшевики не сдались на капитуляцию тов. Смидовичу, призывавшему, во имя революции, всех к „единому плану строительства“ Военно-Революционного Комитета, и потребовали поставить на голосование их, меньшевистскую, резолюцию [1]). Когда же и это сорвалось [2]), меньшевики потребовали перерыва, чтобы обсудить создавшееся положение. „После перерыва, — читаем мы в отчете об этом заседании, — от фракции меньшевиков Исуф заявил, что меньшевики сделали все, чтобы удержать рабочих и солдат от опасных шагов. Их не послушали, а потому они считают своим долгом войти в создаваемый орган, чтобы там бороться с тактикой большевиков“.

Чем же ответило заседание 25 октября на этот не „единый“, но за то вполне откровенный и определенный план борьбы против тех революционных задач, во имя которых создавался „новый центр власти“ — Военно-Революционный Комитет?

---

[1]) Она приведена выше.

[2]) За резолюцию меньшевиков было подано 113 голосов против 375, при воздержавшихся 2; фракция с.-р. в голосовании участия не принимала.

Над Московским Советом 25 октября витала и руководила его решениями не та душа, которая вылилась в резолюции его от 19 октября. Эта другая душа, нерешительная, неуверенная и оглядывающаяся по сторонам, уступила требованиям меньшевиков и дала им два места в Военно-Революционном Комитете при четырех местах для большевистских представителей [1]).

За этот дух нерешительности и склонности к „единому" фронту революционный пролетариат и революционные войска Москвы не дешево заплатили впоследствии. Не в том была беда, что в Военно-Революционный Комитет были допущены два меньшевистских разведчика. Обезвреживать их «борьбу» против большевистской тактики было бы не трудно представителям большевиков, располагавших большинством в комитете. Беда была в том, что такое отношение к „единому" фронту определялось, с одной стороны, настроением неуверенности в конечном исходе пролетарского переворота; и, с другой стороны, излишней уверенностью, что в критические минуты меньшевики и эс-эры не пойдут против восставшего пролетариата. Благодаря этому настроению мы проглядели сначала, как на наших же глазах совершалось непонятное для нас концентрирование юнкеров в манеже [2]); вследствие этого же мы проглядели потом тактику командующего войсками Рябцева, готовившего контр-революционные войска, будучи уверенными, что он не откроет действий против пролетариата. Благодаря этому же, наконец, настроению, владевшему Военно-Революционным Комитетом, мы после нескольких дней боев, согласились заключить с Рябцевым перемирие и дали таким путем возможность несколько оправиться уже слабевшим силам контр-революции. За это перемирие московский пролетариат и революционные солдаты заплатили потом несколькими десятками лишних погибших жизней...

Вот что говорил по этому поводу тов. Бухарин на заседании Петроградского Совета 19-го ноября 1917 г.:

„Борьба затянулась в Москве не благодаря отсутствию или недостатку решимости: это произошло лишь потому, что мы, революционеры, слишком великодушны для борьбы и, вместе с тем, потому, что юнкера слишком долго пользовались полной свободой для организации контр-революции, что они ежедневно имели возможность по несколько часов упражняться в стрельбе из пулеметов, что они имели слишком достаточно времени для переговоров с Калединым, что они успели и сумели организовать свой боевой штаб в то время, когда мы вынуждены были организоваться, так сказать, в пылу боя. Тем не менее судьба боя была предрешена. С первой же минуты на борьбу за власть Советов поднялась вся революционная Москва, и мы вместе со всем серым солдатским гарнизоном получили все средства борьбы до прожекторов и одиннадцатидюймовых орудий. Мы

---

[1]) В состав комитета вошли от большевиков: т. т. Смирнов, Муралов, Усиевич и Ломов; кандидаты к ним: Аросев, Масалов, Рыков и Будзинский. От меньшевиков: Тейтельбаум и Николаев. От об'единенцев: Константинов и кандидаты: Гальперин и Яснев

[2]) Если не ошибаюсь, юнкера начали сосредоточиваться в Манеже, т. е. в центре будущих боев, еще с 25 октября.

имели также аэропланы, пользуясь которыми, мы могли бы без всякого труда разрушить совиные гнезда контр-революционных штабов, но Военно-Революционный Комитет не проявил должной решимости (курсив мой А. Ш.) в этом случае, и отчасти поэтому также затянулась война с московской буржуазией Причинами этой затяжки борьбы также была предательская тактика меньшевиков и с-ров. Левые с-ры со всей своей активностью и с необычайным героизмом сражались бок о бок с нами, но правые с-ры, с городским головой Рудневым во главе, делали все, что только было в их силах для подавления нашего восстания. Я начну с их тактики в Совете Раб. и Сол. Депутатов. В рабочей секции мы составляли подавляющее большинство, но в солдатской секции, избранной чуть ли не сто лет тому назад, мы не имели большинства. Что же получилось в результате? Я уж не говорю о чисто шпионских актах, как, напр., о том, что, когда мы расставили пулеметы в окнах Совета Раб. и Солд. Депутатов, то Рябцеву по телефону было сообщено о расположении этих пулеметов. Я не буду распространяться также о том, что, когда один наш полк попал в засаду, эти представители солдат приняли участие в допросах и давали показания против восставших Они составили прямой вооруженный союз с контр-революцией Они стреляли в нас, а еще задолго до этого, когда мы вносили в Совет проекты о вооружении красной гвардии, они всячески и всегда проваливали эти проекты под тем предлогом, что вооружение рабочих, якобы внесет раздоры между ними и солдатами. Пробил час борьбы, и теперь видна геройская борьба красной гвардии, примеры массового и индивидуального героизма, те неоценимые услуги, которые были оказаны красногвардейцами солдатам. Как только началось восстание, городской голова Руднев, правый с.-р. поспешил вооружить белую гвардию, которая по ночам предательски расстреливала из-за угла рабочие патрули В Москве ярче и глубже, чем где бы то ни было, проявилось классовое значение борьбы за власть Советов. Именно здесь на стороне контр-революции не оказалось ни одного полка, ни одной роты солдат и ни одного отряда рабочих; именно здесь, с одной стороны, оказались белая гвардия и все юнкера, кость от кости и плоть от плоти контр-революционной буржуазии, а с другой — вся солдатская масса и все представленные Красной гвардией рабочие. Первые об'единились вокруг созданного под влиянием правого с.-р. Руднева Думою Комитета Спасения (эту Думу мы уже не в пример вам, петроградцам, разогнали, а вторые боролись за передачу власти Советам. Мы великодушничали, в то время как буржуазия посылала к нам духовенство с предложением сдаться на капитуляцию и предать наш Военно-Революционный Комитет. В то время, как юнкера стреляли разрывными пулями, мы отказались от употребления аэропланов и даже согласились на перемирие, но перемирие было сорвано 150-ю ударниками, которых тайно и вопреки договору привезли в Москву, которые в укромном местечке нашли явно подготовленные для них 150 винтовок и которые принялись расстреливать наши патрули. К счастью, на беспредельной высоте оказались наши солдаты и рабочие, которые своими самочинными действиями, своей беспредельной храбростью, актами беззаветного самопожертвования парализовали нерешительность военных центров (курсив мой А. Ш.) и принесли нам победу".

Товарищ Бухарин приводит пример незадолго до восстания выпущенных по требованию Совета товарищей Двинского полка, которые в количестве 30 человек выбили из гостиницы „Метрополь" 300 юнкеров. Приводит акты самопожертвования двух красногвардейцев, взорвавших вражеские окопы и погибших при взрыве и т. д., и т. д. (См. „Правда", № 182, от 20 ноября (ст. ст.) 1917 г., статья „Заседание Петроградского Совета", речь Бухарина).

В ПОСЛЕДНИЕ МИНУТЫ

В то время, как одни эс-эры оставляли себе развязанными руки в Московском Совете по отношению к Военно-Революционному Комитету, другие эс-эры — в Московской городской думе (центральной) — в тот же самый день, 25 октября раскрывали истинный смысл поведения эс-эровской фракции в Совете

и показывали, куда и во имя каких целей партия социалистов-революционеров (правых) решила приложить свои развязанные руки. Касаясь текущего момента, городской голова Руднев (эс-эр) в речи своей, в заседании думы 25 октября, сказал, между прочим, следующее: „Хотя городская дума бессильна помочь временному правительству, но на ней, как на единственной представительнице законной власти[1]), лежит долг сделать все, что она может. То, что сейчас происходит в Петрограде, является неорганизованным выступлением. Совет Крестьянских Депутатов отказался войти в ту организацию, которая производит переворот. Московская городская дума, может быть, и не располагает физической силой, но она есть единственная верховная власть в городе и не может дать санкции тому, что сейчас происходит в Петрограде. Кроме того[2]), на ней лежит конкретная задача — охрана безопасности населения столицы, перед которым она ответственна".

Другими словами говоря, Руднев сказал по адресу Московского Совета:

— Вы — на помощь революционному Петрограду, а мы — на помощь временному правительству. У вас — Военно-Революционный Комитет, а у нас — единственная верховная власть в городе. Мы, может быть, и не располагаем физической силой, но мы не можем дать санкции петроградскому перевороту.

Большевистская фракция в думе прекрасно понимала, что значит это Рудневское: „Городская дума, может быть, и не располагает физической силой"... Стояла ли тогда уже за Рудневым „организованная" сила командующего Рябцева — я не знаю, но для каждого из слышавших это заявление была ясна скрывавшаяся в нем угроза гражданской войны. Надо было немедленно изобличить в этом эс-эровских Каинов. Это и сделал т. Степанов (И. И. Скворцов) от имени большевистской фракции: „От чьего имени говорит городской голова — спрашивал т. Степанов: — от имени тех, которые выбирали 25 июня, но не от имени теперешнего большинства. Теперь — вы меньшинство. Дума не представляет сейчас населения. Во имя будущего страны мы говорим смело и решительно"... И далее: „Принимайте свою резолюцию. Мы не будем участвовать в ее голосовании, но помните ответственность, которую берете на себя. То, что могло произойти без пролития крови, может сейчас стоить громадных жертв, если вы будете вызывать войска во имя меньшинства"...

---

[1]) Все цитаты о заседании Городской думы 25-го октября взяты из отчета о заседании в „Известиях Московского Совета Рабочих Депутатов" от 26 октября 1917 г. Все курсивы в приводимых мною цитатах — мои.

[2]) Только „кроме того"!..

Каинов пролетарской революции не смутило это предостережение т. Степанова. Эс-эр Лившиц, выступивший от имени эс-эровской фракции, ответил большевикам уже ничем не прикрытым вызовом: „Нам в городской думе надо сказать: мы увидим, кого поддерживает народ; либо власть должна принадлежать Советам, либо городской думе, как избранной всеобщим избирательным правом".

И они сказали это учреждением при городской думе так называемого „Комитета общественной безопасности". Этот комитет не замедлил сразу же приступить к организации всех контр-революционных сил Москвы. Уже 27 октября „Известия Моск. Сов. Раб. Деп." писали: „Нелепое положение сложилось в Москве. Стены домов и заборы красноречиво говорят об этой нелепости. На них рядом расклеены плакаты от Военно-Революционного Комитета Московских Советов Рабочих и Солдатских Депутатов и от Московской городской думы. Военно-Революционный Комитет говорит именем революции, которая организует свои силы против контр-революции, стремившейся нанести ей последний удар. Московская Центральная Дума в воззвании, принятом большинством, составившемся из кадетов-корниловцев и правого центра, призывает московское население сплотиться для поддержки губителей революции"...

Это было не только нелепое положение; это было уже начало гражданской войны в Москве. Нельзя было медлить ни одной минуты.[1]) Думское гнездо контр-революции должно было быть немедленно устранено. И потому в этом же номере „Известий" было уже опубликовано об'явление от имени группы президиумов Районных ду (большевистских) о том, что „в пятницу 27 октября в 6 с половиной часов вечера, в помещении Сухаревского Народного дома (Сухаревская площадь), созывается соединенное собрание всех 17 районных дум, в связи с переживаемым моментом". Бюро Совета районных дум, „большевистское, организованное сразу же после избрания районных дум", с своей стороны здесь же рядом „настоятельно" просило

---

[1]) „К 26 октября положение было вполне назревшим к вооруженному выступлению с обоих сторон. Противник, опираясь на вооруженных юнкеров и учащихся, в ночь с 25 по 26-ое поставил караул на почтамте, телеграфе, телефонной станции, в Думе и Кремле и стал занимать посты по г. Москве. Рабочие, руководимые партией соц.-дем (большевиков), отрядами красной гвардии, в свою очередь, заняли посты в Московском Совете (дом генерал-губернатора), в гостинице „Дрезден", где находился Московский Комитет Соц.-Дем. (Большевиков), установлена связь с постами в районах и вокзалами. Во всей подготовительной части вооруженного восстания гарнизон Москвы занимал нейтральную позицию, кроме артиллерии, которая с самого первого момента стала на сторону рабочих, но к боевой подготовке не приступала. Все преимущества были на стороне противника в смысле военной техники, ручного и пулеметного оружия, дисциплины и плана действий" см. юбилейный номер однодневной газеты „25 октября" от 7 ноября 1921 г. (изд. в Москве), статья т. Ростовщикова „Октябрьские дни в Москве".

„тов. социал-демократов интернационалистов, гласных районных дум обязательно быть“ на этом собрании.

Ульем жужжала одна из небольших боковых комнат, возле зрительного зала Сухаревского народного дома, битком набитая гласными большевистской фракции за полчаса до об‘явленного срока открытия общего собрания районных гласных. Предстояло наметить состав президиума собрания и основные принципы резолюции районных дум по текущему моменту, которая должна была быть предложена от имени большевистской фракции. Все охвачены единством революционного порыва: Районные Думы — на помощь Московскому Военно-Революционному Комитету и восставшему Петрограду! Поэтому комната жужжит, но не спорит. Несколько информационных вопросов, несколько информационных раз‘яснений, — и фракция единогласно высказывается за немедленное создание нового, революционного думского центра из межрайонных Дум в противовес контр-революционному аппарату Центральной Городской Думы. В председатели собрания фракция намечает меня, а членами президиума предлагается об‘явить всех председателей Районных Дум.

Собрание фракции кончено, и мы выходим в зал. Первое впечатление немного жутковатое. Значительное количество мест, занятых гласными — не большевиками, не дает уверенности, что мы располагаем большинством. Очевидно, наши противники мобилизовались. Однако, первое же голосование — о Президиуме собрания — показало, что первое впечатление было ошибочно . . . Предложенный большевистской фракцией состав Президиума собрал большинство голосов. Собрание было многолюдным — явилось до 400 гласных — и протекало необычайно бурно.

Но лучше, если об этом, весьма характерном и показательном для этого момента, собрании буду рассказывать не я, которому в силу своей председательской роли, приходилось быть в центре его течения, а отчет, опубликованный на другой день в „Известиях Московского Совета Рабочих Депутатов“ [1]). Вот как описывает это собрание корреспондент „Известий“:

„Председатель собрания А. Г. Шлихтер сообщил, что собрание было созвано в спешном порядке, по инициативе группы Президиумов Районных Дум, так как гласные Районных Дум не могут оставаться равнодушными к переживаемому моменту и должны выразить к нему свое отношение. О созыве собрания было об‘явлено в тех газетах, которые выходят.

„Ряд гласных спрашивают: были ли приняты меры к уведомлению всех гласных о созыве собрания? Не были ли инициаторами созыва только 11 большевистских дум?

---

[1]) См. № 199, от 28 октября, ст.: „Общее собрание гласных Районных Дум“

„Кн. Шаховской (к.-д., бывший министр), заявляет, что, очевидно, мер к оповещению всех гласных принято не было, и, по его мнению, собрание подобрано. (Шум. Часть собрания аплодирует).

„Председатель. Я прошу гражданина Шаховского взять свои слова обратно.

„Кн. Шаховской разъясняет, что он не желает вкладывать в свои слова оскорбительного содержания, а только хотел сказать, что многие гласные о собрании оповещены не были.

„Председатель заявляет, что никакого искусственного подбора гласных, при уведомлении их о собрании, не было, в пользу чего говорит и то обстоятельство, что о собрании было напечатано в газетах. Что же касается вопроса о том, не были ли инициаторами собрания 11 большевистских дум, то он уже называл эти думы и от дальнейших пояснений отказывается.

„После этого ставится еще ряд вопросов, но в зале поднимается шум и принимается предложение не терять времени на вопросы и ответы.

„Председатель собрания обращается к собранию с речью, в которой, характеризуя данный момент, считает необходимым напомнить те цели, которые были поставлены великой русской революцией (шум, крики: „Это не к делу").

„Я знаю, — заявляет председатель, — что относится к делу. Революция имела целью не только смену самодержавия, но и коренную ломку всего того, что с этим самодержавным строем так или иначе связано. В этой ломке больше всего заинтересованы пролетариат, крестьянство и армия. Но власть всех шести временных правительств своей деятельностью осуществлению этой основной цели революции всячески препятствовала и тормозила развитие революции (шум, протест на всех скамьях, кроме большевиков, которые аплодируют и кричат: „Просим, просим").

„Председатель обращается к протестующим, просит их не шуметь и не растрачивать своей энергии, которая понадобится еще им, когда он будет делать свое заключение. Петроградский пролетариат свергнул правительство контр-революционного успеха (аплодисменты), но петроградский пролетариат в этом деле не остался одиноким, к нему присоединились пролетариат и гарнизон г. Москвы (аплодисменты на скамьях большевиков и шум на остальных скамьях. Шум усиливается. А. Г. Шлихтер пытается продолжать речь, но долгое время ему это не удается. Кто то кричит председателю: „Вы предатели").

„Далее председатель указывает те деловые задачи, которые должно принять собрание и которые ниже приведены в оглашенной им резолюции.

„Всех, кто жаждет работы в настоящий трудный момент, — заканчивает свою речь председатель, — мы зовем к этой работе.

Теперь не время заниматься словопрениями. Поэтому я предлагаю не открывать прений, не терять напрасно времени, а приступить прямо к голосованию.

„Поднимается невообразимый шум. С разных сторон слышатся требования слова к порядку.

„Председатель заявляет, что за свое предложение он берет ответственность на себя. Прений же он не допустит.

„Кн. Шаховской, получив слово для конкретного вопроса, считает неприличным то обстоятельство, что председатель, произнесший речь и внесший предложение, не дает собранию обсудить своего предложения.

„Представитель об'единенных с.-д. настаивает на необходимости открыть прения по поставленному вопросу, но, чтобы не терять времени, — дать высказаться только одному оратору от каждой фракции.

„Представитель с.-р. присоединяется к этому предложению и указывает, что подлежащий разрешению собрания вопрос не пустячный, а чрезвычайно важный. Фракции могут неудовольствоваться предложением председателя и, быть может, внесут свои предложения.

„Председатель предлагает голосовать свое предложение, как поступившее первым, о прекращении прений.

— Как прекращать прения, которых еще не было? — заявляет представитель меньшевиков (подымается шум, который все разрастается). Товарищи-большевики! Очевидно, что вы здесь в большинстве. Вы можете голосованием провалить предложение о прениях. Для чего же поднимать шум?

„Кто то, назвав себя беспартийным, заявляет, что заяц, являясь к дикому зверю, обычно говорит: „Не вели казнить, вели слово вымолвить". Вот и я обращаюсь к собранию: дайте нам сначала слово сказать, а потом уже казните.

„После продолжительных пререканий собрание постановило: предоставить слово одному оратору от каждой фракции, но ограничить время ораторов пятью минутами.

„Представитель об'единенных с.-д. заявляет, что, в виду такого ограничения времени ораторов, фракция не может принять участия в выборах.

„С аналогичными заявлениями выступают эс-эры, меньшевики, к.-д. и н.-с.

„Председатель оглашает проект резолюции и предлагает поставить на голосование следующие тезисы этой резолюции:"

„1) Выразить полное доверие Московскому Военно-Революционному Комитету, как единственному местному органу правительства".

„2) Немедленно организовать межрайонный совет Районных Дум по два гласных от каждой Думы и по одному от управы".

„3) Совет избирает из своей среды Исполнительное хозяйственно-революционное бюро из 7 лиц".

„4) Вменить в обязанность Бюро немедленно выработать проект мероприятий по вопросам продовольственного распределения и снабжения, городских финансов и охране революционного порядка в Москве и окрестностях".

„5) Выработанный проект, по одобрению его межрайонным Советом, представить в Московский Военно-Революционный Комитет для немедленного проведения его в жизнь" [1]).

По оглашении резолюции поднимается шум на скамьях эс-эров, меньшевиков и кадетов. Особенно хулиганствует кн. Д. И. Шаховской и вызывает следующую реплику председателя собрания:

— Я знаю вас, князь Шаховской. На земских собраниях вы умеете вести себя прилично. Я понимаю цели вашего поведения. Но знайте же, что сорвать революционное собрание районных гласных вам не удастся, не взирая на все ваше усердие...

Вдруг на эстраду взбегает бледный и задыхающийся от волнения т. Мих. Фед. Владимирский и просит слова для внеочередного заявления. Получив слово, тов. Владимирский говорит:

— Вы тут занимаетесь разговорами, а на Театральной площади уже льется кровь. Командующий войсками Рябцев предъявил Военно-Революционному Комитету требование распустить себя в течение 15 минут. Комитет выполнить это требование отказался и площадь уже обстреливается контр-революционными частями. Комитет предлагает прекратить разговоры и всем с.-д. интернационалистам (большевикам) немедленно отправиться на места и быть готовым к событиям.

Едва окончил свое сообщение т. Владимирский, как шум снова увеличился с еще большей силой. Многие гласные требовали слова, но я категорически заявил, что слова никому не дам и ставлю без всяких дальнейших разговоров резолюцию на голосование.

Тогда часть собрания с шумом встает и с пением Интернационала направляется к выходу из зала.

У этой сгрудившейся у дверей толпы эс-эров и меньшевиков, покидающих собрание с пением Интернационала, при сочувственных и торжествующих улыбках замешавшихся в этой же толпе кадетов, было много задора и вызова по нашему адресу.

Как же велика была уже и тогда глубина революционного падения эс-эров и меньшевиков, если они, уходя от русской пролетарской, во всей сущности своей интернациональной революции, позволили себе это демонстративное пение великого гимна революционной борьбы за освобождение труда во всем мире!

---

[1]) Дальше, конец собрания излагаю уже не по отчету, а по личным воспоминаниям.

Что это означало? — Это был кощунственный цинизм предателей, Иудин поцелуй по адресу рабочих и солдат, для кровопускания которых уже были припасены белогвардейские винтовки и пулеметы.

Но вот захлопывается дверь за последним „интернационалистом" в кавычках. Зал поредел, но из справки у товарища, регистрировавшего явку гласных при входе по фракциям, выясняется, что в зале осталось больше половины гласных, явившихся на собрание. Это были одни большевики. Я об'являю результаты справки и предлагаю голосовать оглашенную ранее резолюцию. Резолюция принята, все разбиваются по районным группам и поспешно уходят в свои районы.

Не знаю, все ли товарищи отправились после закрытия собрания прямо и непосредственно по районным Советам. Что же касается меня и моей жены, которая, как гласный Думы Басманного (ныне Бауманского) района, была также на собрании, то сообщение тов. Владимирского о начавшейся перестрелке на Театральной площади создало для нас затруднения чисто личного, семейного характера. Наши сыновья, в то время еще гимназисты младших классов, были в тот вечер на опере в Большом театре, т. е. как раз в центре завязавшейся перестрелки. Было еще около десяти часов вечера; спектакль, думали мы, еще не закончился. Поэтому, мы решили пойти к театру, чтобы вывести сыновей из полосы обстрела домой, снестись по телефону с районом и затем уже отправиться по какому-нибудь определенному назначению. Однако, дойти до театра нам не пришлось. Расспрашивая по пути каждого встречного, не знает ли он, что делается на Театральной площади, мы узнали, наконец, что доступа на Театральную площадь нет, и мы, отправившись домой, застали там сыновей. Оказалось, что спектакль не был закончен.

Повидимому Рябцев, пред'являя свой ультиматум, распорядился закрыть театр.

Звоню в Басманный районный совет, звоню много раз. Тщетно. Телефон не занят, но никто не подходит. Тогда начинаю звонить в Московский Совет. После новых нескольких неудач телефон, наконец, откликается.

— Алло.

Я узнаю по голосу тов. Ногина.

— Тов. Ногин?

— Да. Кто спрашивает?

— Шлихтер. Тов Ногин, — обращаюсь я: — не можете ли вы сказать, куда бы мне было лучше всего сейчас пойти для получения какой либо конкретной работы. Басманный район, куда я имел намерение отправиться, не откликается.

— Никуда сейчас не надо ходить,—отвечает мне неожиданно т. Ногин тоном, как мне показалось, не то печали, не то безнадежности, и вешает трубку.

Звоню в Московский партийный Комитет, который тогда помещался на Советской (тогда Скобелевской) площади, в гостинице бывшей „Дрезден“. Откликается чей то незнакомый женский голос. Я называю себя и прошу сказать, где я могу узнать о распределении товарищей для работы в данный момент и, в частности, куда лично мне сейчас надо отправиться?

Мне отвечают, что никакого заранее составленного распределения нет, что есть много товарищей, которые сами отправляются отсюда по разным местам.

— Свободен ли проезд к вам?

— С Театральной — нет; кажется, с Тверской — свободный.

Я прощаюсь с семьей и ухожу с тем, чтобы взять первого попавшегося извозчика и кружным путем спуститься по Тверской к „Дрездену“. Хотя было только еще 11 часов, Покровка, обыкновенно в этот час еще оживленная улица, была на этот раз необычайно пуста [1]): нигде ни одного пешехода. Кругом какая то щемящая, говорящая тишина. Где то попадается навстречу извозчик.

— К Тверской, по Садовой — поскорее, дам на чай.

— Десять целковых, господин.

Едем. Вот и Садовая. Несколько торопливых путников и кругом — опять зловещая, многоговорящая тишина.

До Страстной площади все такая же обстановка предбоевого затишья. И только на Страстной изумленный глаз вдруг встречает несколько лотков с яблоками, разместившихся невдалеке от Пушкинского сквера. Все торговцы — подростки. Повидимому, это были уже те добровольцы-маркитанты, которые откуда то обыкновенно появляются в районах действия войсковых частей и которых я видел и потом, спустя несколько дней, на Садовой улице в самый разгар баррикадных боев вблизи Садовой [2]).

Мой извозчик молчит, но видно настораживается и начинает спускаться дальше по Тверской почти шагом. Не доезжая немного до Газетного переулка, он, вдруг, и совсем останавливается.

— Так что, господин, нет дальше проезда; чего то солдаты стоят и не пущают.

— Что за ерунда? Что случилось? — спрашиваю я тоном наивного недоумения, а самого в то же время охватывает пронизывающая мысль: „Кто — часовые? Не встать ли самому и не справиться ли у часовых, в чем дело? У меня в кармане партийный билет. Если свои — пропуск обеспечен, а если чужие.... Значит самому прямо в капкан“.

---

[1]) Я жил в то время на Покровке, в Введенском переулке.

[2]) Садовая ул. была, между прочим, единственной сравнительно безопасной улицей, по которой можно было в баррикадные дни попадать из Басманного района на Скобелевскую площадь, в Московский Совет.

— Поворачивай, чего стал?! — Это уже кричат часовые.

Извозчик испуганно дергает возжами, чмокает и поворачивает.

— Вставайте, господин, поеду домой.

Я вынимаю 25-ти рублевку, но у извозчика нет сдачи. Как же быть то?

— А вот под'едем к яблочникам, — предлагаю я в надежде, что, может быть, что-нибудь у них удастся узнать.

— Не, какой тут размен, — встречают яблочники мою просьбу.

Сговариваемся на покупке мною двух фунтов яблок.

— Что там такое случилось? Часовые стоят... — пытаюсь я заговорить с лоточниками с самым невинным видом обывателя.

— Чего случилось? Знамо чего. Революция...

Чьи же там стоят?

— Чьи... Да всякие тут есть, не без важности, тоном осведомленного человека, отвечает лоточник.

С болью и обидой за неудачу я возвращаюсь опять кружным путем домой, куда попадаю уже около двух часов ночи. То там, то сям слышатся ружейные выстрелы ..

Баррикадные дни начались...

ОРГАНИЗАЦИЯ ПРОДОВОЛЬСТВИЯ В БАРРИКАДНЫЕ ДНИ

На следующий день столь неожиданно сложившаяся для меня оторванность от товарищей и революционной работы была особенно невыносима. Частая стрельба, слышавшаяся в разных направлениях столицы, создавала представление о вооруженных столкновениях на широком фронте. Каковы наши силы? На чьей стороне перевес в этих первых схватках? Что делается сейчас в Петрограде?... Все это вопросы, на которые в течение первой половины дня (28 октября) я ниоткуда не мог получить никаких ответов. Газеты не вышли, но черные змеиные слухи в устах торжествующего обывателя уже ползли и ширились и щемящей тревогой сжимали сердце.

— Керенский уже в Петрограде, большевики бегут, главари арестованы... Московский Совет уже окружен войсками Рябцева, оставшимися целиком верными Временному Правительству, и с минуты на минуту будет раздавлен...

Это говорит дежурный „часовой" охраны, организованной, как оказывается, уже вчерашней ночью домовым комитетом того же дома, в котором я жил в то время [1])... Откуда ползли эти

[1]) Такая „охрана" была немедленно организована, насколько мне известно' по всему городу. по распоряжению, повидимому Центральной Городской управы. Эта „охрана" была снабжена винтовками, которые, если я не ошибаюсь, через несколько дней, по распоряжению Военно-Революционного Комитета, отбирались у Домовых Комитетов.

слухи? Кто вертел этой адской машиной, расчитанной на внесение паники в ряды пролетариата и революционных солдат? Дня 2 спустя после того, мы уже знали, что источником ложной информации о Петроградских событиях являлся контрреволюционный Викжель („Всероссийский Исполнительный Комитет Железнодорожного Союза"). Это он передавал по железнодорожному телеграфу свои контрреволюционные вожделения в виде хроники текущих событий Московскому Викжелю (об'единявшему весь железнодорожный узел г. Москвы), а этот последний пересылал „Петроградские телеграммы" в эс-эровский „Комитет Общественной безопасности" при Центральной Московской Думе, от которого уже эти „телеграммы" расползались по всей Москве. Слухи же о близком падении Московского Совета шли, несомненно, из „Комитета Общественной безопасности" в связи с действительно существовавшими планами осады Совета.

И вдруг телефонный звонок. О, радость! Наконец! Это звонят т. Р. А. Пельше, Председатель Басманной Районной управы, и т. С. Г. Лазоверт, член той же управы, которым „после долгих и безуспешных попыток" удалось, наконец, соединиться со мной. Первый вопрос о том, что делается в городе? Информация товарищей весьма бедна, никаких точных сведений о положении дел в общемосковском масштабе они не имеют. Но один факт, весьма существенный и важный имеется налицо: весь Басманный район находится в полном нашем распоряжении. В этом районе находится Московский продовольственный Комитет. Здесь же находится единственная мельница, размалывающая зерно для московских хлебопекарен. Итак, район, из которого тянутся продовольственные артерии по всей Москве, в наших руках. Такое положение надо немедленно и всемерно использовать в баррикадные дни. Задачи ближайшей революционной работы намечаются сами собой.

Мы уславливаемся, что т. т. Пельше и Лазоверт вечером придут ко мне, и мы наметим план нашей работы. Вечером мы порешили, что на следующий день я выясню в Московском Комитете вопрос о работе лично для себя, а затем будем работать все вместе в Басманном районе.

В моей памяти совершенно ничего не сохранилось о моих переговорах с Московским Комитетом. Отчетливо помню я только свою первую встречу в этот же день, 29 октября, с Военно-Революционным Комитетом в Московском Совете. Еще до этой встречи для меня из бесед с товарищами уже выяснились совершенная хаотичность и беспризорность продовольственного дела в этот момент. Поэтому я пришел в Военно-Революционный Комитет с определенным планом обратить внимание Комитета на необходимость немедленной организации революционного продовольственного органа при Военно-Революционном Комитете, с подчинением ему Московского Продовольственного Комитета. Прошло уже десять лет, таких долгих лет со времени памятных

дней Московской революции, а у меня перед глазами и сейчас, как на яву, стоит и комнатка № 5, в которой происходили заседания Военно-Революционного Комитета, и фигуры товарищей-комитетчиков, сидящих за длинным столом. Особенно четко и ясно встает в памяти прекрасное своей нервной подвижностью и выразительностью лицо т. Усиевича, так рано вырванного из наших рядов чехо-словацкими бандами в Сибири в 1918 году. Только красноватые белки глаз говорят о проведенных бессонных ночах. Сами же глаза искрятся живостью, не знающей устали. В момент моего прихода т. Усиевич председательствовал, т. Розенгольц секретарствовал.

— Доклад т. Шлихтера об организации продовольствия в баррикадные дни, — об'являет т. Усиевич.

Революционный боевой аппарат не нуждается в длинных докладах. Вкратце в течение нескольких минут, я лишь констатирую фактическое положение вещей в продовольственном деле и выдвигаю необходимость немедленного сосредоточения продовольственной власти при Военно-Революционном Комитете с распространением ее действий на г. Москву и ее окрестности.

— Предлагаю основные положения доклада признать правильными и назначить т. Шлихтера и. о. комиссара продовольствия г. Москвы и ее окрестностей, кооптировав его немедленно в члены Военно-Революционного Комитета, с правом решающего голоса, — говорит т. Усиевич. Предложение единогласно принято [1].

В тот же день в Лефортовской [2] (она же Басманная) районной Управе, помещавшейся тогда на Ново-Басманной улице, д. № 31 (там же помещалась и пожарная команда), было решено между мною и составом Управы использовать наличный районный аппарат для обслуживания нужд нового продовольственного военно-революционного комиссариата. Продовольственная работа была распределена между нами, работниками Басманного района, следующим образом: тов. Р. А. Пельше (председатель Управы) организовал продовольственные склады и вел текущие дела Управы; тов. С. Г. Лазоверт (член Управы) ведал милицией, охраной района и продовольственным тран-

---

[1]) При конструктировании Ревкома, комиссаром Продовольствия был назначен т. М. Е. Шефлер, бывший в то время товарищем Председателя Московской Продовольственной Управы. Но т. Шефлер в первый же день боев попал в заложники к противнику и находился в Московской Городской Думе. Вот почему я был назначен и. о. комиссара.

[2]) Районная Дума и Управа назывались Лефортовской, а не Басманной потому, что в ее территорию входили два Басманных участка и 1-й и 3-й Лефортовские, а 2-й Лефортовский участок — в думском отношении входил в территорию Преображенской Думы, а в советском и партийном отношениях — в Лефортовский Совет и Райком. В советском и портийном отношениях Басманный район существовал отдельно. Впоследствии Басманный и Лефортовский районы были об'единены в Бауманский район, в память убитого в этом районе черносотенцами 18 октября 1905 года известного большевика т. Баумана.

спортом [1]), тов. И. С. Лобачев (также член Управы) заведывал исключительно продовольствием; наконец, на мне лежало общее руководство по всем делам, прямо и косвенно связанным с нуждами продовольствия в дни борьбы как всего вообще населения Москвы, так и, прежде всего, бойцов революционного фронта.

Озлобленные и изолгавшиеся враги Рабоче-Крестьянской Советской России и до сих пор еще изо дня в день, чуть не в каждой строчке своей зловонной печати твердят на все лады, что русский пролетариат показал себя в Октябрьской революции, как победивший „вчерашний хам", „жестокий", „беспощадный" по отношению к своему „вчерашнему господину" и не знающий в великой революции никаких других интересов, кроме личной корысти, личных материальных благ. К счастью, мне удалось получить от т. Лазоверта весьма характерный для выяснения этого вопроса исторический документ, который я приведу здесь целиком, имея в виду сохранение его в качестве материала для будущего историка первой пролетарской революции. Вот этот документ:

От Московского Военно-Революционного Комитета.

ПРИКАЗ.

Военно-Революционный Комитет Советов Рабочих и Солдатских Депутатов приказал:

1) Со 2 ноября отпускать хлебный паек по $^1/_2$ ф. в день на едока, о чем сделано распоряжение в Районные Управы.

2) С этого же числа в рестороны 1-го и 2-го разряда ни хлеба, ни муки для пользования посетителей означенных ресторанов не отпускать.

Военно-Революционный Комитет.

1 ноября 1917 года.

От Комиссара по продовольствию г. Москвы и окрестностей.

Товарищи-граждане.

В раз'яснение приказа Военно-Революционного Комитета сообщаю следующее:

1) По самоличному почину целого ряда фабрично-заводских комитетов, рабочие в нескольких районах отказались в пользу всего населения от права получать хлебный паек по дополнительной карточке с тем условием, чтобы всем жителям выдавалось не $^1/_4$ ф., а $^1/_2$ ф. на карточку

[1]) Здесь следует вспомнить студента-латыша, члена партии, тов. Девентколь, который проявил в это же время особую энергию в деле оборудования революционного продовольственного транспорта. Тов Девентколь разыскивал лошадей и подводы по дворам Басманного района, не взирая на все ухищрения и уловки извозопромышленников, сразу учуявших для себя опасность от энергичных действий Управы и припрятывавших свои обозы.

в день. Эта мера дала возможность в понедельник и вторник отпускать в этих районах каждому по 1/2 фун. в день [1]).

Обращаюсь ко всем товарищам-рабочим последовать этому примеру во всех районах. Товарищи! На Вас смотрит весь пролетарский мир. Нет той жертвы, перед которой останавливался бы пролетарий в борьбе за победу пролетарско-крестьянской революции. Сдайте свои дополнительные карточки фабрично-заводским комитетам на время революционной борьбы. Пусть фабрично-заводские комитеты оставят дополнительные карточки только тем рабочим, которые выполняют особенно тяжелые работы.

2) Прекращение отпуска хлеба и муки ресторанам 1-го и 2-го разряда сделано с той целью, чтобы никто из граждан не получал в революционные дни добавочного хлебного пайка в ресторанах. Исключение сделано только для городской бедноты, обедающей в ресторанах 3-го разряда.

Обращаюсь с призывом ко всем гражданам, посетителям ресторанов 1-го и 2-го разрядов, приносить хлеб с собой.

Ресторанам вменяется в обязанность, под угрозой революционной ответственности, не чинить посетителям никакого препятствия в отпуске пищи без хлеба.

Надзор за выполнением этого требования поручаю товарищам — трактирным служащим.

И. о. Комиссара по продовольствию Москвы
и окрестностей *А. Г. Шлихтер.*

Москва 1 ноября 1917 года.

Так начал московский пролетариат свою борьбу за освобождение труда. В часы тяжелых испытаний, под угрозой весьма вероятного, в связи с военной обстановкой, ухудшения продовольственного положения, московские рабочие заботятся не о том, чтобы припрятать свой добавочный паек про черный день, а спешат поделиться им со всем населением Москвы. В числе этого населения была немалая часть и тех, которые потом в течение трех лет гражданской войны так щедро удобряли советскую, рабоче-крестьянскую землю костями пролетариата и крестьян. Пройдут года, исчезнуть классы, отомрут за ненадобностью партии и многое, многое будет забыто из того, чем жили, страдали и радовались мы, современники великой революции. Но этот факт общечеловеческой — в лучшем, идеальном смысле этого слова, — заботы „о своем ближнем“ — не будет забыт никогда, и наши потомки, вспоминая о подобных

---

[1]) Общегражданское население получало в это время паек в 1/4 ф. хлеба в день, а рабочие — 1/2 ф. по нормальной карточке и еще 1/2 ф. по дополнительной.

фактах будут с благоговением обнажать свою голову перед памятником российскому пролетариату, бесстрашно поднявшему на своих плечах чудесное знамя великого освободительного восстания за весь мир и против всего мира...

Как же откликнулись на эту заботу те, кто всюду и везде кричат о своей „надклассовой" идеологии и считают себя патентованными выразителями „общечеловеческой" правды, справедливости и братолюбия? Как отозвались на этот призыв революционного пролетариата прежде всего те, для которых продовольственное дело являлось их профессиональным долгом, те, спокойная деятельность которых была обеспечена революционной бдительностью пролетариев Басманного района?

А вот как. В дни, когда идут революционные бои, наш революционный штаб не мог испытывать продовольственных затруднений ни одной минуты. В каждый момент сюда приходили обессиленные, усталые, измученные солдаты и рабочие, в буквальном смысле слова в пороховом дыму, для того, чтобы в кратковременные моменты передышки и отдыха подкрепить себя пищей. А хлеба нет. Тверской район в первые дни боев находился в линии жесточайшего обстрела. Тверская районная дума была, как я уже сказал, в распоряжении кадетского большинства, того большинства, выразителем которого являлся на межрайонном собрании 27 октября „сиятельный" князь Шаховской, состоявший гласным Тверского района. Расчитывать на добросовестное выполнение продовольственных задач со стороны кадетской Тверской районной Управы было бы смешно. Подвезти же хлеба из других районов было чрезвычайно трудно. Начиная от здания Думы на Воскресенской площади и от Метрополя, где были не то юнкера, не то другие контрреволюционные части, до самого Московского Совета по Тверской и другим параллельным улицам была полоса смерти. Однажды автомобиль с Красным Крестом попытался проехать по Театральной площади по направлению к Моховой улице — и немедленно же была убита сестра милосердия. И вот через такую полосу смерти надо было подвозить хлеб из других районов. Но, чтобы и в таких условиях подвозить хлеб, — его надо было прежде всего иметь.

Пекарни выпекали хлеб лишь в количестве, расчитанном на нормальные выдачи, и лишь для такого количества размалывалось зерно ежедневными порциями. Снабжение Штаба требовало весьма незначительной, но специальной траты хлеба сверх нормы. Я знал, со слов т. Шефлера, бывшего тогда председателем Московского Продовольственного Комитета, что наличные запасы зерна чрезвычайно малы.

— Мы выиграем борьбу, если сможем в течение ближайших дней выдавать населению хотя бы по $^1/_4$ фунта в день, — так высказался, между прочим, однажды т. Шефлер в беседе со мной.

Творцы революции, рабочие массы сумели, как я уже рассказал выше, обеспечить населению не только эти 1/4 фунта, но и увеличить паек до 1/2 ф., не отягощая вопроса о существовавшей в те дни наличности продовольственных запасов. Но и помимо этого факта, было еще одно соображение, обязывавшее не опускать руки перед тем предостережением, которое было высказано мне т. Шефлером, и найти выход во что бы то ни стало. Ведь для того, чтобы выиграть борьбу, было мало продержаться на 1/4 фун. пайке в течение нескольких дней баррикадной борьбы. Надо было кроме того, и прежде всего, чтобы в центре Москвы, в Военно-Революционном Штабе, где трепетало сердце революционной борьбы, и к которому стекались в баррикадные дни бойцы со всех районов для получения указаний, распоряжений и информации, — надо было, прежде всего, чтобы здесь в эти дни бойцы могли не думать, не чувствовать продовольственных лишений. Сюда, к Московскому Совету, с первых же часов борьбы тянулись все контрреволюционные руки московской буржуазии и военщины Временного Правительства с удавной петлей от эс-эровского „Комитета общественной безопасности". Не суметь организовать продовольственное снабжение для центра, — это значило бы подвергать революционные действующие части опасности зарождения паники перед неуверенностью в завтрашнем дне. И потому то необходимость ультимативного безоговорочного снабжения хлебом Московского центра представлялась такой очевидной и понятной для всякого, кому дороги были интересы революции...

Для всякого, но не для Московской Продовольственной Управы, избранной еще за несколько месяцев до этого, по закону Временного Правительства и находившейся фактически в распоряжении меньшевиков и эс-эров.

— Для Революционного Штаба нужно специально доставлять ежедневно несколько десятков пудов хлебом или мукой, — звоню я по телефону в Московский Продовольственный Комитет.

— Выпечка хлеба находится всецело в распоряжении Районных Управ. У нас же в запасах нет ни фунта муки. Зерно размалывается ежедневно в количестве дневной пайковой порции, и мука немедленно сдается по районам.

— Но все же мой наряд подлежит безоговорочному исполнению, — настаиваю я.

— Это можно сделать лишь за счет муки, отпускаемой нами по районам населению, т. е. путем уменьшения пайка, — отвечают мне.

— Нет, этого делать нельзя, — заканчиваю я беседу.

Я не знал, кто говорил со мной по телефону, но мне не верилось, чтобы действительно не было фактически никакого другого способа для снабжения Штаба хлебом, как только

путем уменьшения пайка населению. Я решил поехать в Продовольственный Комитет, чтобы лично разобраться в этом вопросе.

Как сейчас, вижу перед собой темное, мрачное помещение Продовольственного Комитета, помещавшегося тогда на Гавриковской улице, у хлебной биржи. Прохожу ряд пустых больших комнат и попадаю в комнатушку, где приготовлен завтрак для ответственных работников. На столе хлеб, масло, колбаса; шипит большой самовар... А за столом около десятка с любопытством глядящих на меня таких безмятежных, чужих и чуждых лиц...

После двух-трех моих вопросов мне разъясняют, что не только муки для Совета, но даже для Районных Управ, пожалуй, на завтра не будет, так как сегодня мельницы не работают.

— Но почему же? Зерно есть?... — недоумеваю я.

— Есть.

— Почему же не размалывают?

— Рабочие отказываются молоть.

— Почему?

— Говорят, что камень не работает; потом требуют повышения платы.

Пользуются тем, что теперь происходит. Никогда такой платы мы не платили [1]).

И опять мне не верится, чтобы этого затруднения нельзя было устранить. Мне пришлось самому поехать на мельницу, чтобы выяснить обстоятельства дела.

Оказалось, что все дело в грузчиках. Грузчикам — этому наиболее отсталому слою пролетариата, была совершенно неинтересна в тот момент пролетарская революция, но для них чрезвычайно было важно удовлетворение их требований — повышения заработной платы. Характернее всего было в данном случае то, что удовлетворение грузчиков требовало всего нескольких десятков рублей в день. Для всякого нормального,

---

[1]) Здесь же, в комитете, в разговоре мне, между прочим, указывалось, что вообще с продовольственными запасами дело обстоит весьма плохо, так как подвоз зерна совершенно приостановлен вследствие загруженности железнодорожного узла. Очистить же узел, при нынешней обстановке, совершенно, мол, нельзя: „нет рабочих рук". Я это сообщение немедленно использовал в том смысле, что дважды созывал собрание „Викжеля" для выяснения вопроса о мерах, необходимых для разгрузки узла. У „Викжеля" я встретился оба раза с таким же характерным равнодушием к интересам снабжения Москвы, как и в Продовольственном Комитете. Пришлось и здесь использовать свою власть „комиссара". Я потребовал точного ответа, сколько именно нужно людей для того, чтобы разгрузить скопившиеся несколько тысяч вагонов и очистить пути. Если не изменяет мне память, председатель Викжеля т. Гар, ныне коммунист, а тогда с.-р., назвал цифру в 700—800 человек. Я сказал, что это количество рабочих рук б дет получено мною от командующего войсками (нашими) т. Муралова, а от Викжеля я требую быстрого содействия планомерной разгрузке узла. Так был очищен от грузов Московский узел.

действительно „надклассового“ человека было бы совершенно немыслимо из-за такой добавочной траты шутить — с риском оставить на следующий день революционный город без хлеба. Но для эс-эровско-меншевистского Продовольственного Комитета понимание этой очевидной истины было недоступно; его интересовала лишь борьба с грузчиками во имя „нормальной“ расценки труда.

— Никогда такой платы мы не платили...

С грузчиками я покончил „в два счета“, признав их требование подлежащим немедленному удовлетворению. Угроза оставить Москву без хлеба была устранена. Но была уже неизбежна заминка и запоздание в доставке хлеба, ибо надо было не только размолоть зерно, но раздать муку по районным Управам. А между тем хлеб в Революционном Штабе уже был нужен сейчас, каждый лишний час ожидания был очень труден для бойцов, которые нередко с куском хлеба во рту спешили из Московского Совета к своим боевым постам.

— Нельзя ли достать где-нибудь муки на стороне, у торговцев?..

Эту вторую задачу разрешил член Лефортовской Районной Управы И. С. Лобачев, впоследствии Народный Комиссар по продовольствию Украины. Т. Лобачев — самый настоящий рабочий, прямо от станка попавший в руководители продовольственного дела в районе. Т. Лобачев нашел какого то своего знакомого булочника. Мы в этот момент были еще очень скромны по отношению к предпринимателям, „награбленного“, еще ни у кого не отнимали и никого вообще еще не трогали Но хозяева-предприниматели уже были настороже, уже чуяли, что дело может оказаться для них весьма скверным, и быстро припрятались. Булочник, которого нашел т. Лобачев, никому из нас не поверил бы, но т. Лобачеву поверил. Булочнику было гарантировано, что ему немедленно будет уплачено, сколько он хочет, что у него после этого муки никто не отнимет и что вопрос идет только о том, чтобы он немедленно испек хлеб и проявил всю свою инициативу, самодеятельность и торговую сметку для того, чтобы хлеб этот провезти из Басманного района через полосу смерти в Тверской район, в Московский Революционный Комитет. Мы честно выполнили условия торговой сделки, хорошо заплатили булочнику и не отняли у него ни одного фунта муки, хотя знали, что он испек хлеб не изо всей муки. Но надо сказать, с другой стороны, что и булочник добросовестно выполнил свои обязательства, и через несколько часов мы имели хлеб уже на телегах. Но было страшно доверить эту драгоценность возчикам. Тов. Лобачев, — рабочий, для которого пролетарская революция была превыше всего, — не бегал и не искал кого-нибудь, чтобы послать с этим хлебом. Он, член Управы, сам сел на телегу и самолично в тот же день сдал хлеб в хозяйственный отдел Военно-Революционного Комитета.

Впоследствии нас, большевиков, работавших по продовольствию в первые месяцы революции, высмеивали „профессиональные“ продовольственники из разных „надклассовых“ групп и эс-эровско-меньшевистского лагеря за такое „кустарничество“ в организации и практике продовольственного дела. Я должен сказать, что только потому, что каждый из нас, при любой продовольственной мере, не останавливался, в случае революционной необходимости, перед самоличным доведением этой меры до конца, как бы мала и незначительна, как бы „кустарна“ ни была эта мера сама по себе, — только поэтому и удалось прокормить рабочих и солдат в первые, самые тяжкие в продовольственном отношении, месяцы октябрьской революции.

Через несколько дней мне снова пришлось столкнуться с Продовольственным Комитетом. Для распределения и рассылки продовольственных продуктов[1]) нашему аппарату (я разумею продовольственный аппарат Военно-Революционного Комитета, организованный при Лефортовской Районной Управе) потребовались мешки, которые можно было получить только из Продовольственного Комитета. Я опять обратился по этому поводу в Комитет сначала по телефону, опять не добился никакого толку, и опять мне лично пришлось ехать за мешками в Комитет. Но и это еще не помогло. Мое требование было встречено с явной недоброжелательностью, плохо прикрываемой отговорками то о том, что сейчас некому отобрать мешков, то — что заведующий мешковым складом куда-то ушел и т. п. И только, когда я решительным образом потребовал ключи от склада, заявив, что я сам вынужден буду отпереть склад и взять то, что мне надо, — только после этого нашелся и заведующий складом, и мешки оказалось возможным отобрать. При мне были сложены мешки на подводу, которую прислал транспортный отдел Лефортовской Управы, и я сам отвез мешки по назначению.

Чем же об'яснялось подобное поведение персонала Продовольственного Комитета? Обывательским равнодушием или

[1]) Продукты эти поступали к нам, вследствие реквизиции их красногвардейцами и милиционерами сначала только на вокзалах, а на второй—третий день и на улицах Басманного района у всех ломовых возчиков груза. Факт этот я сообщаю, между прочим, и для того, чтобы остался след для раз'яснения вопроса о реквизициях и конфискациях со стороны Советской власти. Реквизиция продовольственных продуктов в Басманном районе возникла чисто стихийным путем. Понимание красногвардейцев (рабочих) и милиционеров не мирилось — не могло мириться — с тем очевидным противоречием, свидетелями которого они были: с одной стороны, возможность срыва революции из-за продовольственных затруднений и, с другой стороны,—тучи спекулянтов, получающих и отправляющих массу продуктов. Так возникла реквизиция, и нам лишь пришлось ввести дело реквизиции в организационные формы: давать пропуски на провоз грузов, возвращать реквизированное тем, кто может более или менее об'яснить не спекулятивные цели приобретения продуктов и, наконец, распределять по революционным организациям остальные реквизиционные продукты. Эс-эры и меньшевики называли все это реквизиционным грабежом; рабочий же класс и мы, его выразители, считали это революционным распределением. Кто теперь не согласится с таким пониманием, кроме контр-революционеров?

бюрократическим формализмом, или просто глупостью тех, с кем мне непосредственно приходилось сталкиваться в обоих случаях? Ни тем, ни другим, ни третьим. „Не в шитье была тут сила"... Ясный и точный, не оставляющий никакого сомнения, ответ на этот вопрос дает следующая резолюция московских продовольственников:

„Общее собрание сотрудников МГПК (Московского Губернского Продов. Комитета), состоявшееся 7 сего ноября, обсудив вопрос об отношении к текущему моменту, в связи с захватом власти большевиками, и о создавшемся благодаря этому, в Продовольственном Комитете, положении, п о с т а н о в и л о:

„Признавая, что русской революцией 1 марта были созданы в стране демократические организации, на основании способов избрания отразивших существо народных свобод, что дальнейшее изменение и развитие этих организаций в условиях революционных завоеваний могут итти исключительно путем тех же демократических способов борьбы, что большевиками допущен способ изменения этих организаций путем вооруженного захвата, возбуждения масс демагогическими приемами, уничтожения свободы слова, печати, собраний и других гражданских свобод, и что переворот 3 ноября [1]) отнюдь не является новой революцией, а составляет посягательство на ее завоевания и права свободного народа, — Общее Собрание выражает свое негодование и протестует против всех совершенных большевиками преступных актов, а в частности, против надругательства над всенародно избранной Московской Городской Думой.

„Переходя к вопросу о работе Московских Продовольственных организаций, Собрание Сотрудников считает необходимым отметить следующее: Постановлением Военно-Революционного Комитета создана должность Комиссара по продовольствию г. Москвы и ее окрестностей; назначены членами Продовольственной Управы Представители Военно-Революционного Комитета и Совета Районных Дум. Этим постановлением в корне уничтожается основной принцип выборности Управы, вводится совершенно недопустимый и гибельный прецедент внесения политики в продовольственное дело, возможность единоличных, безответственных распоряжений на ряду с существующим коллегиальным органом, каковым является Продовольственная Управа, что неизбежно должно повести и уже ведет к полной дезорганизации дела продовольствия Москвы. При таких условиях сколько-нибудь правильная органическая работа продовольственного аппарата продолжаться не может, и Общее Собрание Сотрудников заявляет свой протест против вмешательства в дело продовольствия каких бы то ни было политических организаций, а в том числе и Военно-Революц. Комитета,

---

[1]) Дата 3 ноября для меня непонятна. А. Ш.

и будет поддерживать протест всеми имеющимися в его распоряжении средствами, вплоть до всеобщей забастовки"

Едва ли нужно доказывать, что учреждение продовольственного органа при Военно-Революционном Комитете ни в малейшей степени не вело „к дезорганизации дела продовольствия Москвы". Но мой решительный образ действий по отношению к Продовольственному Комитету в приведенных выше случаях ущемлял Комитет в наиболее существенном для него вопросе, — в вопросе о его контр-революционном саботаже, который дважды был разоблачен моими предметными уроками по продовольственной работе в момент баррикадных боев. И „демократический" Комитет, организованный „на основании способов избрания, отразивших существо народных свобод" не замедлил, в свою очередь, отразить свою контр-революционную природу.

Резолюция эта, вне всякого сомнения, была сочинена и навязана служащим руководящей, меньшевистско-эс-эровской, головкой Комитета и не представляла в т о т м о м е н т никакой опасности для предотвращения забастовки в с е й организации. Надо было только перевести эту головку из здания Продовольственного Комитета в Бутырки (тюрьма) или на Таганку (тюрьма) для предоставления им в тиши тюремных камер возможности дальнейших изысканий в области „демократического развития" продовольственных организаций, — и от саботажной резолюции остался бы только один пустой выстрел.

Но здесь мне приходится опять вспомнить о той второй душе, о которой я уже говорил выше по другому поводу. Эта душа была жива не только в Московском Совете, но и в Военно-Революционном Комитете. На наглое требование эс-эровско-меньшевистской резолюции Военно-Революционный Комитет ответил не борьбой, а компромиссом. В „Известиях Московск. Сов. Раб. Деп." от 13 ноября 1917 г. было опубликовано следующее об'явление „от Военно-Революционного Комитета к населению г. Москвы": „Центральная продовольственная Управа заявила Военно-Революционному Комитету, что продовольствие населения г. Москвы может быть обеспечено только в том случае, если Продовольственному Комитету будет предоставлена полная самостоятельность действий.

„Вследствие этого заявления Продовольственной Управы и, желая устранить какие бы то ни было трения в организации продовольственного дела в дни революционной борьбы пролетариата и солдат, Военно-Революционный Комитет согласился не назначать собственного Комиссара по продовольственному делу и ограничился временно, до реорганизации Продовольственного Комитета, лишь введением в Продовольственную Управу одного своего представителя и двух представителей от Советов Районных Дум в целях общего осведомления о положении продовольственного дела.

„Доводя об этом до сведения граждан г. Москвы, Военно-Революционный Комитет об'являет:

1. „Никаких затруднений и препятствий Городскому Продовольственному Комитету ни в первые дни революционной борьбы, ни сейчас не чинилось и не чинится.

2. „Все условия снабжения населения продуктами остаются прежними, и потому по всем делам снабжения надлежит обращаться к Продовольственному Комитету, на котором единственно и лежит ответственность за распределение продуктов по районным и другим организациям".

Представителем Военно-Революционного Комитета в Продовольственном Комитете был назначен я. Но, с отказом от дальнейшего существования специального продовольственного органа при Военно-Революционном Комитете, — борьба с контрреволюционным Продовольственным Комитетом за революционную постановку продовольственного дела была чрезвычайно затруднена, и полная капитуляция перед саботажниками стала с этого момента только вопросом времени.

БОРЬБА ЗА РЕВОЛЮЦИОННЫЙ АППАРАТ СНАБЖЕНИЯ

Еще только что закончились октябрьские бои в Москве. Помещение Московского Совета, где работал Ревком, еще представляло настоящий военный бивуак: бесконечная лента входящих и выходящих красногвардейцев и солдат, спящие на диванах и креслах усталые и измученные рабочие, заплеванные и покрытые липкой грязью, окурками и подсолнушной шелухой полы, огрызки селедки на окнах и густой, кислый запах щей и капусты.

Темп работы Ревкома носил еще попрежнему характер нервной напряженности боевых дней; еще попрежнему члены Ревкома бессменно заседали в исторической комнатке № 5, но переход на мирное положение уже давал себя знать. Текущая жизнь ставила перед Ревкомом все новые и новые задачи хозяйственного и организационного характера. Москва изо дня в день пред'являла пролетарской власти все новые и новые счета в области хозяйственных нужд миллионного населения столицы. Революция требовала организации новых, ранее невиданных и неведомых аппаратов.

Все старое — на смарку; нельзя новое вино вливать в старые меха — это было ясно для большинства пролетариев и старых партийных работников. А тех, кому это не было ясно, убеждала в этой необходимости и неизбежности сама действительность. Старый мир бежал и сторонился революции. Новый мир — один, со своей верой, решимостью, чаяниями и надеждами....

Надо строить новое, свое, пролетарское. Это было также ясно и бесспорно. Но как строить? За что взяться? С чего начать. Где искать указаний, к кому итти за советом и руководством?

Сколько хорошей, здоровой тревоги было в этих вопросах, сколько молодого, творческого порыва таилось в этом революционном искании!..

— В Ревком! Туда, в этот хмурый дом, еще не остывший от экстаза баррикадных дней, — там скажут, укажут, посоветуют, сделают.....

И настоящей паломнической волной все шли и шли в Ревком ответственные и рядовые работники из районов со своими вопросами, и об этих же вопросах неумолчно звонили телефоны из Ревкома и в Ревком...

Но наиболее жгучим, острым и спешным среди всех других хозяйственных вопросов, был вопрос о хлебе.

— Хлеба для рабочих и гарнизона!

Вчерашние победители пролетарской революции нуждались в уверенности быть сытыми и сегодня, и завтра..... Огромное, решающее значение продовольственного вопроса в деле закрепления пролетарской победы выдвигалось на первый план не только в связи с теми или иными общими соображениями о технических условиях борьбы со старым миром. В частности, для Москвы, кроме этих общих, отвлеченных соображений о революционной тактике, имелись в продовольственном вопросе еще и предметные уроки только что законченных октябрьских боев на улицах столицы. Продовольственное снабжение наших действующих революционных частей не было бы осуществимо, революционная борьба московского пролетариата и гарнизона была бы осложнена опасностями, связанными с отчаянием и безнадежностью голодных людей, если бы Московский Ревком положился в этом вопросе на деятельность Московской Продовольственной Управы, если бы с первых же моментов октябрьского восстания Ревком не взял дело снабжения в свои руки, в лице специально созданного при Ревкоме продовольственного аппарата, с комиссаром продовольствия во главе.

Заставить Московскую Продовольственную Управу работать революционным темпом, приспособить ее работу к интересам не только продовольственного обслуживания *всего* населения Москвы, как это было до октябрьской революции, а к интересам прежде и больше всего пролетарских масс и революции, превратить Продовольственную Управу из органа Временного Правительства в *аппарат пролетарской революции* и добиться этого во что бы то ни стало, — вот задачи, которые выдвигались революционной действительностью и которые, в связи с этим, служили предметом неустанного внимания Ревкома и в дни баррикадных боев и в первые дни после одержанной победы. Эти же задачи поглощали целиком и мою революционную работу, в качестве и. о. комиссара по продовольствию г. Москвы и окрестностей.

Предстояла длинная и трудная борьба между двумя резко противоположными организационными принципами построения

продовольственного аппарата для г. Москвы. Полная советизация Московской Продовольственной Управы, создание нового продовольственного аппарата, на началах пролетарской диктатуры и органического единства его с советской структурой всех других хозяйственных и политических органов власти, — этот принцип выдвигал и защищал я, предлагая Ревкому не останавливаться перед самыми решительными мерами, какие окажутся нужными для фактического перехода аппарата продовольственной управы в руки Ревкома. Другой принцип, принцип профессионального нейтрализма в продовольственном деле, ставил продовольственную управу в положение Красно-Крестовского Института, технически и организационно совершенно автономного и ограничивавшего свои деловые отношения с Советской властью лишь функциями исполнения ее заданий и поручений в области продовольственного обслуживания населения Москвы. — Этот принцип выдвигался и защищался Президиумом Продовольственной Управы Принятие этого принципа, в качестве модуса „делового" сожительства Советской власти с антисоветским составом управы, выставлялось ультимативным условием для получения согласия управы продолжать продовольственные работы. Максимум уступок, на которые шла управа, это — согласие допустить меня к работам не в качестве комиссара, а как представителя Советской власти, в состав президиума, в качестве одного из членов его. Но и эта „уступка" не имела никакого реального значения, ибо, как только выяснилось, что это представительство не останется бумажным правом, а будет фактически осуществляться, — т. Шефлер. по поручению Управы, поставил передо мной „в частном порядке" вопрос о желательности, в интересах „спокойного" течения работ, воздержаться от оффициального участия в заседаниях Управы.

Таким образом, здесь, в Московской Продовольственной Управе, уже в первые дни после октябрьской победы была предвосхищена в местном масштабе та тенденция скрытой изоляции, якобы, „беспартийного, „профессионального" продовольственного аппарата от Советской власти, которая (тенденция), спустя несколько недель, развернулась пышным цветом в открытую саботажническую борьбу уже в государственном масштабе против Советской власти со стороны меньшевиков, эсеров, кадетов и прочих партийных и „беспартийных" элементов, пытавшихся превратить продовольственный аппарат в цитадель контр-революции.

Не „уступок" и не „соглашений" с продовольственными „профессионалами" требовали насущнейшие интересы пролетарской революции, а полного и безоговорочного овладения продовольственным аппаратом, со всеми вытекающими отсюда организационными последствиями. Однако, эти требования революционной действительности не представлялись Ревкому в тот

момент в достаточной степени ясными и не казались ни спешными, ни неотвратимыми. Позволительно думать, что упорство Продовольственной Управы питалось до некоторой степени и поддерживалось, между прочим, и той нерешительностью Ревкома, которую он обнаруживал в случаях столкновения с Управой и которая не могла оставаться секретом для последней.

В этом отношении практика Московской Продовольственной Управы, в своей области, и практика Ревкома — в плоскости продовольственного дела, имеют любопытные черточки сходства и параллелизма, взаимно дополняющие одна другую на арене борьбы за организационные формы государственных аппаратов. Как Продовольственная Управа предвосхищала фактически всеми своими действиями тенденцию государственного саботажа, в качестве орудия борьбы с революцией, так и Ревком своей нерешительностью и революционной половинчатостью по отношению к организационным задачам пролетарского продовольственного аппарата предвосхищал ту кустарную, об'ективно антиреволюционную систему „мешечнического" продовольственного снабжения республики, инициатором и идеологом которой впоследствии сделался Московский Совет, не раз подымавший открытые бои против последовательно-выдержанной, единственно революционной и целесообразной, по тому времени, продовольственной политики Наркомпрода.

Таковы общие условия, в которых мне, в роли продовольственного комиссара Москвы, предстояло бы осуществлять революционную необходимость создания продовольственного аппарата, пригодного для обслуживания нужд московского пролетариата.

II. ОТОЗВАНИЕ В ПЕТРОГРАД

Но вышло иначе. Как раз в те дни, когда наметилась необходимость со всей остротой и определенностью поставить перед Ревкомом вопрос о том, надлежит ли мне осуществлять представительство Ревкома при Управе реальным образом или же ограничиться ролью представителя его „в частном порядке", когда по этому очередному вопросу дня предстояло мне не мало трудной и ответственной борьбы с продовольственными соглашателями, — я совершенно неожиданно для себя получил сведение от одного из товарищей, приехавшего из Петрограда, о том, что я, по предложению ЦКРКП, назначен Совнаркомом на должность Народного Комиссара Земледелия и должен немедленно выехать в Петроград[1]).

Это известие выбило меня из того душевного равновесия, которое не покидало меня с первых дней октябрьской революции и которое вообще так необходимо во всякой революционной работе и всякому революционному работнику. Любая революционная работа может давать максимум деловых результатов и максимум личного удовлетворения, если ты отдаешься ей целиком: все желания, все помыслы, все огорчения и радости — вокруг того дела, которым ты занят сейчас в данный момент. Моя работа в Москве и была для меня именно таким революционным фокусом: кормить революционную Москву, поддержать настроение широких рабочих масс, показав им на деле, что Советская власть умеет быстро ориентироваться в трудностях хозяйственной разрухи и бороться с нею, сметая и устраняя все препятствия, выдвигаемые на пути этой борьбы аппаратами буржуазного общества.

В эти, прочно наметившиеся, задачи моей революционной работы известие о моем отозвании в Петроград внесло раздвоение. Два чувства боролись во мне. С одной стороны, все существо рвалось туда, в этот прекрасный Петроград, снова дышать воздухом города революции[2]), снова прикоснуться не-

[1]) Недавно тов. А. А. Иоффе сообщил мне, что, по предложению Владимира Ильича, Ц. К. ввел меня в Совнарком первого созыва в качестве Народного Комиссара не то Продовольствия, не то Земледелия. Он не знает, почему это назначение не было осуществлено сразу. А. Ш.

[2]) До обоснования своего в Москве, я прожил в Петрограде с июня до августа и провел на улицах столицы, между прочим, июльское восстание. А. Ш.

посредственно к революционному творчеству петроградского пролетариата и, наконец, воочию увидеть этот сказочный Смольный, где в живую действительность претворяются мечты всей твоей революционной жизни, где вера в конечное торжество пролетарской революции, всегда отодвигавшейся до сих пор в какой-то неведомый час туманной дали времен, к какому-то далекому „последнему и решительному бою", вера, согревавшая и облегчавшая самые тяжелые и мрачные моменты нашего революционного подполья, — сменяется сном на яву, непререкаемо подтверждающим факт, что первый этап к этому конечному торжеству уже пройден, что первые камни нового мира закладываются уже теперь, уже сейчас.....

С другой стороны, за дни только что законченных боев в Москве создалась такая революционная спайка с московскими товарищами по работе, что как то не мыслилось оторваться от тех, с которыми уже так много пережито, которые знают тебя и которых знаешь ты. В особенности странно было представлять себе возможность оторваться от Басманного района (ныне Баумановского). Здесь, с пролетариями этого района, в постоянном и теснейшем общении с районными работниками были проведены мною не только боевые дни октябрьской революции, но и весь ближайший к октябрьскому взрыву предреволюционный период. В Басманном районе я принимал непосредственное участие в той думской избирательной кампании (август-сентябрь 1927 г.), целью которой являлось завоевание коммунистами большинства в районных думах для превращения их в наши революционные базы и для противопоставления их контрреволюционной Центральной эсеровско-меньшевистской Московской Думе в области муниципальных интересов московского пролетариата. Здесь же, в партийном клубе местного райкома, я наблюдал незабываемые сцены военной муштровки коммунистов, будущих красногвардейцев, готовившихся систематически уже тогда к моменту надвигающейся революции. Здесь же, наконец, в Басманной районной Управе, я, совместно с членами Управы И. С. Лобачевым, С. Г. Лазоверт и председателем Р. А. Пельше, осуществлял те боевые задания по обеспечению Москвы продовольствием, которые были возложены Московским Ревкомом на меня в октябрьские дни. Работа в этой области еще только разворачивалась, намечались еще только ее первые организационные контуры и предстояло еще не мало трудностей и препятствий, преодолеть которые надо было для того, чтобы продовольственное дело поставить на революционные рельсы. Расставаться с этой работой, не доведя ее хотя бы до первого этапа — советизации продовольственной управы, — не хотелось.

Этому раздвоению моего личного настроения положило конец следующее письмо В. И. Ленина, присланное мне с т. Бубновым из Петрограда: „Дор. товарищъ! Ужасно ругаю

Васъ и всѣ ругаем Васъ. Нельзя оттягивать и колебаться в такия минуты. Нельзя дезертировать Вы нужны в министры земледѣлия и должны выѣхать сюда тотчасъ. Ругаемъ Васъ за оттяжку жестоко. До скорого свиданія. Вашъ Ленинъ[1]).

Я читал и перечитывал это письмецо, и чем больше вчитывался в его содержание, тем больше первоначальное недоумение сменялось тревогой, что в Питере делается что-то неладное. В этом коротеньком письмеце история сохранила нам памятник тех душевных переживаний, которыми был охвачен в тот момент т. Ленин.

Только этими переживаниями я могу себе об'яснить превратное истолкование причин моей „оттяжки" от'езда в Петроград. Во-первых, никакой оттяжки в действительности не было. Первое сообщение о решении отозвать меня в Петроград, привезенное мне за несколько дней до получения письма от т. Ленина, имело лишь характер случайной информации и не заключало в себе каких-либо конкретных предложений о выезде в Петроград. Впервые такое предложение мне было сделано письмом т. Ленина[2]). Во-вторых, почему он истолковывал мою мнимую „оттяжку", как колебание и дезертирством? Я не знал за собой ни одной минуты ни колебаний, в своем отношении к пролетарской революции вообще, ни дезертирства, в своей революционной практике — в частности. Каких либо сведений обо мне в этом смысле т. Ленин ни от кого и ниоткуда получить не мог. И тем не менее заподозривал меня и в колебаниях, и в дезертирстве... Почему? Где искать причин такого предположения?

Ответ на это дает справка о том печальном и тяжелом эпизоде, который разыгрался в наших партийных руководящих кругах в самые первые дни после октябрьской победы в Петрограде.

В ответ на принятое ВЦИК'ом постановление, отменяющее свободу печати для наших противников, несколько ответственных товарищей сложили с себя звание Народных Комиссаров и членов ЦК, мотивируя этот шаг следующим заявлением:

„Мы стоим на точке зрения необходимости образования социалистического правительства из всех советских партий. Считаем, что только образование такого правительства дало бы возможность закрепить плоды героической борьбы рабочего класса и революционной армии в октябрьско-ноябрьские

---

1) Сохраняю точную орфографию письма. А. Ш.

2) Одновременно с письмом т. Ленина я получил еще и телеграмму от т. Авилова-Глебова, бывшего в то время Народным Комиссаром Почт и Телеграфов. Телеграмма, адресованная в Москву на имя Московского Комиссара почт и телеграфов Подбельского впоследствии Наркома почт и телеграфов) гласила следующее: „передайте Шлихтеру, чтобы он выехал в Петроград". А. Ш.

дни [1]). На этот путь (речь идет о политическом терроре. А. Ш.) вступил Совет Народных Комиссаров. Мы на него не можем и не хотим вступать. Мы видим, что это ведет к отстранению массовых пролетарских организаций от руководства политической жизнью, к установлению безответственного режима и к разгрому страны и революции. Нести ответственность за эту политику мы не можем...“

Жутко становится, когда задумаешься над этим немым, но столь красноречивым свидетельством оффициального документа. Жутко за то одиночество, в котором оказался т. Ленин в тот момент, когда приходилось нашей партии брать в свои руки роль пролетарской революции.

До какой степени надо было потерять всякое чутье реальной революционной действительности, чтобы борьбу с буржуазной печатью отождествить с установлением „безответственного режима“ [2]). В какой мере нужно было самим авторам заявления встать фактически на путь „отстранения массовых пролетарских организаций от руководства политической жизнью“ для того, чтобы договориться до „необходимости образования социалистического правительства из всех Советских партий“. Это — после только что пережитых-то опытов с Керенским, Чхеидзе, Черновым, Церетелли и с прочими, разными—малыми и большими спасителями пролетариата от „разгрома страны и революции“

Подобная тактическая путаница об'яснялась тем, что в нашей партийной среде, не исключая и некоторых из виднейших наших товарищей, не было веры в возможность социалистического строительства в нашей стране. Наиболее отсталая в экономическом отношении страна берет на себя наиболее прогрессивные, наиболее передовые задачи хозяйственного строительства. Это явная нелепость, явная несбыточность и, в конце концов, неизбежная авантюра, -- так говорили тогда наши маловеры по вопросу о социальной сущности Октябрьской революции и ее основных задачах [3]).

---

[1]) Выпускаю несколько строк с явным искажением общ. смысла заявления А. Ш.

[2]) Режим пролетарской диктатуры действительно безответственен, но перед буржуазией; перед пролетариатом же режим этот сугубо ответственен. А Ш

[3]) Наша современная оппозиция, спустя десять лет, говорит в иных выражениях, но по существу то-же самое о строительстве социализма в одной стране. Поучительно будет вспомнить, как и что говорил десять лет тому назад т. Ленин по вопросу о сущности нашей революции, разъясняя эту сущность левым эсерам на заседании Крестьянского съезда в Петрограде 18-го ноября (ст. ст.) 1917 г. „Переживаемая нами революция“, сказал он: „есть революция социалистическая. Уничтожение частной собственности на землю, введение рабочего контроля, национализация банков — все это меры, ведущие к социализму. Это еще не социализм, но это меры, ведущие нас гигантскими шагами к социализму. Мы не обещаем рабочим и крестьянам сразу молочных рек с кисельными берегами, но говорим: тесный союз рабочих и эксплоатируемых крестьян, твердая, неуклонная борьба за власть Советов ведет нас к социализму“. (см „Правда“ № 195 от 21 ноября (ст. ст.) 1917 г. статья „Заседание Крестьянского с'езда“).

Будущий историк остановится, несомненно, с особенным вниманием на выяснении этого момента в жизни партии, момента, когда от того, или другого понимания революции зависели ее ближайшие судьбы.

В те дни революция требовала от нас максимального и сплоченного напряжения всех наших сил и способностей, требовала безоговорочного послушания нашему партийному коллективу, требовала безоглядочной готовности итти на работу, какая бы она ни была и куда бы она нас не вела. И потому отказ от этой работы, по существу был ничем иным, как ударом в спину революции, нанесенным, к тому же, из своих же революционных рядов.

— Что может еще ожидать нас впереди? Этот вопрос напрашивался сам собой. Ведь революция еще только что началась! — Ее первые бои закончились еще только в столицах. И, если, не взирая на ее первые победы, уже теперь колеблется вера в основные задачи революции у тех, кто стоит в первом ряду пролетарского авангарда, то что же будет дальше? Где найти им смену?

Вот мысли, которые пробегали в голове, когда я читал и перечитывал письмо т. Ленина. Но такие мысли волновали не только меня.

— Значит, идут вторые номера.....

Это — вслух подумала, отвечая, очевидно, на свои мысли, стоявшая тут же и распрашивавшая у т. Бубнова о событиях в Питере, т. В Н. Яковлева. В тоне, каким было это ею сказано, мне послышалось и сожаление, и сомнение. На одну минуту ее сомнение передалось и мне. В самом деле: отрываясь от рядовой работы, на которую меня поставила революция в Москве, смогу ли я оказаться полезным для работы в общегосударственном масштабе? Но кто мог бы ответить себе и о себе на этот вопрос тогда, в тот момент, когда предстояло совершенно новое, нигде и никем еще не испытанное и не испробованное дело построения пролетарского государства, когда для начертания тех или иных практических, организационных форм этого строительства в нашем распоряжении не было никаких иных рессурсов, кроме дерзаний революционного творчества? Я, по крайней мере, не нашел в себе тогда ответа на этот вопрос. Но я нашел его в иной плоскости.

— Ц. К. зовет, Ильич зовет, — значит, это нужно, сказал я себе.

— Так когда же едете? — спрашивает т. Бубнов.

— Если не успею собраться сегодня, то, во всяком случае, выеду завтра, ответил я.

Мои „домашние" сборы в дорогу были весьма несложны, ибо семья моя, до выяснения вопроса о длительности моей командировки, оставалась в Москве: жена моя в то время была поглощена ответственной работой, как член Исполкома Рогожско-

Симоновского района и заведующая отделом социального воспитания того же райсовета, а сыновья учились в гимназии. Дали мне чемоданчик в руки с бельем — и готово. Но сборы по передаче Ревкому своей работы по продовольствию потребовали бы сравнительно продолжительного времени, если бы организационный вопрос о конструировании Продовольственной Управы не был к этому моменту уже предрешен. За один-два дня до получения письма от т. Ленина конфликт между мною и продовольственной управой по вопросу о советизации продовольственного аппарата был вынесен мною и т. Шефлером[1]) на решение Ревкома. Я предлагал немедленную советизацию Управы путем роспуска контр-революционно настроенного состава ее, избранного по закону Временного Правительства, и назначения Ревкомом нового состава руководителей, пригодных для революционных задач текущего момента. Т. Шефлер же предлагал расформировать состав управы путем перевыборов ее, до выборов же оставить у дел прежний состав управы. Сущность разногласий сводилась к вопросу: нужно ли для создания нового пролетарского аппарата разрушить власть старого аппарата, построенного по нормам буржуазного права, или возможно ограничиться задачей частичного реформирования его, без революционной ломки сверху донизу. Первую точку зрения отстаивал я, вторую — т. Шефлер. Ревком согласился с доводами т. Шефлера. Продовольственная власть была оставлена в руках аппарата — не только чуждого, но и враждебного интересам октябрьской революции. Выше я уже отмечал, что упорство управы в недопущении меня, в качестве представителя Ревкома, к работам в управе об'яснялось в значительной степени нерешительностью и половинчатостью действий Ревкома. Отказавшись от советизации продовольственного аппарата революционным путем, Ревком показал, что управа не ошибалась в своих расчетах на поддержку ее „автономно-выборных прав со стороны высшего органа Советской власти в Москве.

Если не изменяет мне память, я сразу же после решения Ревкома заявил, что при таких условиях не могу брать на себя ответственности за положение продовольственного дела и должен буду сложить с себя полномочия комиссара. Таким образом, в связи с этим эпизодом, вопрос о сдаче дел по продовольствию весьма упрощался: оставалось оффициально заявить Ревкому о своем откомандировании в Петроград и о передаче своей работы т. Шефлеру.

Сделав это в ближайшем заседании Ревкома, я с первым поездом выехал в Петроград.

---

[1]) После освобождения т. Шефлера от заложничества у Московской Городской Управы, оказалось в Москве фактически два продовольственных комиссара: Шефлер и я. Положение это было закреплено Ревкомом и юридически постановлением его, сколько помнится, от 5-го ноября. А. Ш.

III. В ПЕТРОГРАДЕ

ПЕРВЫЕ ВПЕЧАТЛЕНИЯ

Эта поездка в Петроград была моим первым путешествием после Октябрьской Революции. Фактически начать это путешествие оказалось для меня совсем не так легко и не так просто, как собраться в дорогу. В моем кармане был пропуск на выезд из Москвы, был и железнодорожный билет, получение которого не потребовало никаких особенных хлопот, но... не оказалось ни одного вагона, где можно было бы найти свободное место. Пришлось обратиться к какому то старшему на станции железнодорожному чину за содействием. Показываю пропуск, говорю о необходимости немедленного выезда в Петроград по важному делу. Увы! Не действует.

— Ничем не могу помочь.....

Не помню, потому ли, что это было сказано с характерным (как мне показалось в первый момент) для саботажников пренебрежительным равнодушием, или потому, что это сказал один из ответственных представителей железнодорожной администрации, с саботажническими наклонностями которой я не раз встречался при деловых взаимоотношениях в дни октябрьской борьбы, — по той ли, или другой причине, но, чтобы обеспечить себе фактическую возможность немедленного отъезда, мне не оставалось ничего другого, как напомнить об авторитете революционной власти.

— Я спешно должен сегодня же выехать по распоряжению Председателя Совнаркома т. Ленина, чтобы занять должность министра земледелия. Потрудитесь немедленно предоставить мне какое-нибудь место — потребовал я решительным тоном.

Это был весьма рискованный шаг. У меня не было не только никакого удостоверения о цели моей служебной командировки, но не было с собой и письма тов Ленина, которое я цитировал выше. Стоило бы только железнодорожнику попросить у меня документ, которым я мог бы подтвердить правильность своего заявления о причине поездки, — и я оказался бы в самом глупом положении. Но этого не случилось. Железнодорожник не потребовал от меня служебного удостоверения и без дальнейших возражений пошел сам искать место. Вскоре он возвратился и проводил меня в вагон. Был ли это саботажник или просто человек, задерганный, быть может, десятками пред'являв-

шихся к железнодорожным агентам требований на поездку, но факт этот свидетельствует о том, что даже в этот ранний период пролетарской революции авторитет центральной власти, как реальной силы, был уже в достаточной мере высок.

Итак, прощай Москва.... Хмурым ноябрьским утром я под'езжал к Петрограду. Незаметно прошла длинная осенняя ночь в сутолоке и суете битком набитого вагона. Спать не было никакой возможности на том клочке скамьи, который, в конце концов, остался в моем распоряжении после нескольких операций уплотнения. Но спать и не хотелось. Физическая усталость целиком поглощалась тем нервным возбуждением, которое, с каждой новой станцией, нарастало все больше и больше и все напряженнее приковывало мысль к предстоящей революционной работе.

Внешний вид вокзальной жизни в Петрограде, всей вообще привокзальной обстановки в это время ничем уже не вызывал каких-либо представлений о только что пережитых днях борьбы. Все — на своем месте, все привычно и обычно: есть и носильщики в фартуках, шеренгой встречающие поезд, есть и буфет на вокзале и обилие подсолнушной шелухи, к которой так привык глаз за время революционной демобилизации нашей старой армии, и так же, как и всегда, ты можешь сдать свой багаж в „комнату для хранения", и так же, наконец, как и в „доброе, старое время", первый, кто встречает тебя, по выходе из вокзала, — это символически великолепный самодержавный городовой „всея Руси" — Александр III ...

Нет, здесь все так старо и знакомо, здесь положительно нет н о в о г о Петрограда. Но ведь он есть в действительности, этот новый, невиданный мною до сих пор Петроград! Где же он?....

В Смольном! Скорее в Смольный.

Я решаю отправиться в Смольный на трамвае, так как не уверен, что имеющихся у меня денег хватит на извозчика. Но я не знаю, как проехать к Смольному. Раньше мне не приходилось как то ни разу бывать в районе Смольного института.

— Скажите, товарищ, спрашиваю я первого попавшегося мне у вокзала человека: в каком направлении лучше всего можно проехать трамваем к Смольному и каким номером?

— В Смольный? Вы не знаете Смольного? Вы приезжий? — Забрасывает он меня, в свою очередь, вопросами с каким то, как мне показалось, недоумением.

— Да, приезжий.

— А вот бегите, товарищ, скорее к этому вагону, который как раз подходит с Невского. Только попадете ли, — вишь сколько народу висит.

И я бегу через площадь. Я знаю, что этот мой „бег" в мои годы (а годы мои в это время были уже не малые) может показаться моей личной, индивидуальной странностью. Но

я думаю, что такое об'яснение не вполне бы исчерпывало ту необычайную, совершенно не укладывающуюся в рамки обычного, будничного понимания, атмосферу, какою была насыщена октябрьская революция. Я думаю, что такой „бег" к своему революционному центру был свойственен в те незабываемые, великие дни не только революционным одиночкам, но и всей пролетарской массе в целом, во всяком случае, ее передовому авангарду, Коммунистической партии, и что только благодаря этому бегу, этой центростремительной силе, могла выковаться та организация борьбы, которая оказалась способной и обеспечить победу в октябрьские дни, и выдержать неслыханно трудную осаду своего, домашнего, и международного империализма в течение четырех с лишним лет гражданской войны....

Но вот, наконец, и Смольный. Широко открытые решетчатые ворота, ведущие в огромный двор, прилегающий к многоглазому дому обычного казенного образца, там и сям несколько торопливо спешащих фигур, десяток — полтора грузовых и легковых автомобилей недалеко от под'езда, — такова была в это время внешняя картина Смольного. И только две трехдюймовки, стоящие у самого входа в вестибюль по обоим сторонам главных „парадных" дверей, говорили о том, чего ожидали, к чему готовились здесь всего каких-нибудь две недели тому назад. Теперь эти трехдюймовки, смотрящие в пустынный двор Смольного, вызывали представление не то о брошенном, не то об уснувшем военном лагере. И лишь чехлы, которыми были старательно покрыты трехдюймовки сверху, и колпаки, закрывающие отверстия дул, напоминали о том, что у этих немых свидетелей былых боев есть и теперь чья-то заботливая хозяйская рука.

Я не помню, потребовали ли у меня пропуск или удостоверение личности в вестибюле, без чего, надо думать, никого не пускали. Не помню, вероятно, оттого, что все мое внимание в этот момент было поглощено не этим обычным требованием революционной предосторожности, а наблюдением над всей вообще обстановкой, в которой работал и действовал центральный аппарат Советской власти.

И вот эта общая картина всей обстановки так запечатлелась в моей памяти, что я и в настоящий момент не только зрительно представляю ее себе, но даже как то, так сказать, чувствую ее, ощущаю.

Прежде всего бросалась в глаза относительная чистота и лестницы, и коридоров. Не знаю, как и чем достигалась эта чистота в то время, когда каждое революционное учреждение, и в том числе в наибольшей степени Смольный, — являлось боевым штабом в полном смысле этого слова, через который почти бессменно, и днем и ночью, проходила живая волна и местных, и приезжих работников. У каждого из них было свое и, обычно, спешное дело, каждому было не до заботы о соблюдении возможной чистоты. Не вытереть сапог от

налипшей грязи, бросить ненужный клочек бумаги или окурок, где попало, — все это так понятно и естественно в условиях революционной обстановки. И если всех таких признаков лагерной, боевой жизни было в Смольном меньше, чем, например, в Московском Совете, то это говорило об относительной налаженности уже в то время административно-хозяйственного аппарата в Смольном.

Но налаженность, хотя бы и относительная, в подобного рода работах Советского аппарата, — работах, не могущих вообще иметь никакого решающего значения для организации боевых задач пролетарской власти, — эта налаженность свидетельствовала, в свою очередь, об уверенности победившего пролетариата в завтрашнем дне. Какое то ощущение уверенности во всем, с чем я встретился в этот момент в Смольном, — это было то второе, что запечатлелось в моей памяти.

— Здесь находятся хозяева, здесь все — у себя дома, — так я мог бы формулировать итог своих первых внешних впечатлений от общей обстановки Смольного.

Проходил ли я мимо красногвардейца-рабочего, стоявшего на посту с винтовкой, встречался ли с кем-нибудь из служащих в коридоре, или прислушивался к ответам, которые давал посетителям, время от времени выходивший в приемную секретарь Совнаркома (кажется, Н. И. Горбунов), — на всем этом лежала печать сосредоточенности, деловитости и уверенности, все это производило впечатление опять таки уже достаточно налаженного административного аппарата.

И, наконец, третья черточка, которая осталась отчетливо в памяти от первого моего дня в Совнаркоме — это необычайная простота двух примыкающих к кабинету т. Ленина комнат: приемной и общей канцелярии, а также необычайная доступность советского персонала для посетителей. Что представляла собой, в сущности, эта, так называемая, „приемная"? — Большая, какая то несуразная проходная комната, перегороженная двумя деревянными диванами на две неравные части. В перерыве между диванами стоит небольшой, простой белый столик, за которым сидит служащая, опрашивающая каждого о цели прихода. После опроса посетитель переходит за линию диванов и попадает в большую половину комнаты, которая и служила собственно приемной. Простой стол с чернильницей, диван, не помню мягкий или деревянный, и несколько венских стульев, — вот и вся обстановка Совнаркомовской приемной в те дни. Какую ядовитую улыбку чванливого пренебрежения должна была вызывать эта приемная у тех, кто привык к лакейским ливреям и прочим принадлежностям правительственных аппартаментов царского времени! Но зато сколько радости и удовольствия оставляла эта простота обстановки в душе рабочего, который приходил в Смольный по разным делам к „своему" „рабочему" правительству! Здесь для него было все свое, — все близкое

и знакомое. В особенности это чувство близости должен был испытывать рабочий и крестьянин, когда они соприкасались с Совнаркомовской канцелярией, с той комнатой, которая непосредственно вела в служебный кабинет т. Ленина. Это тоже была большая и наполовину пустая комната. Три простых канцелярских стола, один столик с пищущей машинкой, два шкафа, несколько стульев да простая, наскоро сколоченная, вешалка у двери в кабинет т. Ленина, на которой обыкновенно вешали пальто приходящие к нему посетители, — вот и вся обстановка канцелярии.

У ИЛЬИЧА

В эту же комнату был сразу пропущен и я. Через несколько минут я был уже в кабинете у т. Ленина.

— Ну вот, мы вас давно уже ждем, тов. Шлихтер, — встретил меня т. Ленин с тем обычным товарищеским радушием, которое было так свойственно ему не только в личных, но и деловых отношениях; что вы так долго собирались?

Мне хотелось поскорее рассеять какие-бы то ни было сомнения его относительно причин моего запоздания, и я тороплюсь рассказать и о том, как было дело с его письмом и с моим „дезертирством", и, вообще, вкратце передать ему о московских настроениях и работе.

Тов. Ленин — весь внимание. Правый глаз прищурен, левый сосредоточенно всматривается в меня...

Еще две-три фразы, — и вопрос о „дезертирстве" ликвидирован.

— В ближайшем заседании Совнаркома будет оформлено, заканчивает наше деловое свидание т. Ленин, Ваше назначение комиссаром земледелия. Но было бы хорошо, если бы вы сейчас же занялись приемом крестьянских делегатов с мест. Нужны конкретные раз'яснения и инструктирование мест о практических мероприятиях, связанных с декретом о конфискации земли. С этим нельзя медлить, а делать этого некому. Затем, немедленно же надо взять министерский аппарат в свои руки и спешно выработать „Положение" о земле. В канцелярии Вам передадут все дела и материалы...

Такова была кратко формулированная т. Лениным программа работ, намеченных, в первую очередь, для центрального аппарата Советской власти по земельному и, в связи с этим, по крестьянскому вопросу. С формальной точки зрения в этой программе не было собственно ничего „программного" в строгом смысле этого слова. Была здесь единая руководящая идея, об'единяющая намеченные т. Лениным первоочередные задачи, — идея, о которой на этот раз не упоминал т. Ленин и которой не касался я, но которая для нас, большевиков, не была

новинкой уже со времени революции 1905 года. Это — идея о том, что пролетарская революция может победить лишь при условии союза рабочих с крестьянством. Обеспечить поддержку революции крестьянскими массами во что-бы то ни стало, — вот для чего нужны были — и спешно нужны — и конкретные раз'яснения крестьянским делегатам, и овладение министерским аппаратом, как организационным условием для совершенно новой работы на местах, и, наконец, „Положение" о земле, долженствующее дать крестьянству не терпящие отлагательства организационные ответы о формах и условиях пользования той землей, с которой пролетарская революция впервые сорвала вековые оковы частной собственности.

Но естественно, что формулированная т. Лениным программная схема ничего другого, кроме этой идеи, не ставила; она совсем не давала никаких практических указаний о способах и средствах осуществления намеченных общих задач. Найти эти способы, определить революционную целесообразность той или иной практической меры, — в этом заключалась ответственная и трудная сторона той работы, которую возлагала на меня программная схема т. Ленина и выполнение которой тем самым предоставлялось моей самостоятельности.

Потребность в ком-нибудь, специально предназначенном для текущей работы по Комиссариату Земледелия, была в тот момент так велика, что мне действительно пришлось буквально исполнить предложение т. Ленина — „сейчас-же" приступить к исполнению обязанностей. Одна из служащих канцелярии Совнаркома, временно исполнявшая разнообразные поручения справочного характера по делам Комиссариата Земледелия, уже поджидала меня у выхода от т. Ленина и, узнав о моем назначении, просила немедленно же принять от нее „дела" и „канцелярию". У меня еще не было квартиры и, вообще, я не успел еще, как следует, оглядеться после бессонной ночи в поезде, но ее порывистое стремление поскорее ввести меня, так сказать, во владение моим новым делом так заражало меня, что я без возражений согласился сразу же приступить к исполнению своих обязанностей.

— Вот ваша канцелярия, сказала мне она, подведя к одному из шкафов, стоявшему тут же, у стены, и раскрывая его: вот здесь печатные экземпляры обращения к крестьянам с некоторыми руководящими указаниями, это — единственное, что мы имели до сих пор и что мы даем каждому крестьянину, который приходит к нам. А здесь, — продолжала она, показывая на другую полку: лежат письменные и телеграфные запросы с мест и заявления крестьянских делегатов.

— Это все? спросил я.

— Все.

— Ну, а где же я мог бы работать? Столик бы какой-нибудь и один, два стула, — хлопотал я об оборудовании

моей канцелярии, не без смущения оглядывая окружающую обстановку.

Мое смущение было не напрасно, ибо просьба оказалась действительно не из легких для Смольного в те дни: всего было в обрез.

— Кабинета для комиссара земледелия здесь нет; придется Вам временно работать здесь-же, в общей канцелярии. А стол... задумалась устроительница моего делового пристанища, возьмите себе вот этот столик, который предназначен, на случай надобности, для посетителей к Владимиру Ильичу, — и стулья достанем.

Моя канцелярия была вся при мне и со мной, мой „кабинет" был готов.

Впоследствии, за все годы революции, мне и в Петрограде, и во многих других местах моего „предметного обучения" советской работе приходилось иметь разные кабинеты — без ковычек. И, право же, я затрудняюсь сказать, работалось ли мне в них когда-нибудь так весело и с таким деловым зудом, как это было в те 7—8 дней, которые я прокабинетствовал за своим наркомземовским столиком в общей канцелярии Совнаркома..... И было это не почему иному, как потому, что вся моя работа в эти дни, в течение служебных часов (если не ошибаюсь с 10 до 4-х), протекала не за „бумажными отношениями" и „предписаниями", а почти исключительно в деловом и непосредственном общении с представителями крестьянской массы, с теми „ходоками", которые в Смольном искали разрешения всех своих вопросов и сомнений.

Целыми фалангами изо дня в день проходили они передомной, столь разнообразные, каждый по своему, в своих запросах и нуждах, касающихся „своего" села, и, в то же время, столь похожие один на другого.

— Что же и как оно будет?...

— Как ее, землю-ту, к примеру, взять?...

— Потому, видишь, товарищ, надо, чтоб для всех безобидно.....

Вот основное содержание тех практических, иногда до очевидности мелких, вопросов, из за которых деревня посылала своих ходоков в Петроград для того, чтобы получить раз'яснение их в Совнаркоме вообще и, в частности, „непременно у самого г. Ленина". Декрет пролетарской революции о немедленной передаче всей земли крестьянству, всколыхнул деревню до самых глубин ее.

Деревня судорожно рвалась к деловому закреплению земельной реформы, но декрет о земле устанавливал лишь общую норму революционного права. В эту общую норму деревня пыталась немедленно же влить содержание революционной практики и тянулась к революционному центру за указаниями и ответами.

Именно в эти дни было заложено основание деловой спайки Советского правительства с крестьянскими массами. Перебирая в своей памяти все, что мне довелось видеть и слышать в это время, я не могу не рассказать в особенности об одной сценке, как наиболее показательной и поразившей меня красотою своей непосредственности. На второй или третий день моего наркомземства в мою приемную явилась делегация, состоявшая из трех хлеборобов Черниговской губернии. Среди них в особенности выделялся представительный седобородый старик, настоящий крестьянин, только что, казалось, оторвавшийся от сохи. Он обратился ко мне, как обращались обычно и все другие делегации, с расспросами, касающимися индивидуальных и конкретных нужд его деревни в земельном вопросе, получил от меня все раз'яснения и указания, но в то время, как все другие делегации, получив ответ, обыкновенно сразу же уходили, — я замечаю, что мой старик уходить не собирается. Я жду, что будет дальше... Немного помявшись и покряхтев, как это обыкновенно делают крестьяне в затруднительных случаях, старик спрашивает меня:

— Товарищ, как бы повидать т. Ленина?

— А зачем, спрашиваю, он вам нужен?

— Не могу, отвечает, уехать домой, не повидавши т. Ленина. Я должен его повидать и должен сказать потом своим, что я его видел, и с таким наказом послали меня сюда мои односельчане. Они мне сказали: „Непременно от самого Ленина узнай, что и как надо делать".

Желание старика меня весьма заинтересовало. Подобного рода общение самой „земли", самих масс, творящих революцию в глухих углах далекой провинции, с выразителем интересов этой революции, с ее душой и мозгом, — товарищем Лениным, показалось мне, сразу же, не лишенным тактического значения. Но, зная столь характерную для Владимира Ильича нелюбовь ко всякого рода подобным встречам, я чувствовал себя в некотором смущении.

Я знал, что, когда я приду к нему и сообщу, что его хочет видеть делегат от Черниговской губернии, он замашет руками и скажет мне:

— Уж вы пожалуйста сами как-нибудь и что-нибудь сделайте....

Но для меня не было сомнений, что т. Ленина надо было непременно показать крестьянскому делегату, и потому, как Владимир Ильич ни вертелся, удрать ему от этой аудиенции не удалось. Я этих крестьян к нему свел, и надо было видеть через 2 — 3 минуты буквально одухотворенное счастьем лицо — говорю без преувеличения — этого старика, когда он вышел от т. Ленина.

— Спасибо, товарищ, благодарил он меня: теперь я все расскажу дома...

Был ли этот крестьянин коммунистом? Конечно, нет. Сделался ли он коммунистом впоследствии? Почти наверное — также нет.

Но его лицо говорило об искреннем и глубоком доверии к коммунистической партии, впервые и всерьез — по настоящему, осуществившей заветные думы крестьянства о земле...

Два — три дня спустя после начала моих работ по комиссариату, я в заседании Совнаркома был официально назначен и. о. Наркомзема [1]). Теперь можно уже было бы сразу приступить к выполнению второй из задач, порученных мне т. Лениным а именно — к овладению центральным аппаратом Министерства Земледелия. Но в этот момент уже началось наше сватанье с левыми с-рами. Невеста была с запросом. Одним из категорических требований левых с-ров было непременное предоставление в их руки поста Народного Комиссара Земледелия. Только на этом условии (не касаясь других, менее важных требований) вырисовывалась реальная возможность действенного, немедленного и безоговорочного принятия партией левых с-ров, как партией, Советской власти и согласия с-ров разделить с коммунистами ответственность власти Только при этом условии можно было добиться столь необходимой для революции смычки организованного пролетариата с происходившим тогда в Петрограде Всероссийским Крестьянским С'ездом, отражавшим земельные чаяния широких крестьянских масс и руководимым центральным комитетом левых с-ров, во главе с виднейшими его членами: „Марусей" Спиридоновой и Натансоном.

— Только мы являемся истинными выразителями интересов широких трудящихся масс крестьянства, ожидающих от революции социализации земли. Поэтому в наших руках должно быть распоряжение Комиссариатом Земледелия, которому предстоит практическое осуществление задач „социализации" земли, — таково было в общем принципиальное обоснование левыми с-рами своего ультимативного требования предоставить им фактическое обладание Наркомземом.

— Если мы можем получить в качестве союзника все крестьянство на условиях предоставления левым с-рам возможности строить социализацию земли, — то им и перо в руки: пропишем в декрете социализацию, дадим им ее — и пускай строят. Жизнь скоро разоблачит и сущность этой „социализации" и подорвет, вместе с тем, доверие крестьянства к лево-эсэровской партии, — так (в общем) говорил по этому вопросу т. Ленин в одной из бесед со мной, в связи с возникшими среди некоторых из наших товарищей (ответственных работни-

---

[1]) Если не ошибаюсь, уже в то время звание Наркома присваивалось лишь после санкции ВЦИК.

ков) растерянности и даже конфуза перед предстоящим декретом о „социализации“ [1]).

— Мы знаем, что никакой социализации крестьянского хозяйства сейчас в действительности быть не может; ведь это же нелепость — подписываться под таким декретом, — говорили эти товарищи....

Теперь, когда так блестяще подтвердилось предсказание т. Ленина и когда мы все и давно уже понимаем, что без такой тактической линии Владимира Ильича мы не сумели бы заложить фундамент для союза с крестьянством, прочность которого не смогли потом, в конце концов, подорвать ни дьявольские попытки левых и правых с-ров, ни тяжелое бремя, возлагавшееся революцией на крестьянское хозяйство, — теперь как то странно вспоминать об этой растерянности и как то трудно верится, что это могло быть среди нас.

Но возвращаюсь, однако, к последовательному изложению событий, очевидцем и участником которых я был. Одно из звеньев смычки пролетариата с крестьянством было, таким образом, найдено, союзный договор был заключен. Надо отдать справедливость с-рам, которые сумели продемонстрировать это событие с большой торжественностью. После постановления о присоединении к Советской власти, крестьянский с'езд целиком с оркестром музыки и знаменами влился около 7—8 час. вечера в происходящее в то время заседание ВЦИК в Смольном.

ПЕРВАЯ ВСТРЕЧА С САБОТАЖНИКАМИ

Если не ошибаюсь, на этом же торжественном заседании было сообщено, что народным комиссаром земледелия будет назначен один из участников крестьянского с'езда, тогда левый с-р, а впоследствии (после июльского восстания левых с-ров

[1]) Вот как говорил по этому вопросу т. Ленин публично в своей речи на крестьянском с'езде в Петрограде 18 ноября (ст. ст.) 1917 г., в Александринском театре:

„Нам говорят, что мы против социализации земли и что, поэтому, мы не сумеем договориться с левыми эсерами.

„Мы отвечаем на это: „Да, мы против эсеровской социализации земли, но это не помешает нам быть в честном союзе с левыми эсерами.

„Сегодня или завтра левые эсеры выдвигают своего министра земледелия и, если он проведет закон о социализации, мы не будем голосовать против. — Мы воздержимся.“.

Заканчивая свое слово, тов. Ленин подчеркнул, что только союзом рабочих и крестьян возможно добиться земли и мира

Тов Ленину, между прочим, был задан вопрос, что будут делать большевики в Учредительном Собрании, если левые эсеры будут там в меньшинстве и предложат закон о социализации земли? — воздержатся ли тогда большевики? Конечно, нет! ответил Ленин: большевики будут голосовать за (курсив мой. А. Ш.) этот закон, оговорившись, что мы голосуем за этот закон, чтобы поддержать крестьян против их врагов“ ... (курсив мой. А. Ш.)

К сожалению, у меня нет стенограммы этой речи (я не знаю, сохранилась ли она вообще в наших архивах), и потому я цитирую речь Ленина из отчета о с'езде в „Правде“ № 195 от 21 ноября (ст. ст.) 1917 г.

в Москве) коммунист т. Колегаев. После этого операцию передачи дел министерства Земледелия в руки Советской власти следовало бы выполнить уже фактическому комиссару т. Колегаеву. Но т. Колегаев задерживал свой визит в министерство до оффициального назначения его комиссаром, а т. Ленин находил нужным немедленно приступить к организационным работам по комиссариату, и потому первую встречу с чинами Министерства Земледелия пришлось выполнить мне. Не без любопытства я под'ехал одним утром в автомобиле к зданию Министерства. Парадный ход оказался запертым. Звоню, но безрезультатно: в вестибюле никого не видно. Шоффер отправляется на поиски черного хода. Спустя немного, из за угла дома выглядывает какая-то фигура и, наконец, щелкает замок у паралной двери. Меня встречают швейцары в ливреях, видимо, смущенные и не знающие, как себя держать со мной.

— Я — народный комиссар. Проводите меня в кабинет бывшего министра.

— Пожалуйте.

В коридоре — могильная тишина. Все говорит о том, что здесь не работают.

— Есть ли у Вас тут кто-нибудь? спрашиваю я швейцара.

— Так что чиновники все разошлись, а есть только товарищ министра и его секретарь.

— Позовите секретаря.

— Слушаюсь.

Почти вслед за мной в кабинет вошел молодой человек, весьма предупредительный и очень изысканный.

Я ему говорю: „Доложите товарищу министра гражданину Вихляеву, что народный комиссар земледелия приглашает его явиться для сдачи дел".

Секретарь явился, очевидно, подготовленным к такому моему требованию и, хотя и вполне корректно, но решительно сказал:

— Я должен предупредить вас, что товарищ министра просит вас пожаловать к нему в кабинет, который тут же, рядом.

По мнению „товарища министра Земледелия" Вихляева, очевидно, происходили в России в этот момент не глубочайшие по значению исторические события, а, так себе, какая то временная и преходящая „чехарда". Только этим я могу об'яснить этот нелепо придуманный способ борьбы с Советской властью, которая пришла взять в свои руки то, что ей принадлежит.

Я спокойно, но со всей необходимой для такого случая выразительностью ответил, что народные комиссары не ходят для принятия дел, а требуют явиться того, кто должен сдать дела.

— Слушаюсь. Все так же корректно, но уже с плохо скрытым волнением отвечает секретарь.

Пошел доложить, приходит и снова говорит:

— Товарищ министра снова просит вас пожаловать к нему в кабинет.

— Скажите гражданину Вихляеву, поручил я секретарю, что сегодня я ухожу, чтобы дать ему возможность подумать, но завтра я снова явлюсь для того, чтобы опять предложить ему немедленную сдачу дел, и, если дела опять не будут сданы, то передайте ему, что могущие возникнуть для него из за этого неприятности будут лежать на его собственной вине.

После этого я уехал, а на другой день опять приехал. Сейчас же по зову моему явился секретарь, а после — и сам Вихляев. Мы поздоровались официальными поклонами.

— Прошу вас, показываю я Вихляеву на стул.

— Я пришел к вам, говорит Вихляев, не как товарищ министра и не как к комиссару. Я пришел к вам, как к своему коллеге по профессии, как статистик к статистику. Я хочу поговорить с вами, как член одной и той же корпорации и по поручению корпорации [1]). Скажите, пожалуйста, вам, как статистику, дорого ли доведение до конца той статистической переписи, которая была начата при Временном Правительстве, которая находится сейчас в стадии разработки и которая погибнет, если вы осуществите то, чего вы хотите добиться?

„Какая типичная и жалкая интеллигентщина", подумал я, слушая Вихляева: „и какая наивная попытка продлить свое саботажническое дело, путем статистического б е с т а".

— Зачем же вы так катастрофически подходите к этому вопросу? спросил я, в свою очередь. Речь идет лишь о сдаче вами дел по управлению Министерством и об устранении вас от должности товарища министра, а совсем не о лишении вас возможности продолжать статистическую работу по переписи. Я, с своей стороны, охотно согласился бы поручить это важное и для вас, и для Советской власти дело вашему непосредственному руководству. Но для этого требуется немедленное распоряжение от вас персоналу Министерства прекратить саботаж.

— Я не могу сделать такого распоряжения...

— Тогда не пеняйте на меня. Решение Советской власти будет исполнено мною во что бы то ни стало, а вы будете совершенно исключены из штатов комиссариата.

— Я этого ожидал....

— Я вас больше не задерживаю, закончил я нашу беседу, давая ему понять, что он может уйти.

Но Вихляев не уходит, о чем то думает, как то мнется и конфузится. И, наконец, спрашивает меня.

---

[1]) Вихляев — известный статистик, заведывавший Статистическим Бюро Московского Губернского Земства до назначения его тов. министра Земледелия при Временном Правительстве. В бытность свою земским статистиком, я встречался с ним и в Московском Бюро, и на статистических с'ездах.

— Я здесь живу, занимаю одну комнату. Неужели вы у меня и квартиру отнимете? Может быть, вы сами хотите ее занять?

Признаюсь, я был совершенно обескуражен в первый момент от этой просьбы. Человек, имевший только что гражданское мужество решительно отказаться от подчинения требованию Советской власти, не нашел в себе ни достоинства, ни воли удержать себя от выявления передо мной, его „врагом", чисто животного страха перед перспективой лишения личных удобств жизни. Обыватель оказался сильнее гражданина.

— Квартира у меня есть, и комната ваша мне не нужна, ответил я Вихляеву; Советской власти нужен аппарат министерства Земледелия, а не ваша комната. И пока этот огромный дом, благодаря вашим усилиям, стоит пустым, будьте уверены, что Советская власть не станет прибегать к лишению вас комнаты, пока она не понадобится для аппарата.

На этом мы расстались с Вихляевым. На другой или на третий день после этого был опубликован мой приказ о его увольнении.

Этот приказ был единственным актом моего оффициального выступления в качестве комиссара Земледелия. Через 2-3 дня т. Колегаев вступил в должность комиссара, а я, по предложению Владимира Ильича, должен был остаться в составе членов Коллегии Наркомзема, в качестве представителя коммунистов. Я не разделял мнения тов. Ленина, что мое участие в работах, при сплошном составе левых с-ров, могло бы обеспечить проведение практических мер по землеустройству, целесообразных с точки зрения коммунистической, а не лево-с-ровской идеологии. Вся практика неизбежно отражала бы идеологию только левых с-ров. Да иначе и быть не могло. Поскольку была признана социализация земли, постольку отсюда неизбежно и естественно вытекали соответствующие выводы в земельной практике. Одно время тов. Ленин, повидимому, не терял надежды как-либо „подправить" выработанный левыми с-рами проект закона о социализации земли. С этой целью т. Ленин настойчиво требовал от меня „поскорее и повнимательнее" проштудировать этот проект и дать свое заключение. Я это требование выполнил, но заключение сделал только такое, какое было возможно сделать: поскольку проект был построен на принципе „социализации", его детали были разработаны удовлетворительно. Поэтому, охотно уступая требованию тов. Ленина остаться в Наркомземе, я все же с некоторой тревогой примирялся с перспективой тех трений с левыми с-рами, которые были неизбежны и обещали мне мало веселого. Однако спустя несколько дней после вступления т. Колегаева в должность, судьбе было угодно выручить меня из предстоявших затруднений, но, правда, только затем, чтобы бросить меня в переделку, гораздо более трудную и несравненно более ответственную, чем это было бы для меня в Комиссариате Земледелия.

———

СНОВА НА ПРОДОВОЛЬСТВЕННОМ ФРОНТЕ.

Уже в момент наших переговоров с левыми с.-р. и выяснившейся необходимости передать им руководство Комиссариатом Земледелия, ко мне явился однажды товарищ А. С. Якубов, один из членов коллегии Наркомпрода, с просьбой взять на себя руководство Комиссариатом продовольствия в качестве Наркома. В это время комиссаром продовольствия первого, так сказать, назначения был товарищ Теодорович, выехавший из Петрограда в Сибирь сразу после назначения, даже не побывавши в министерстве продовольствия. По словам товарища Якубова, дальнейшее промедление в деле организации Наркомпрода, в случае моего отказа, ставило бы с каждым днем все в более и более затруднительное положение вопрос о взятии Наркомпрода нами в свои руки, повело бы к укреплению старой буржуазной власти в одной из наиболее важных для данного момента отраслей государственной жизни, и, в конце концов, могло бы осложниться весьма тяжелыми последствиями для советской власти, лишенной возможности, при фактическом отсутствии своего аппарата, разрешения продовольственных нужд, — разрешения, являющегося, как это было ясно уже с первых дней революции, важнейшей основой существования Советской власти.

— Является ли ваше предложение вашим собственным мнением о необходимости моего участия в конструировании продовольственного аппарата, или вашу точку зрения разделяют и ваши товарищи по коллегии? спросил я.

— Предложение было сделано по решению и уполномочию всех членов коллегии. Я просил дать мне возможность подумать над этим вопросом, предупредив, что, во всяком случае, если бы я и счел возможным взять на себя такое поручение коллегии, то сама коллегия официально должна будет выдвинуть этот вопрос перед ЦК и Совнаркомом. Товарищ согласился с такой моей постановкой вопроса, дал мне для обдумывания одни сутки и предупредил, что по этому вопросу коллегия уже советовалась с одним из членов Центрального Комитета — тов. Сталиным, который, в данном случае, всецело присоединяется к мнению коллегии о необходимости отставки тов. Теодоровича и назначения меня Наркомпродом.

Предложение тов. Якубова, заставшее меня врасплох, ставило передо мною весьма ответственную задачу. Продовольственный вопрос в организационном отношении и практически не был в то время для меня делом новым. Еще в Сибири, в ссылке, во второй половине 1916 и, особенно, с начала 1917 года мне пришлось принимать участие в организации государственного аппарата тогда еще в новом продовольственном деле. В результате нескольких заседаний, созывавшихся Красноярской городской Управой, на которых

я участвовал в качестве секретаря Общества сельского хозяйства, торговли и промышленности Енисейской губернии, — я, если не ошибаюсь, в феврале или марте 1917 года — на общем собрании, был избран в члены Красноярской продовольственной управы. Революционная работа, поглотившая меня с первых же дней февральской революции, не давала мне возможности уделять практическому делу в продовольственной управе того внимания, которого это дело требовало, принимая в особенности в соображение тот факт, что я являлся там, если не ошибаюсь, единственным представителем большевиков. Тем не менее, все же и в Красноярске, некоторое участие в организации аппарата мне удалось принимать. Более близкое участие в организационных работах продовольственного дела уже ex officio выпало на мою долю уже в Петрограде с июня по сентябрь 1917 года (где я работал в течение этого времени в качестве заведывающего статистическим отделом центральной петроградской продовольственной управы, будучи приглашенным на эту должность известным статистиком В. Г. Громаном, бывшим в тот момент председателем означенной управы), как в исполнительном комитете рабочих и солдатских депутатов, так и в кругах министерства продовольствия. Наконец, в октябрьские дни в Москве, как я указывал уже выше, мне довелось, в качестве комиссара продовольствия г. Москвы осуществлять задачи руководства продовольственным делом и нести огромную ответственность за это дело в тех условиях, которые с первых же дней наметились в продовольственном деле боевою обстановкою, сразу же выявившей все его необычайные организационные трудности. Таким образом моя предшествовавшая работа делала меня не новичком в том деле, к которому привлекала коллегия Наркомпрода первого созыва, связывая со мною весьма обязывающую меня надежду заложить первые камни в том продовольственном аппарате, работа которого была так тесно связана впоследствии со всеми успехами пролетарской революции.

Тогда, обдумывая предложение товарища Якубова, я, конечно, не мог предвидеть и десятой доли тех трудностей, с какими мне фактически пришлось столкнуться в первые месяцы существования центрального советского продовольственного аппарата — Наркомпрода. Но уже и тогда для меня была совершенно ясна неизбежность необычайно трудной борьбы за овладение продовольственным делом. Было ясно, с одной стороны, что сколько нибудь реальная постановка продовольственного снабжения городского пролетариата и революционной армии может быть обеспечена лишь при условии создания своего собственного советского аппарата. Но отсюда вытекали два обстоятельства, все значение которых определилось уже в ближайшие после этого недели и даже в первые 2-3 месяца. Это, во-первых, фактически, а не на бумаге — путем декретного предписания, вырвать из рук уже прогнанного к тому вре-

мени буржуазного Временного Правительства власть в продовольственном деле, — другими словами, создать свой советский аппарат, разрушив аппарат министерства продовольствия. Второе обстоятельство, которое при решении выдвинутого вопроса уже стояло предо мною, это чрезвычайная и известная мне, нерешительность для такого боевого революционного подхода в наших собственных рядах, в руководящих кругах Советской власти.

Тактические приемы сопротивления советской власти со стороны буржуазии, уже начинавшие выявляться, и в тот момент, о котором идет речь представляли собою, правда, в полном смысле слова лишь цветочки. Ягодки, в виде стройно организованного саботажа и организационной подготовки контр-революционных выступлений, были еще впереди. Но, повторяю, факт неизбежного сопротивления буржуазных кругов в продовольственном деле был для меня очевиден и тогда. Значит была очевидна неизбежность и для нас противодействовать буржуазной тактике насилием. Взяться за построение советского продовольственного аппарата — это значило уже в тот момент открыто об'явить готовность вступить в гражданскую войну в продовольственном деле. Вот эта неизбежная задача в тот момент отнюдь не казалась неизбежной и единственно правильной в наших собственных рядах.

Таковы были условия, сообразоваться с которыми мне приходилось, решая вопрос о своем участии в работах по Комиссариату Продовольствия. Условия эти, как очевидно само собою, не обещали ничего, кроме невероятной трудности советской работы в этой области. Но таково уж было это время. Перед всеми нами в тот момент, когда решались судьбы только что завоеванной пролетариатом политической власти, стоял вопрос обычно не о том, можем ли мы браться за то или иное трудное, ответственное, а нередко и незнакомое дело, а вопрос о том, что мы должны браться за это дело, раз этого требуют интересы революции. Вот это то последнее соображение и явилось, в конце концов, решающим для меня, и я ответил Коллегии Наркомпрода согласием принять предлагаемую мне работу.

ВТОРАЯ ВСТРЕЧА С САБОТАЖНИКАМИ

В ближайшие же дни товарищем Лениным был подписан декрет о моем назначении в качестве Временного Заместителя народного комиссара продовольствия [1]). Из разговоров с тов.

---

[1]) Народным Комиссаром в этот момент оставался еще т. Теодорович, уехавший в первые дни после Октября в Сибирь и еще не возвратившийся обратно.

Якубовым для меня уже было ясно, что в Аничковом дворце, где в это время помещалось министерство продовольствия Временного Правительства, мне придется в первые же дни столкнуться с организованным стремлением штата министерских чиновников не допустить перехода аппарата в руки советской власти. Я ожидал открытого и упорного сопротивления, но, признаться, никак не мог предвидеть, что это сопротивление не будет лишено некоторой доли в полном смысле слова комического поведения со стороны тех, которые хотели и решались бороться с советскою властью.

Попробую восстановить, хотя бы вкратце всю обстановку, которою сопровождалась процедура вступления моего в комиссарство. Коллегия Наркомпрода в тот момент состояла из следующих товарищей: Калинин М. И., Козьмин П. А., Мануильский Д. З., Розовский С. З. и тов. Якубов А. С. Мы условились, что передача дел по министерству продовольствия будет выполнена в присутствии всей коллегии. Было предположено, что первая встреча моя с чиновниками министерства произойдет в бывшем кабинете Александра III, в котором в это время занимались, если не ошибаюсь, один или два члена Коллегии.

Живо я помню свое первое прибытие в Аничков дворец. Не знаю, было ли известно чиновникам министерства, что советская власть решила во что бы то ни стало немедленно взять в свои руки продовольственное дело и что назначение мое имеет целью сразу же прекратить то двусмысленное положение в министерстве продовольствия, которое занимала до того момента коллегия Наркомпрода, — но появление мое еще с каким то членом Коллегии, который должен был проводить меня в назначенный кабинет, сразу же вызвало комические сценки иронического любопытства, с которым меня встречали и в вестибюле, и на лестнице, и кое где в коридоре группки служащих. Сколько задорной насмешки, недоумения и веселого изумления сквозило в глазах тех, мимо которых мне приходилось пройти, прежде чем попасть в свой кабинет, и с каким в то же время самоуверенным сознанием своей силы и своего превосходства встречали нас продовольственные саботажники в тот момент!

Но вот, наконец, мы пришли. Мы на пороге небольшой приемной, у одной из дверей которой навстречу нам поднимается со стула статная высокая фигура старого отставного солдата в чистенькой одежде дворцового швейцара. Это был тот самый милый Иван Семенович Кононов, старый служака сначала при Александре III, а потом курьер при министре продовольствия временного правительства, который потом проявлял столько трогательного внимания и заботы по отношению к нам, как представителям советской власти.

— Где кабинет бывшего министра? — спрашиваю я у Ивана Семеновича.

— Пожалуйте.

Иван Семенович открывает дверь, и мы входим.

В кабинете я нашел уже почти всю коллегию в сборе. У всех, как мне кажется теперь, было несколько приподнятое настроение, но у каждого оно проявлялось по своему: т. Калинин как то хмуро молчал, а т. Мануильский, остроумный и жизнерадостный каламбурист и рассказчик, был в особенном ударе и смешил нас своими шуточками по поводу предстоящей встречи с саботажниками.

Но вот мы все уселись, я нажал кнопку и вызвал курьера.

— Позовите ко мне дежурного чиновника.

— Слушаюсь.

Проходит время, вполне достаточное для той спешности, какая должна бы быть обязательна для дежурного чиновника при вызове его министром, но чиновника нет.

— Начинается, весело подмигивает мне т. Мануильский.

Это действительно „начиналось". Проходит еще некоторое время, и в дверях показывается Иван Семенович.

— Сейчас придут, говорит он.

Еще немного, — и чиновник, действительно, появляется.

Он — молодой человек, подходит быстро и непринужденно к моему столу и видимо что-то хочет сказать, но я перебиваю его замечанием по службе:

— Когда зовут вас к народному комиссару, надо поворачиваться проворнее и являться немедленно.

Чиновник бледнеет, но спокойно отвечает мне:

— Я пришел лишь сказать, что вам прежде всего надо переговорить с исполнительным комитетом служащих, распоряжениям которого мы подчиняемся.

— Я вызвал вас сюда не для того, чтобы спрашивать у вас совета, что мне надо делать, а для того, чтобы через вас, как дежурного чиновника, передавать мои распоряжения. Потрудитесь немедленно пригласить ко мне управляющего министерством для служебного доклада [1]).

— Я не могу этого сделать без исполнительного комитета.

— Именем Советской власти я приказываю вам это сделать.

— Я этого не сделаю.

— В таком случае я вас арестую за неподчинение приказаниям Советской власти, — садитесь и ожидайте, пока придет за вами стража.

Опять мой звонок и опять Иван Семенович.

— Вызовите ко мне коменданта дворца с несколькими часовыми. Кроме того пригласите ко мне управляющего министерством для доклада по службе.

---

[1]) Ни одного из товарищей министра в тот момент в министерстве не было; Беркенгейм и еще кто-то были на Всероссийском Продовольственном с'езде в Москве, и министерством управлял какой-то директор департамента (фамилии его не помню).

Через несколько минут является комендант вместе с Иваном Семеновичем, который подходит вплотную к моему столу, перегибается и как то не то таинственно, не то конфузливо вполголоса сообщает, что он докладывал управляющему, но тот сказал, что не пойдет.

— Тов. комендант! Передаю вам арестованного мною чиновника; отправьте его под стражей пока в караульное помещение, впредь до моего распоряжения о дальнейшем направлении. Сами же вместе с одним часовым пойдите сейчас к управляющему министерства и приведите его сюда под конвоем.

— Тов. Шлихтер! Ведь это прямо великолепно, неподражаемо, бросается ко мне т. Мануильский, когда мы остаемся в кабинете одни: так именно должна себя держать Советская власть с саботажниками: полное спокойствие и решительность, не оставляющая ни в ком никакого сомнения. Во мне вы разбудили мой журналистский зуд: так и хочется бросить все и сесть сейчас же и писать статью . . . .

Но вот опять открывается дверь и входит бледный, с потупленным взором, управляющий министерством. Обмениваемся с ним двумя-тремя фразами, выясняющими его отказ подчиниться и я его также арестовываю и отправляю в караульное помещение. [1])

Мы снова остались одни. Положение наше было не из веселых. Арестовать того или другого, конечно, было не трудно. Но нам нужны были не аресты, а работа, для которой нужно было сохранить всех, кто захотел бы оставаться в отношении к продовольственным нуждам страны действительно нейтральным, а не прикрывать фразами о продовольственном нейтралитете свою борьбу с Советской властью. Сопротивление верхушек служебного персонала нас не удивило; было бы странным ожидать от этой группы служащих чего либо иного. Но отсюда нельзя было еще делать каких либо предположений в этом же смысле относительно самой гущи служащих. Надо было немедленно войти в непосредственное соприкосновение со всей рядовой массой служащих и раз'яснить им, чего хочет от них Советская власть и как смотрит на продовольственную работу. Обменявшись мнениями по этому вопросу, мы выработали тут же такой план действий:

1) Предложить исполнительному комитету служащих немедленно созвать общее собрание для выслушания предложения Советской власти.

2) Заявить служащим, что Советская власть никого не принуждает оставаться на службе, но указывает всем честным и действительно-нейтральным работникам, кому дороги, прежде

---

[1]) Не помню, направил ли я куда-нибудь арестованных из караульного помещения или в тот же день освободил. — Кажется, освободил.

всего, продовольственные нужды трудящихся масс, что продовольственный саботаж был бы неслыханным преступлением перед всем населением страны.

и 3) В случае отказа от работы заведующих отделами и подотделами, тут же назначить их заместителей из состава так называемых „продовольственных эмиссаров", института специальных военных делегатов, командированных воинскими частями для работы в Министерство продовольствия вскоре после февральской революции в целях обеспечения действующей армии продовольствием. [1])

Таков был наш план, но осуществить его пришлось несколько иначе, чем мы наметили.

Я вызвал к себе членов исполнительного комитета (не помню точно, но явилось, кажется, человек 5) и предложил созвать общее собрание служащих. Не помню, мотивировали ли они свое отношение к моему предложению и, если мотивировали, то как именно, но отношение это сводилось к одному:

— Собрание созвать сейчас нельзя . . . .

— Тогда мы обойдемся и без вас, оборвал я эту бесплодную беседу и добавил, что они свободны.

Не помню, почему я их не арестовал, но, несомненно, что это была ошибка. Если бы эта головка саботажников сразу была отсечена от рядовой массы служащих, — кто знает, быть может, „продовольственный" саботаж изжил бы себя раньше, чем это оказалось в действительности.

Я предложил произвести оповещение служащих о намерениях Советской власти, путем нашего обхода всех отделов и подотделов одного за другим.

Тут то и был продемонстрирован служащими тот комический характер сопротивления, о котором я упомянул выше, в начале рассказа о своем приезде в министерство продовольствия. Едва только мы появились на пороге одного из намеченных нами для обхода отделов, едва только я начал: „Именем Советской власти предлагаю" . . . . . как служащие, точно спугнутая стая зайцев, стремительно бросились к выходу в противоположную дверь.

Мы оставляем намеченного для этого отдела продовольственного эмиссара, в качестве заведующего, и поручаем ему, при возвращении служащих, немедленно отобрать у них дела и запереть столы.

Идем во вторую комнату, в третью, отдел за отделом, — везде одно и то же: вытаращенные, искаженные от испуга глаза и молчаливое бегство к первую попавшуюся щелку.

---

[1]) Такие заместители персонально были намечены, кажется, Коллегией еще раньше, до моего вступления в комиссариат.

Успели ли члены исполнительного комитета служащих сделать соответствующие распоряжения, и поведение служащих свидетельствовало об их организованности, или это было проявление чисто стадного животного страха перед неведомым и невиданным, — но такой способ сопротивления представлял картину весьма забавного, чисто ребяческого фарса.

Так как служащие все время убегали только вперед и вперед, то я предположил, что все же я их настигну в какой-нибудь комнате, в которой они окажутся запертыми и я смогу сказать им то, что считаю нужным. Мое предположение подтвердилось.

Комната за комнатой, коридор за коридором, и я, наконец, попадаю в комнату, в которой беспомощно скучилось человек 40—50. Кое-кто бледен, кое-кто сконфуженно улыбается, кое у кого глаза горят злобой и лицо подергивается . . . .

Без малейшего раздражения и задора, с искренним желанием и верой в возможность найти общий язык со служащими, обманутыми, как мне казалось, их руководителями — саботажниками, я начинаю вкратце говорить им то, что нужно было сказать для выяснения такого ясного и простого до очевидности вопроса, как продовольственный.

— А скажите, как ваша фамилия? перебивает меня, выбегая вперед, какая то маленькая, мохнатая фигура, с порывистой живостью движений и ехидным огоньком в глазах.

Я сразу понял его вопрос. Моя фамилия на „ер“ не раз в моей жизни навлекала на меня подозрения в еврейском происхождении, — саботажник, хотел сразить меня антисемитским выпадом о „жидовской“ Советской власти. В толпе послышались судорожные хохотки, в глазах у многих засветилась насмешка: значит, все поняли и всем понравилось.

— Если вы не знаете фамилии своего старшего начальника, отвечаю я совершенно спокойно, то я охотно помогу вам: моя фамилия Шлихтер.

— А-га-а!.. Совсем по лошадиному заржал от удовольствия мой остроумец.

Он, конечно, совсем не ожидал того, что вызовет во мне его выходка. Мне вдруг сделалось чрезвычайно жалко этого несчастного, обиженного судьбой человека. Я только внимательно и пристально посмотрел на него несколько мгновений и, не отвечая ему лично, сказал всей группе:

— Итак, теперь вы знаете, чего хочет и требует от вас Советская власть, как от граждан России.

Подумайте. Завтра вы или начнете спокойно работать, или будете уволены.

С этим я ушел. Боясь, что саботажники, выходя из министерства, выкрадут и унесут с собой документы, без которых мы оказались бы как без рук, я отдал распоряжение коменданту

поставить у всех выходных дверей стражу и никого не выпускать с портфелями. [1])

Так закончился первый день моего комиссарства по продовольствию.

А впереди меня ждала страда тяжелой и почти одинокой борьбы.

---

[1]) Как узнал я впоследствии, распоряжение это было выполнено бестолково, как выполнялись многие наши распоряжения в то время. Стража была поставлена не у всех выходов, а только у главного (потому что всегда сюда входят и выходят). Воспользовались ли этим саботажники или нет, — я не знаю, но это зависело только от их желания.

IV. ХРОНИКА ПРОДОВОЛЬСТВЕННОЙ ЗАБАСТОВКИ

Взятие Министерства продовольствия Советской властью в свои руки рассматривалось в разных кругах общественности в большей, пожалуй, степени, чем факты революционного строительства новых, советских, аппаратов, в других областях государственного управления, еще долгое время спустя после моего прихода в Аничков дворец, как основная причина присоединения продовольственников к саботажу чиновников в других ведомствах.

Обыватель связывал с работой чиновников Министерства продовольствия свои надежды не лишиться завтра и того скудного пайка хлеба, какой он имел сегодня.

И змеиным шипением расползались в широких обывательских массах призывы контрреволюционного кадетского, меньшевистского и эсеровского —„Комитета спасения родины" к саботажу продовольственников, как средству борьбы с „экспериментаторами голода".

С другой стороны, и в наших собственных рядах таилась большая тревога, не ухудшится ли продовольственное положение пролетариата, вследствие нарушения работ „кое-как налаженного аппарата министерских продовольственников".

„Не слишком ли круто загибаете, тов. Шлихтер?" спрашивали меня товарищи в Смольном по поводу моих решительных шагов, направленных к овладению центральным продовольственным аппаратом, как одной из важнейших командных высот борьбы за укрепление диктатуры пролетариата.

Это были ответственнейшие дни организации безостановочного снабжения продовольствием пролетариата и революционных солдатских частей, готовившихся к защите пролетарской революции и от контр-революционных натисков нашей, внутренней, буржуазии, и от военной интервенции международного капитализма.

Было совершенно очевидно, что Министерство продовольствия, созданное Временным Правительством, как центральный аппарат буржуазной власти, возглавлявший местные продовольственные комитеты, организованные по закону 25-го марта из цензовых представителей тогдашнего, так называемого, „общественного самоуправления" (земство, городские думы

и проч.), [1] — что такой аппарат не пригоден, по самой конструкции своей, для обслуживания интересов пролетарской революции, что этот аппарат должен быть разрушен и заменен новым, боевым органом пролетарской власти в области продовольствия и что для предстоящей борьбы за хлеб нужна и неизбежна смена прежних руководителей продовольственного дела новыми — и не только в центре, но и во всей системе.

И совершенно естественно, что в то время, когда в нашей партийной среде кое у кого гнездились мысли об опасности решительных мер борьбы с продовольственными саботажниками и о возможности и даже о необходимости соглашения с ними в целях использования в борьбе за хлеб, — в это же время эти самые саботажники, совсем не в связи и задолго до моего прихода в Министерство продовольствия, а именно на второй день после победы пролетариата в Петрограде, сделали первый шаг не к соглашению с Советской властью, а к активной политической борьбе с нею террором продовольственной забастовки.

26 октября, после получения сведений о событиях 25-го октября, собравшиеся в Министерстве продовольствия управляющие отделами, заведывающие подотделами и некоторые другие ответственные работники Министерства вынесли следующую резолюцию:

„Произведенный в Петрограде захват власти, как ныне выяснилось из заявлений Совета Крестьянских Депутатов, фронтовых и других демократических организаций, не встречает поддержки широких кругов русской демократии.

При создавшихся условиях нет возможности спасти дело снабжения страны продовольствием, так как оно основано на работе этих кругов в лице местных продовольственных органов.

Поэтому мы, ответственные работники Министерства продовольствия, признавая себя бессильными предотвратить грозящую населению и армии катастрофу, не считаем возможным дальше оставаться на своих местах и нести ответственность за дело снабжения.

---

[1]). По закону 25-го марта 1917 года в Губернские комитеты входили: по 3 члена от губернского земства и городского самоуправления, по 1 от Всероссийского земского союза, союза городов, военно-промышленного комитета (местных отделов), 5 от крестьянского союза, 6 от местных кооперативов, 2 от губернских сельско-хозяйственных обществ, 3 от биржевых комитетов, по 2 от городских и земских статистических организаций и по 1 представителю с совещательным голосом от всех ведомств. Если к этому составу прибавить командированного чиновника — общегосударственного эмиссара с решающим голосом, и принять во внимание, что муниципальные представители были посланы цензовыми учреждениями, то станет ясно, что комитеты, во главе которых стояли помещики и крупное кулачество, совершенно не были заинтересованы в проведении хлебной монополии по нормированным ценам и в борьбе со спекуляцией вообще; — они могли заниматься чем угодно, но не делом продовольствия в стране. На таких же началах были организованы уездные и волостные комитеты.

А. Ш.

Однако, судьба снабжения армии и населения продовольствием не позволяет немедленно прекратить текущую работу, и мы будем нести ее в ближайшие дни, до замены нас иными людьми". [1]).

В резолюции этой ответственные руководители работой Министерства продовольствия говорят с ясностью, недопускающей никаких иных истолкований, о том, что „демократические" (читай: буржуазные. А. Ш.) организации местных продовольственных органов работать на Советскую власть не станут. Заявляя это, старшие чиновники обнаруживают ясное понимание неизбежности замены их „в ближайшие дни новыми людьми"...

В этот момент контр-революционная верхушка Министерства продовольствия повидимому чувствует себя в предстоящей борьбе еще одиноко, и потому с меланхолической готовностью говорит о замене ее новыми людьми. Но организация контр-революции шла быстрым темпом, организационное средоточие саботажнической борьбы с Советской властью было создано в тот же день, и в результате, вслед за головкой, общее собрание рядовых служащих Министерства выносит 27-го октября следующую резолюцию, уже без всякой маскировки уточняющую и истинные причины саботажа, и его боевую организационную конструкцию:

„Протестуя против захвата, путем грубого насилия, власти в Петрограде большевиками и считая, что действительное осуществление власти захватчиками поведет к катастрофе дела снабжения армии и населения, что в настоящий момент долг каждого гражданина заключается во всемерной поддержке всех истинных представителей демократии, выступивших на открытую борьбу с насильниками, мы, служащие Министерства продовольствия, выражая недоверие ставленникам большевиков и признавая Временное Правительство и Совет Республики единственными законными органами Верховной власти, — при настоящих условиях не можем без ущерба для армии и страны прекратить работу и продолжаем ее до тех пор, пока демократия, организовавшаяся в Комитет спасения Родины и Революции не признает необходимым прекратить работу служащих Министерства Продовольствия" [2]).

Борьба за Временное правительство, — вот действительные причины, предопределившие продовольственный саботаж. „Комитет спасения Родины и Революции", возникший в недрах Петроградской городской Думы и об'единивший кадетов, меньшевиков и эсеров (гласных Думы), — вот главный штаб, организовавший контр-революционную забастовку служащих. Подчиненность

---

[1]). См. Н. Орлов „Продовольственная работа Советской власти", изд. Нар. Комис. Продов., 1918 г., стр. 18.

[2]). См. Там-же, стр. 18 — 19.

Министерства продовольствия этому штабу была не только декларирована в резолюции общего собрания 27-го октября, но и оформлена организационно путем избрания на этом же собрании „Исполнительного Комитета служащих“ для дальнейшего руководства служащими [1]).

Почему же, однако, и в первой, и во второй резолюции продовольственники ограничивались лишь одной угрозой забастовки, не прибегая к немедленному ее осуществлению?

„Судьба снабжения армии и населения продовольствием не позволяет немедленно прекратить текущую работу“, — так об'ясняли свою сдержанность старшие чиновники Министерства (резолюция 26-го октября). Но кто-же может поверить искренности подобного заявления тех, которые две недели спустя после этого начали бешенную кампанию саботажа в целях неизбежного, как казалось миллионеру-кадету Рябушинскому, удушения революции „костлявой рукой голода“?

„Мы не можем без ущерба для армии и страны прекратить работу и продолжаем ее до тех пор, пока демократия, организовавшаяся в Комитет спасения Родины и Революции, не признает необходимым прекратить работу служащих Министерства продовольствия“, — так об'ясняли воздержание от немедленной забастовки рядовые служащие (резолюция 27 октября). Но почему же „Комитет спасения“, поддерживавший юнкерское восстание, выпускавший погромные листки, поджидавший подхода казачьих банд Керенского, — почему не спешил он помочь Временному Правительству немедленным осуществлением продовольственной забастовки, этого немаловажного средства вызвать панику голода среди пролетарских масс?

Данные для разгадки причин уклонения „демократии“ от немедленного об'явления продовольственной забастовки мы находим в резолюции общего собрания служащих Министерства продовольствия, состоявшегося 10-го ноября 1917 г.

Вот эта резолюция:

„В виду распространения среди населения воззваний и агитационных листовок с обвинениями служащих правительственных учреждений в саботаже снабжения армии и населения продовольствием, общее собрание служащих Министерства продовольствия, оставаясь на позиции общего собрания 27 октября, заявляет, что служащие Министерства ни на один день не прекращали своей работы, делая все возможное при катастрофическом положении транспорта и телеграфа для снабжения армии и населения продовольствием.

Вместе с тем, служащие Министерства продовольствия заявляют, что они со всей энергией будут продолжать работу до тех пор, пока представители захватчиков власти не проявят активного вмешательства в работу Министерства“.

[1]). Деньги на предстоящую забастовку были тогда же выписаны из кассы Министерства продовольствия.

Подготовляя организацию гражданской войны против Советской власти „Комитет спасения Родины и Революции“ был весьма и весьма заинтересован уберечь от революционного расформирования старый, хорошо подобранный, в „демократическом“ смысле этого слова, продовольственный аппарат [1]), понимая, что, имея в своих руках этот аппарат и в центре и на местах [2]), контр-революция будет в состоянии наносить нам тяжелые удары на продовольственном фронте, который был в тот, решающий судьбы революции, момент, в полном смысле этого слова, труднейшим и опаснейшим фронтом борьбы. Вот почему резолюция продовольственников от 10-го ноября, вынесенная, вне всякого сомнения, по директиве „Комитета спасения“ делает хорошо расчитанный тактический ход, бросая в нашу партийную среду мысль о возможности сохранить работу продовольственного аппарата, „ни на один день ее не прекращая“, при условии, что Советская власть „не проявит активного вмешательства в работу Министерства“.

Может возникнуть недоуменный вопрос, как и почему могла зародиться у продовольственников Министерства совершенно безнадежная, казалось-бы, мысль, пред'являть ультимативные условия Советской власти, которая, за две недели своего существования, успела уже дать своим врагам не мало доказательств решимости и неустрашимости в борьбе за закрепление октябрьской победы?

Дело в том, что для продовольственников не мог оставаться неизвестным тот факт, что среди ответственнейших представителей Советской власти того времени не было единодушия во взгляде на методы организации продовольственного дела в данный момент. Возможность использования министерского аппарата на началах соглашения с работниками продовольствия отнюдь не казалось для некоторых из наших товарищей несбыточной именно потому, что дело шло о таком деликатном вопросе, как продовольственные нужды всей страны, всего населения. Но если-бы о наличности такого взгляда в нашей среде министерские продовольственники и не знали, то для ультимативных требований по отношению к Советской власти им было

---

[1]) В Министерстве нордовольствия было лишь несколько человек, сторонников большевиков. В местных продовольственных органах большевики и сторонники большевиков были лишь единичными исключениями.

[2]) В целях единства методов борьбы с Советской властью на продовольственном фронте „Министерство продовольствия“ разослало резолюцию от 10-го ноября в Губернские продовольственные Комитеты при следующем препроводительном письме от 18 ноября 1917 г за № 3189: „Препровождая резолюцию служащих Министерства продовольствия, принятую на общем собрании 10 ноября, особый организационный отдел просит всех работников Министерства продовольствия руководствоваться ею при работе на местах“ (оригинал этого письма передан мною в Московский Музей Революции).

А. Ш.

бы вполне достаточно той нерешительности в данном вопросе, какая была продемонстрирована первым комиссаром продовольствия.

Народный Комиссариат продовольствия существовал уже по декрету две недели, но народный комиссар т. Теодорович за все это время ни разу не появился в Министерстве. Последнее было предоставлено самому себе, и потому не удивительно, что продовольственники, вначале меланхолически ожидавшие своей смены в ближайшие же дни (резолюция 26 октября), через две недели после этого приобрели способность разговаривать с Советской властью языком ультимативных требований.

Приводимые документы в достаточной мере доказывают, что поведение министерских продовольственников, действительно ни одного дня не переставявших приходить в Аничков дворец, где помещалось „Министерство продовольствия", об'яснялось не какими либо „сантиментальными" соображениями, о „преступности" подвергать „армию и население" ужасам голода, а трезво расчитанным политическим планом выиграть время и сорганизовать контр-революционные баррикады на продовольственном фронте по всей стране. Не о „соглашении" с Советской властью думали продовольственники, принципиально предрешившие саботаж на другой же день после октябрьской победы, а о выжидании наиболее удобного момента для открытого нападения „костлявой рукой голода" на пролетариат, солдат и городскую бедноту.

Почин к организации продовольственной контр-революции в общественном масштабе сделан был, как мы видели, органом буржуазной власти, Министерством продовольствия, разослав шим резолюцию 10 ноября по всем губернским продовольственным Комитетам. Но этого было недостаточно. Ведь министерство продовольствия являлось, как-никак, лишь бюрократическим, и притом центральным механизмом „демократии", поднявшей знамя гражданской войны за власть Временного Правительства против „насильников" и „захватчиков". Под саботажническую декларацию продовольственных работников бюрократического центра надо было подвести „демократическую" базу, надо было инсценировать боевую готовность местных продовольственных органов, избранных по „демократическому" закону Временного Правительства, „демократическими" кругами „всего населения, и потому отражавших „волю демократических масс".

— В качестве такой базы был использован Всероссийский Продовольственный С'езд в Москве, назначенный еще до Октябрьской Революции на 18 ноября 1917 г. Центральным пунктом работ С'езда должен был быть, согласно намеченному при созыве его порядку дня, вопрос о передаче продовольственного дела в руки местного самоуправления. Но фактически

все внимание С'езда, работавшего в течение недели (с 18 по 23 ноября) было сосредоточено на обсуждении и определении отношения продовольственных работников к октябрьскому перевороту, и к роли продовольственных органов в деле обеспечения населения продовольствием.

Вынесенная С'ездом резолюция состоит из 3-частей.

В первой, мотивировочной, части С'езд, определяя свое отношение к октябрьской революции, говорит следующее:

„С'езд вполне разделяет и поддерживает те основания, которыми руководились работники Министерства продовольствия в их отношении к настоящим событиям и в их стремлении всемерно хранить общепризнанный всей страной авторитет государственного продовольственного аппарата"....

— С'езд заявляет о необходимости „создать общепризнанную авторитетную народную власть Учредительным Собранием"...

С'езд заявляет, что „все силы продовольственных организаций будут направлены на поддержку Учредительного Собрания и на борьбу с насильниками народной воли"...

Всероссийский С'езд, как мы видим, не только „вполне" поддерживает ультимативные требования министерских чиновников, но и формулирует тот фокус, вокруг которого он призывает продовольственные организации об'единить „все силы" свои, направляя их на борьбу с Советской властью. Фокус этот—Учредительное собрание. Маска борьбы за судьбы продовольствия „армии и всего населения" с саботажнических резолюций Министерства продовольствия сорвана, и задачи превращения продовольственных организаций в боевые отряды контр-революции оголены с совершенно откровенным цинизмом.

В связи с этим С'езд, во 2-й части своей резолюции, декретирует к руководству „всех работников по продовольствию, как в центре, так и на местах" конкретные формы своей борьбы за Учредительное собрание, формулируя их с истинно „демократическим" бесстыдством в следующих выражениях контр-революционного бандитизма:

„Насильственное вмешательство в работы Учредительного собрания и, тем более, насильственная остановка его работы парализует деятельность всех продовольственных учреждений и неминуемо повлечет за собою фактическое прекращение доставки продовольствия и всеобщий голод"...

И чтобы никому не казалось, что, угрожая „всеобщим голодом", С'езд только хочет „взять на испуг", в резолюции С'езда есть еще и 3-я часть следующего содержания:

„Для общего согласования работ всех продовольственных органов и руководства их деятельности совместно с Министерством продовольствия, равно как и для исполнения решений Всероссийского Продовольственного С'езда, С'езд избрал Всероссийский Совет Продо-

вольственных С'ездов из 10 человек, действующий до соответствующего решения Учредительного Собрания" [1].

Идеологическая физиономия избранного на с'езде исполнительного органа — Совета продовольственных с'ездов или „десятки", как он назывался в просторечии (по числу членов его), вполне отвечала боевым задачам с'езда и определялось наличностью в „десятке" кадета Розанова на правом фланге и известного статистика, плехановца В. Г. Громана — на левом [2].

В этот бравурный марш торжествующей „демократии" был внесен неожиданный диссонанс моим приходом в Министерство продовольствия.

21 ноября 1917 года Советская власть вошла в стены Аничкова дворца для того, чтобы не на словах, а на деле приступить, по праву диктатуры пролетариата, к организации продовольственных работ в интересах закрепления побед Октябрьской Революции [3].

---

[1]) За неимением под руками стенограммы С'езда, я пользуюсь выдержками из резолюции, имеющимися в статье т. Д. Малютина, „Преступная игра в нейтралитет", в газете „Правда", № 219 от 21 декабря 1917 г. *А. Ш*

[2]) Кроме т. Громана и Розанова в „десятку" были избраны следующие лица: Беркенгейм, Коробов, Кондратьев, Де-Сен Лоран, Зайцев, т. Шефлер; фамилий остальных двух не помню

[3]. Я уже рассказывал, как закончилась моя первая встреча с министерскими чиновниками Надо добавить, что, убегая от меня из комнаты в комнату, служащие, по словам т. Н. Орлова, уже руководствовались распоряжением „исполнительного комитета служащих".

„Немедленно после появления тов. Шлихтера в стенах Аничкова Дворца, пишет т. Н. Орлов, Комитет служащих (он был образован 27-го октября на общем собрании) об'явил забастовку Впоследствии этот поступок об'яснялся не политическими мотивами, а профессиональными: забастовка была об'явлена, яко-бы, как протест против насилий большевиков (привод старшего по Министерству чиновника в кабинет Комиссара и арест двух служащих, печатавших на ротаторе в здании дворца воззвания Комитета Служащих о забастовке)". (См. вышеназванную книгу Н. Орлова, стр. 21-я).

V. ПОЛИТИЧЕСКИЙ ШАНТАЖ САБОТАЖНИКОВ НА ГОЛОДЕ

Угрожая забастовкой, министерские продовольственники писали в своих резолюциях:

„Однако, судьба снабжения армии и населения продовольствием не позволяет немедленно прекратить текущую работу, и мы будем нести ее в ближайшие дни, до замены нас иными людьми“ (см. выше резолюцию 26 октября).

„Мы, служащие Министерства продовольствия, не можем без ущерба для армии и страны прекратить работу и продолжаем ее, пока демократия, организовавшаяся в Комитет спасения Родины и Революции при Петроградской Центральной Городской Думе, не признает необходимым прекратить работу служащих Министерства продовольствия“ (см. выше резолюцию 27 октября)...

В свою очередь, Всероссийский Продовольственный С'езд, присоединяясь к министерским продовольственникам, заявлял: „Насильственное вмешательство в работы Учредительного Собрания и, тем более, насильственная остановка его работы парализует деятельность всех продовольственных учреждений и неминуемо повлечет за собою фактическое прекращение доставки продовольствия и всеобщий голод“ (см. выше резолюцию с'езда)...

Читая такие категорические заявления людей, стоящих у руля продовольственной работы и хорошо знающих фактическое положение дела, можно было думать не только обывательским массам столицы, но, как это думали и некоторые товарищи из нашей партийной среды, что „соглашением“ с чиновниками Министерства продовольствия, на началах автономной деятельности продовольственных организаций „демократии“, ограничивая роль Наркомпрода в системе диктатуры пролетариата лишь общим надзором с его стороны за ходом продовольственной работы, — что такой конституцией, оставляющей в руках „демократии“ всю полноту власти на продовольственном фронте, можно было повысить заготовку продовольствия и ослабить тяжелый продовольственный кризис.

Как же было в действительности? Были ли у продовольственных работников того момента хоть какие-нибудь серьезные, деловые основания выдвигать перед „армией и страной“ —

гарантию предотвращения „неизбежного всеобщего голода“ в том случае, если продовольственные аппараты Временного Правительства не будут затронуты советизацией?

Послушаем, что говорили накануне Октябрьской Революции сами продовольственные работники о продовольственных перспективах страны.

Начнем с наиболее авторитетного и ответственного за свои слова руководителя продовольственным делом:

„По заявлению Министра продовольствия Прокоповича на заседании Временного Совета Республики в августе 1917 года вывезти весь заготовленный хлеб, вследствие транспортной разрухи, не представляется возможным. В связи с этим создалось такое продовольственное положение к началу Октября 1917 года: на северном фронте было муки на 15 дней, фуража на 1 день, на западном фронте муки на 11 дней, фуража на $3^1/_2$ дня, на юго-западном фронте муки на 6 дней, фуража на 1 день, на румынском фронте муки на 7 дней, фуража на 3 дня.

Телеграмма генерала Черемисова, относящаяся к началу октября, гласит: „ежедневный недовоз муки и фуража около $90^0/_0$“.

„Что касается снабжения гражданского населения, то Петроград был обеспечен хлебом ($^3/_4$ фунта паек) на 7 дней. Подходившие к столице грузы расхищались населением. Провинции все более и более охватывал голод.

„Зрелище, которому нет названия, являет нам картина течения экономической жизни на местах.

„Ее основной фон: замирающий подвоз продуктов, истощающиеся запасы. Понижающиеся хлебные пайки (местами доходит до $6^1/_2$ фунт. в месяц). Начинающееся питание суррогатами (подсолнечные выжимки, отруби, жмыхи, солод). Сократившееся выполнение нарядов (Екатеринославская губерн.: в июне $50^0/_0$, в июле $37^0/_0$, в августе $15^0/_0$). Массовый падеж лошадей — за отсутствием фуража (в некоторых частях армий). Опасность недосева за отсутствием семян. Прекращение работы в рудниках. Закрывающиеся магазины. Эпидемия цынги, брюшного тифа, желудочно-кишечных заболеваний (на почве недоеданий), случаи голодной смерти [1]).

А вот перед нами лежит „Обзор положения продовольственного дела на местах“, т. е. там, где „дело снабжения страны основано на работе широких кругов демократии, в лице местных продовольственных органов“, за период с 2 по 20 сентября 1917 г. Обзор этот составлен „Информационным подотделом особого организационного отдела Министерства продовольствия“.

И вот что мы читаем об этом „Обзоре“ о положении продовольственного дела больше, чем за месяц до Октябрьской

---

[1]) См. книгу Н. Орлова, стр. 10—12.

Революции, т. е. в период, когда продовольственных затруднений нельзя было сваливать на большевиков и на „разрушение продовольственных органов“ „насильниками“ и „захватчиками“ — большевиками:

Астраханская губерния: Положение критическое. Подвоз всего необходимого количества хлеба почти невозможен, в виду скорого закрытия навигации...

Амурская область: Недостаток хлеба. Были волнения.

Бакинская область: Разгромы и обыски.

Владимирская губерния: Обострение продовольственного кризиса.

Вятская губерния: Погромы и хищения.

Воронежская губерния: Прекращается поступление хлеба. Разгромы и поджоги торговых лавок. Развивается винокурение и торговля спиртом.

Витебская губерния: Страшное развитие самогонного промысла, который дает возможность прибыльно сбывать хлеб (за пуд 80 рублей).

Екатеринославская губерния: Положение угрожающее. Волнения.

Енисейская губерния: Угрожает недосев, за отсутствием семян для посева.

Казанская губерния: Спекуляция. Волнения. Норма выдачи уменьшилась до $^3/_4$ фунта.

Курская губерния: Привоз продуктов потребления сократился до $^2/_3$. Голодает малоимущее население, возможны эксцессы.

Киевская губерния: Положение катастрофическое. Погромы.

Костромская губерния: Критическое положение продолжается, беспрерывные волнения.

Кубанская область: Развитие спекуляции.

Северный Кавказ: Истощение запасов. Отсутствие в городе хлеба. Развитие пьянства.

Могилевская губерния: Истощение запасов. Катастрофическое положение. Тайное винокурение.

Московская губерния: Волнения. Спекуляция, Сокращение хлебного пайка.

Новгородская губерния: Положение критическое, в виду истощения запасов и отсутствия подвоза.

Нижегородская губерния: Угрозы продовольственных затруднений с закрытием навигации.

Орловская губерния: Во всей губернии голодные бунты.

Оренбургская губерния: Имеются миллионы пудов хлеба, скупаемого спекулянтами.

Пензенская губерния: Недород привел некоторые уезды к голоду.

Рязанская губерния: Неудовлетворительное качество получаемого хлеба привело к массовым желудочно-кишечным заболеваниям. Повальный характер самогонки спирта.

Самарская губерния: Противодействие закупке хлеба.

Саратовская губерния: Противодействие учету залежей трехлетнего урожая. На почве недоедания — эпидемия брюшного тифа. Остановка четырех мельниц из-за отсутствия зерна.

Симбирская губерния: Положение критическое. Истощены запасы. Отсутствует подвоз. Продовольственные беспорядки.

Смоленская губерния: В некоторых уездах наступает голод. Население начинает питаться сурогатами. Начинаются эксцессы.

Тамбовская губерния: Продовольственные беспорядки. Погромы. Винокурение.

Тверская губерния: В некоторых уездах голод и начались беспорядки. Подвоза хлеба нет.

Тульская губерния: Развивается самогонка. Вследствие употребления для самогонки большего количества хлеба, население и армия могут лишиться продовольствия. Погрузка хлеба сократилась.

Туркестанский край: Голод. Нет хлеба. Подвоз уничтожен. Имеются случаи голодной смерти.

Таврическая губерния: Зарегистрированы случаи голодной смерти. Усиливается пьянство (самогонка).

Харьковская губерния: Повышение твердых цен на хлеб не вызвало прилива хлеба к станциям.

Херсонская губерния: Тревожное настроение. Развивается пьянство. Были попытки погромов.

Черниговская губерния: Противодействие населения при заготовке хлеба.

Подотдел Отдела в следующих словах излагает результат всероссийского смотра „продовольственного бессилия“ „Коалиционного“ Правительства:

„Процесс истощения всех питательных резервов растет: как следствие этого — голод, надвинувшийся на города.

Спекуляция все более открывает для себя широкие возможности, дезорганизуя рынки.

Винокурение развивается и является серьезной причиной крушения всяких планов по снабжению населения хлебом“...

Наконец, вот что мы читаем в информационных материалах Московского продовольственного Комитета, этой в[illegible]иятельнейшей продовольственной организации, игравшей виднейшую роль на Всероссийском продовольственном с'езде 18—23 ноября, орга-

низации, от которой потом, в декабре и январе, исходила, главным образом, инициатива систематической борьбы против Наркомпрода, как, якобы, виновника продовольственной разрухи.

Вот что рассказывали эти материалы Московскому продовольственному Комитету о положении дела в октябре 1917 года — и о вытекающих отсюда перспективах дальнейшего снабжения:

„С начала октября происходит массовый наплыв ходоков из голодающих губерний. Десятки тысяч ходоков, среди которых не мало спекулянтов, скупают хлеб в деревнях и грузят самовольно в поезда, как товарные, так и пассажирские. В железнодорожное движение внесена полная дезорганизация, на многих станциях образовались заторы, вагоны с хлебом по нарядам отгружаются на пути следования и отводятся в тупик“ (из телеграммы председателя Екатеринославского продовольственного Комитета).

„Все станции навождены паломниками, вывозящими хлеб. Посланные небольшие отряды реквизировать хлеб разоружаются проходящими эшелонами. Были случаи убийства солдат реквизиционных отрядов. Наряды не выполняются. Положение критическое“ (телеграмма из Курска).

„Необходимы решительные меры для борьбы со спекуляцией в Москве и на станциях Московского узла“ (телеграмма из Воронежа).

„Наплыв мешечников угрожает полной остановкой железнодорожного движения и прекращением заготовки хлеба для населения и армии“ (телеграмма из Уфы).

Итак: сопротивление заготовкам; убийства солдат реквизиционных отрядов; прекращение поступлений хлеба; истощение запасов; анархические захваты вагонов с хлебом на пути следования их по нарядам; пьянство и, в связи с этим, массовое истребление хлеба крестьянством на самогонку, благодаря чрезвычайной прибыльности винокурения; полная дезорганизация железнодорожного движения; голод; случаи голодной смерти; мешечники и спекулянты, делающие невозможным заготовку хлеба по твердым ценам; невозможность вывезти, из-за железнодорожной разрухи, хлеб, заготовленный еще зимой 1917 г.; голодные пайки в столицах; и, наконец, армия без хлеба и фуража,—вот то наследство, которое организовавшаяся для саботажа „демократия“ оставила Советской власти.

Можно ли представить себе политический шантаж, наглее и циничнее тех ультимативных требований, которым продовольственная „демократия“, зная и понимая свое бессилие в борьбе с продовольственной разрухой, спекулировала перед Советской властью, добиваясь от нее прав на автономию во имя предотвращения „неизбежного голода“ армии и страны?...

VI. БОРЬБА ЗА ПРОДОВОЛЬСТВЕННУЮ ВЛАСТЬ

ПРОРЫВ ФРОНТА САБОТАЖНИКОВ

Жуткой пустотой дышали коридоры и светлые, просторные аппартаменты канцелярий Министерства продовольствия. Члены Коллегии и эмиссары военно-продовольственной Комиссии, вот и весь штат, каким фактически располагал Народный Комиссариат продовольствия, приступив к исполнению возложенных на него Совнаркомом обязанностей.

Но мы не одни в стенах Аничкова дворца. В вестибюле, у парадных дверей, и у вешалок для платья стоят, как и вчера, одетые в форму швейцары.

— Здравия желаю! дружелюбно приветствует при входе каждого из нас швейцар.

У дверей кабинетов министра, товарищей его и начальников отделений стоят, как и вчера, курьеры.

В кабинетах чисто: уборщицы работают.

— „Так“ низший персонал служащих не пошел за забастовщиками? — спрашиваем мы себя.

Да, все те, которые именуются на языке буржуазной государственности „низшим“, „служительским“ персоналом, не только не последовали за персоналом „служащих“: конторщиков, делопроизводителей, машинисток, начальников отделов и подотделов,—но и заявили нам открыто, по честному, по пролетарскому о своем отношении к Советской власти.

Тот же, что и вчера, курьер Иван Семенович открывает дверь в кабинет министра, в котором теперь помещаюсь я, и говорит мне:

— Товарищ. Вас просит к себе персонал служителей, хотят сделать вам заявление.

Я провожу вас.

Передо мною человек 20 младших сотрудников министерства: швейцары, курьеры, истопники, сторожа, уборщицы и проч.

— „Т. комиссар“, обращается ко мне один из их среды: „мы просили вас на наше собрание, чтобы заявить вам, что мы не пойдем за забастовщиками и отдадим все свои силы Советской власти“.

И, вручая мне прочитанный вслед за этим приветственный адрес, добавил:

„Мы просим довести об этом до сведения Совета Народных Комиссаров".

Это был уже не первый случай официального и решительного отказа младшего персонала министерств следовать за саботажниками.

Сколько революционной красочности было в этих мужественных выступлениях небольших группок представителей трудящихся масс среди тысячных армий привилегированных саботажников из министерских чиновничьих канцелярий! Не пойти за саботажниками в те дни, когда окружающая обывательщина была убеждена в том, что большевиков „прогонят" через несколько недель,—это значило ставить на карту материальное существование свое и своей семьи, ибо саботажники, в случае падения Советской власти, не только выбросили бы на улицу каждого из подписывавших приветствие „власти трудящихся масс", но кое-кого поставили бы и к стенке.

Так скромные и незаметные дотоле, доподлинные труженники из „служительского персонала" министерств роднились с миллионами трудящихся масс, восставших и победивших в Октябрьские дни...

Младший персонал не пошел за саботажниками,—нельзя ли еще кого-нибудь отколоть от них?..

Эта мысль сразу же сделалась предметом живейших обсуждений всех членов нашей Коллегии.

Нам сообщили, что, вследствие переименования Исполнительного Комитета Служащих в стачечный комитет и об'явления забастовки, вслед за появлением моим в Министерстве, тов. Долженко, член Исполнительного Комитета служащих вышел из состава Комитета и расклеил от своего имени об'явление с приглашением служащих на созываемое им частное собрание 21-го ноября, т. е. на другой день после прихода Советской власти в Министерство.

Наша разведка донесла нам также, что собрание это не состоялось, так как на него явилось всего около 50 человек, исключительно из состава „социалистической группы служащих" — имевшей свою особую организацию и Комитет[1]), и было отложено на следующий день.

При таких условиях наши ближайшие тактические задачи по борьбе с саботажем определялись сами собой: надо попытаться оторвать социалистическую группу от саботажа и тем внести раскол в ряды забастовщиков. Было очевидно, что мое обращение к убегавшим от меня служащим (в день первого моего появления) с призывом к работе произвело свое впечатление и заставило кое-кого задуматься над вопросом о саботаже

---

[1]) Председателем этого Комитета был О. Ю. Шмидт, впоследствии коммунист и Член Коллегии Наркомпрода (при Наркоме т. Цюрупе), и члены: Долженко (большевик), Рудзит, Циткин и другие.

в продовольственном деле. Надо было углубить это впечатление, надо было показать, что мы, располагая достаточными силами для борьбы с врагами революции, чужды мести за об'явленную забастовку и снова приглашаем служащих, не справляясь об их политических взглядах, приступить к работе.

В этих целях мною в тот же день было выпущено следующее служебное уведомление:

„С 21 ноября я вступил в исполнение обязанностей Народного Комиссара по продозольствию. К сожалению, ведомство продовольствия не отмежевалось от политической тенденции, проявленной служащими других государственных учреждений и преследующей цели создать для советской власти затруднения в организационной работе по управлению государством. Казалось бы, что продовольственные нужды страны еще больше, чем какие либо другие, должны были бы напомнить служащим Министерства продовольствия, что отказ от работы по продовольствию, чем бы он не вызывался, является шагом противонародным. Хотелось бы думать, что этот необдуманный шаг уступит место серьезному пониманию той ответственности, какая лежит на служащих продовольственного дела перед широкими трудовыми массами. Никакие затруднения не помешают Советской власти закрепить плоды победы рабочей и крестьянской революции. Но, осуществляя задачи этой революции, Совет Народных Комиссаров чужд намерений лишать возможности выполнять свои деловые гражданские обязанности всякого, кто проявит готовность отдать свой служебный опыт и знания широким народным массам, взявшим судьбы России в свои руки. Напоминая об этом служащим Министерства продовольствия, я приглашаю каждого, каковы бы ни были его политические взгляды, продолжать свою работу, памятуя, что дезертирство в продовольственном деле недопустимо.

Временный заместитель Комиссара по продовольствию А. Шлихтер".

Уведомление это было немедленно расклеено в вестибюле Министерства и на воротах Аничкова дворца, у которого толпились отдельными кучками забастовщики, и на следующий день было опубликовано в „Правде" [1]).

Вторично созванное на 22 ноября частное собрание служащих, на которое кроме социалистической группы явились еще и другие служащие, всего около 200 человек, обсуждая вопрос о дальнейшем своем отношении к забастовке, уже руководствовалось моим официальным заявлением, и потому предложение председательствовавшего на собрании тов. Долженко пригласить меня сделать доклад на собрании не встретило возражения.

---

[1]) № 196 от 22 ноября (ст. стиля) 1917 г., отдел: „Деятельность Правительства".

Доклад мой о непреклонном решении Советской власти взять руководство продовольственным делом в свои руки и о недопустимости для всякого просто честного человека бороться с революцией путем продовольственной забастовки был выслушан с сумрачными лицами и с критическими репликами, но все же я имел возможность обстоятельно осветить вопрос, сущность которого была опубликована в об'явлении от 21-го ноября. Участники собрания, повидимому, еще идя на собрание, принципиально решили встать на работу и только добивались обеспечить для себя гарантию безнаказанности за участие в забастовке и принятия на работу всех, кто этого пожелает. Гарантии такие были мною даны, и собранием было постановлено: 1) „Немедленно приступить к работе" и 2) „потребовать от об'явившего забастовку Исполнительного комитета созыва общего собрания служащих на 2 часа, 23-го ноября".

Но исполнительный комитет, в тот момент уже имея сведения о „Совете Продовольственных с'ездов", избранном в Москве, в качестве верховного руководителя продовольственным делом, поджидал прибытия этого „Совета" в Петроград и назначил общее собрание служащих на 25-е ноября.

Узнав об этом, та же самая инициативная группа служащих решила устроить 23-го ноября второе частное совещание. На совещание это явилось опять, как и в первый раз, — на совещание, фактически не состоявшееся, — около 60 человек, т. е. повидимому те же представители инициативной „группы социалистов", что приходили и в первый раз.

Вот что рассказывает о происходившем на этом совещании репортер „Правды":

„Выступившие на совещании ораторы, за единичным исключением, проводили ту мысль, насколько вредна и преступна данная забастовка; характерным явилось выступление (с разрешения собрания) т. делегата от одного из продовольственных комитетов Костромской губернии, по профессии крючника, заявившего, что теперь у них выдают по 5 фунтов муки в месяц и что находящиеся в безвыходном положении рабочие, посылая делегацию в министерство продовольствия, в которой он участвует, говорили, что на эту делегацию они возлагают последнюю надежду разрешить вопрос мирными средствами. Если же и это не поможет, то они приступят к поголовному обыску квартир купцов и других богачей [1]) и вообще ни перед чем не остановятся.

В конце собрания председателем был поставлен вопрос, сколько человек может притти завтра на занятия, — подняло руки 50 чел.

---

[1]) Теперь делается понятным, что именно разумелось под „погромами" и „обысками", о которых мы выше читали в „обзоре" Информационного подотдела Министерства продовольствия. А. Ш.

После этого было сообщено, что только что вернулся один из служащих министерства, участник происходившего в Москве продовольственного с'езда, и предложено было выслушать его, так как то, что он сообщит, якобы может изменить позицию по вопросу о возобновлении работ с завтрашнего дня. Участник московского с'езда заявил, что с'езд, ознакомившись с положением вещей в настоящий момент в Министерстве продовольствия, избрал продовольственную комиссию из 10 лиц, которой и поручил руководство делом продовольствия. На вопрос, каково же будет отношение этой комиссии к Советской власти—к Народному Комиссару по продовольствию, последовал уклончивый ответ, что эта Комиссия с Народным Комиссаром будет сноситься по техническим вопросам, напр., относительно ассигновок, автомобилей для раз'ездов и т. п. Было внесено предложение: вопрос о возобновлении занятий оставить открытым до назначенного на субботу 25-го ноября общего собрания служащих; другие высказались против этого, предлагая начать занятия с завтрашнего дня. Председателем собрания было предложено поднятием рук ответить на вопрос, кто признает настоящую забастовку недопустимой (независимо от практического решения вопроса о моменте возобновления занятий); результат этого голосования следующий: за—57, против 1 (участник московского продовольственного с'езда), воздержавшихся—1. Следует отметить, что к моменту голосования были удалены младшие служащие[1]), курьеры, сторожа и др., присутствовавшие на собрании, а также оказавшиеся в зале собрания делегаты в министерство от провинциальных продовольственных комитетов,—голосовали одни лишь чиновники.

По практическому же вопросу, как быть с текущей работой, неотложно требующей своего исполнения, была предложена следующая резолюция, которая и была принята собранием 36-ю голосами:

„В виду того, что исполнительный комитет служащих Министерства продовольствия затягивает забастовку, а время не ждет, и последствием этого является дальнейшая дезорганизация дела продовольствия, неизбежно вызывающая озлобление широких народных масс против саботирующих чиновников и вырывающая пропасть между этими массами и интеллигенцией,—мы, второе частное совещание, стоя на почве принятой вчера резолюции о необходимости немедленного возобновления занятий, постановляем практически приступить к работе и, войдя в контакт с продовольственной комиссией Совета Народных Комиссаров, с завтрашнего дня наладить и организовать текущую работу наличными силами, для чего открыть строго деловое заседание.

[1]) Это те, которые вчера заявляли мне официально о своей безоговорочной поддержке Советской Власти. А. Ш.

Вместе с тем, мы призываем товарищей, не присутствующих в настоящем собрании и разделяющих нашу позицию, пожаловать завтра, 24-го ноября, в 10 час. утра, в Министерство продовольствия для возобновления занятий" [1]).

От боязни „озлобления широких народных масс и неизбежной пропасти между этими массами и интеллигенцией", в случае затягивания забастовки—от такой боязни было еще очень далеко до безоговорочного признания Советской власти, как это сделали младшие служащие Министерства, но открытое заявление о фактическом разрыве с саботажниками было существенной победой нашей тактической линии раскола саботажнической среды, ибо теперь чиновникам невозможно уже было безмятежно высмеивать „попытку Шлихтера вести продовольственное дело при помощи курьеров, сторожей и дворников Министерства"...

Существенная трещина, образованная в едином фронте саботажников резолюцией частного совещания 23-го ноября, сделалась еще более серьезной после того, как группа в 36 человек, голосовавших за „немедленное возобновление занятий" показала, что она действительно намерена немедленно приступить к осуществлению состоявшегося постановления.

На следующий день после вынесения этой резолюции вся эта группа собралась, во главе с тов. Долженко, у меня в кабинете, где все они были распределены для выполнения неотложных текущих дел, главным образом по удовлетворению запросов с мест и по приему приходящих посетителей Наркомпрода.

Таким образом был сделан первый и весьма важный шаг по организационному комплектованию Наркомпрода, нового аппарата продовольственной власти пролетариата, работниками Министерства продовольствия, старого аппарата буржуазной власти. Важен этот шаг был потому, что интересы революции требовали работы немедленной и в области заготовки продовольствия, и в области его распределения и передвижения в главнейшие пункты потребления, каковыми были не только столицы и крупнейшие города, но и все губернии промышленного, пролетарского по преимуществу, района.

Инициативная группа служащих, становясь на работу, приносила нам готовыми и свои навыки, и свою осведомленность в технике продовольственного дела, давала возможность быстрейшим образом восстановить работу аппарата, фактически запущенную и заброшенную с первых дне Октябрьской победы.

Но по плану, выработанному нами с инициативной группой, работы шли не больше одного дня.

---

[1]) См. „Правда", № 198 от 23-го ноября 1917 г., статья: „в Министерстве продовольствия".

В субботу 25-го ноября прибыл в Петроград с московского продовольственного с'езда пресловутый „Всероссийский Совет Продовольственных с'ездов“ или „Десятка“, как был окрещен этот Совет в просторечии, и сразу же созвал общее собрание служащих министерства.

На этом собрании Беркенгейм, один из членов „Десятки“ и в то же время бывший товарищ Министра продовольствия в министерстве продовольствия [1]) сделал информационный доклад о решении с'езда поддержать служащих министерства продовольствия в их стремлении всемерно хранить общепризнанный всей страной авторитет государственного продовольственного аппарата и о создании „Всероссийского Совета“, как верховного органа по руководству продовольственным делом „совместно с Министерством продовольствия“. Предложение Беркенгейма прекратить забастовку и приступить к работам было собранием принято.

Я не помню, происходило ли собрание в стенах Аничкова дворца или где нибудь в другом месте. Вероятнее всего, мы вообще и узнали-то об этом собрании только в понедельник, 27-го ноября, когда, придя в Наркомпрод, ознакомились со следующей прокламацией, приклеенной в вестибюле:

„От Исполнительного Комитета служащих Министерства продовольствия“:

1. В понедельник 27-го ноября служащие Министерства продовольствия возобновляют работу под общим, совместно с Министерством продовольствия, руководством Всероссийского Совета Продовольственных с'ездов.

2. Все служащие Министерства являются на занятия 27-го ноября, в 11 час. утра, а в дальнейшем в обычное время, занимают свои места и продолжают текущую работу, по указаниям своих ближайших руководителей.

3. Если места их окажутся занятыми посторонними лицами, служащие не вступая с ними в какие либо пререкания, занимают другие места, оставаясь в помещении своего отдела.

4. Служащие не должны входить ни в какие сношения с представителями Совета Народных Комиссаров, направляя последних к ближайшему руководителю.

5. Выдача каких либо подписок и обязательств представителям Народных Комиссаров безусловно не допускается.

6. Служащие оставляют свою работу лишь по предложению Исполнительного Комитета или под давлением физической силы.

7. Вся входящая почта должна передаваться, а исходящая подписываться в обычном порядке.

---

[1]) В министерской структуре капиталистических государств ближайший помощник Министра, по нашему член Коллегии, имеет служебный титул „Товарищ Министра“. А. Ш.

8. Никакие собрания без ведома и в отсутствие членов Исполнительного Комитета не допускаются. Исполнительный Комитет настоятельно просит всех товарищей не принимать участие в таких собраниях и находиться по возможности непрерывно на своих местах, отлучаясь в другие отделы лишь по служебной надобности.

9. При возникновении каких либо недоразумений надлежит обращаться за указаниями к членам Исполнительного Комитета.

Исполнительный Комитет.

Сиротливо пустовавшие несколько дней тому назад отделы Наркомпрода оказались заполненными служащими Министерства. По коридорам также встречаются служащие, куда то спешащие с озабоченными, деловыми лицами и делающие вид, что не замечают „посторонних лиц".

— А в кабинете Беркенгейма, докладывает мне Иван Семенович, заседает с утра ихний Совет, приехавший из Москвы, 6—7 человек. К ним ходят по вызову начальники отделов для доклада, а несколько членов Совета сами ходят по отделам.

Положение ясное и определенное. Министерство продовольствия вернулось на свое старое место.

Советская власть?... Ее здесь не знают; здесь слыхали только о власти Временного Правительства.

Народный комиссар продовольствия и члены его коллегии?... Это—посторонние лица, ими здесь никто не интересуется.

Вызов „Комитета спасения Родины", организовавшего „демократию" для борьбы с Советской властью, был сделан смелый и решительный.

На этот вызов надо было ответить встречным вызовом столь-же ясно, решительно, и главное, немедленно.

Создавшееся положение вещей требовало, не медля ни минуты, арестовать всех членов „десятки", засевших в кабинете „товарища министра" Беркенгейма „согласовывать" свое руководство продовольственной работой с „министерством продовольствия".

Но контр-революционная верхушка продовольственных саботажников была как-никак избрана на Всероссийском с'езде кадетско-меньшевистско-эсеровской „демократии", и я счел удобным распоряжение милиции об аресте „десятки" сделать не самолично, а получить ордер на это от Народного Комиссара Внутренних дел, каковым был тогда т. Г. И. Петровский, ныне Председатель ЦИК'а Украины.

Боясь, что разговор по телефону может сделаться известным „десятке" и спугнуть ее, я отправился лично к тов. Петровскому за ордером на арест.

У тов. Петровского я застал тов. Дзержинского, который, узнав, что дело идет о борьбе с саботажем—предложил произвести арест самолично.

Из членов „десятки“ в кабинете Беркенгейма оказались, в момент прихода туда тов. Дзержинского, следующие лица: В. Г. Громан, Коробов (быв. товарищем министра в министерстве Пешехонова), Кондратьев, де Сен-Лоран и еще кто-то.

Возможность ареста повидимому не входила в предположения ни „десятки“, ни служащих. При выводе арестованных служащими была устроена „десятке“ приветственная по адресу арестованных и открыто враждебная по адресу Советской власти демонстрация.

Немедленно после от'езда „десятки“ снова было устроено общее собрание служащих, созванное стачечным комитетом. Настроение собрания вполне определилось уже при голосовании кандидатов в председатели собрания. Были предложены две кандидатуры: тов. Долженко и вторая—председателя стачечного комитета. Надо заметить, что т. Долженко, как деятельный организатор и руководитель кооператива при Министерстве продовольствия, пользовался, вообще, популярностью среди служащих. И, тем не менее, почти единогласно прошла кандидатура председателя стачечного комитета, а тов. Долженко получил всего 15 голосов из 1000 человек, присутствовавших на собрании.

Собрание было очень бурное. Очень скоро и единодушно было решено продолжать забастовку и заклеймить тех, кто станет решать вопрос о работе помимо стачечного комитета. Это последнее постановление было вынесено, очевидно, в целях предупреждения возможности нового созыва частных собраний, как это делалось уже два раза инициативной группой служащих.

С протестом против такого постановления выступили некоторые из членов „социалистической группы“ работников, в том числе тов. О. Ю. Шмидт и другие, фамилий которых я не помню.

Арестованные члены „десятки“ были отведены в Смольный, куда вскоре после этого уехал и я, чтобы доложить тов. Ленину о происшедшем.

Владимир Ильич признал принятую мною меру правильной и, в свою очередь, сообщил мне, что „десятка“ усиленно добивается свидания с ним.

— Я не пойду к ним,—говорит Ленин,—поговорите с ними вы сами, тов. Шлихтер.

Подчеркнуто веселые и самоуверенные встретили меня члены „десятки“.

— Мы хотим говорить с Лениным и будем говорить только с ним...

— Я пришел к вам по поручению тов. Ленина, который лично вести переговоры с вами не собирается.

— Тогда пусть лично скажет нам Ленин, что он доверяет это вам.

В этом жалком выпаде „борцов за Учредительное Собрание", направленном лично против меня, обнаружилась прорвавшаяся наружу растерянность арестованных.

Через несколько минут я снова пришел к „десятке" уже в сопровождении тов. Ленина, и последний, к видимому разочарованию тех, которые добивались с ним говорить, удостоверил:

— Все переговоры с вами будет вести Народный Комиссар продовольствия тов. Шлихтер. Это поручение дано ему Совнаркомом.

Дальнейшее изложение этого эпизода я, во избежание возможных ошибок из за давности времени, предпочитаю вести словами сохранившегося у меня подлинника моего обращения к трудящимся массам.

Вот о чем я говорил в этом обращении:

От народного комиссара по продовольствию

Враги рабоче-крестьянских масс, победивших в октябрьской революции, не останавливаются ни перед чем, чтобы затормозить работу Советской власти, направленную к закреплению плодов революционной победы, помешать проведению в жизнь великих реформ освобождения трудовых классов от эксплоатации капитала. Разбитые в открытой вооруженной схватке с революционным пролетариатом и революционной армией в первые дни октябрьской революции, враги широких народных масс стремятся осуществить свои контр-революционные замыслы путем саботажа чиновников в различных учреждениях государственного управления. Чиновники, из которых одна часть в течение многих лет умела быть покорными исполнителями всех хищнических велений царского правительства, а другая часть, с момента февральской революции, в период кадетского и коалиционного министерства — безоговорочно выполняла соглашательскую политику обмана рабочих, солдат и крестьян буржуазией, — эти самые чиновники не находят в себе способности, если не помогать пролетариату и крестьянству в борьбе их за мир, хлеб и волю, то хотя бы не быть их злостными врагами, не мешать Советской власти, осуществляющей волю широких трудовых масс, безболезненно вести великую организационную работу строительства новой социальной жизни.

От этой контр-революционной борьбы с народом, путем саботажа, не отказались, к сожалению, и чиновники Министерства продовольствия.

Казалось бы, что продовольственные нужды еще более, чем какие либо другие, должны были бы напомнить служащим Министерства продовольствия, что отказываться от текущих работ по продовольствию и таким образом делать продовольствие всего населения орудием политической борьбы против Советской власти является делом противонародным.

Однако, эта простая истина, сама собой понятная для всякого честного, искреннего народолюбца, оказалась доступной пониманию лишь небольшой группы служащих, заявивших народному комиссару по продовольствию о своем согласии продолжать работы и свою готовность созвать собрание служащих для перерешения вопроса о забастовке при том условии, чтобы всем участникам собрания была гарантирована личная неприкосновенность и служебная безответственность за решения этого собрания, каковы бы ни были эти решения.

Такая гарантия была дана, собрание, хотя и немногочисленное, состоялось и, выслушав раз'яснения народного комиссара, постановило приступить к работам и предложить Исполнительному комитету служащих (стачечному комитету) созвать немедленно общее собрание служащих для пересмотра вопроса о забастовке. Были серьезные основания надеяться, что эта инициативная группа служащих, приступившая к работе, не останется одинокой, что с 27-го ноября к ней присоединятся и другие служащие, из тех, которые способны понимать всю огромную ответственность, лежащую на служащих Министерства продовольствия, перед широкими трудовыми массами.

Но на пути к такому безболезненному разрешению создавшегося конфликта, стал так называемый Всероссийский Совет продовольственных С'ездов, который, явившись 27 ноября без ведома и разрешения Советской власти в Министерство продовольствия, взял на себя функции верховного руководящего органа по делам Министерства.

С'езд этот, созванный бывшим Министерством продовольствия, был использован не для улучшения продовольственного дела страны, а исключительно в целях укрепления политической позиции высших чинов бывшего Министерства, глубоко и открыто враждебных Советской власти. Самый с'езд оказался в таком составе, что подавляющее большинство чиновников Министерства и цензовых элементов заглушило немногочисленный голос революционной демократии рабочих, крестьян и солдат. С'езд не остановился перед тем, чтобы рекомендовать служащим Министерства, равно как и всем продовольственным органам на местах, забастовку, как средство политической борьбы против народной власти.

Будучи созван в целях политической борьбы против Советской власти, Совет начал эту борьбу, вступив 27-го ноября в официальные сношения с Исполнительным Комитетом служащих, помимо ведома и согласия со стороны народного комиссара. Результаты такого образа действий не замедлили сказаться и на отношении старших служащих к Советской власти.

Попытка народного комиссара войти в служебный контакт с заведывающими отделами Министерства по текущим делам продовольствия встретила решительный отказ вступать в какие бы то ни было сношения с представителями Совета Народных Ко-

миссаров, помимо и без разрешения „Всероссийского Совета" продовольственных с'ездов. Равным образом, они отказались и сдать свои дела заместителям, которым народный комиссар поручил немедленно приступить к продолжению дела, прерванного забастовщиками. При таких условиях народный комиссар, принимая во внимание необходимость обеспечения спокойной работы по продовольствию населения, вынужден был прибегнуть к единственному, оставшемуся в его распоряжении, средству обезвреженья продовольственных препятствий: применить насильственный увод из стен Министерства продовольствия членов „Всероссийского Совета" и нескольких служащих, заведывающих отделами Министерства.

Но в тот же вечер всем арестованным членам „Всероссийского Совета" была дана возможность честно и открыто не только заявить, но и фактически доказать, что им действительно „дороги только интересы продовольственного дела", что они не хотят делать продовольственные нужды страны орудием политической борьбы против Советской власти. От имени Совета Народных Комиссаров было сделано предложение арестованным членам совета заявить о признании ими следующих принципов для возможного соглашения о совместной работе.

„Всероссийский Совет" в числе 10 принимает на себя следующее обязательство:

1. Не принимать никаких практических шагов к осуществлению хозяйственной деятельности, порученной ему с'ездом, впредь до доклада по этому вопросу Совету Народных Комиссаров и до выработки того или иного соглашения с последним.

2. Не делать никаких служебных распоряжений по Министерству продовольствия, каков бы ни был их характер — политический или хозяйственный — ни через Исполнительный Комитет, ни отдельным служащим непосредственно.

3 Довести до сведения служащих Министерства продовольствия, что они обязаны подчиняться требованиям народного комиссара по продовольствию, делать ему служебные доклады, а также сдавать дело заместителям в том случае, если кому либо из служащих будет пред'явлено это требование.

Члены „Всероссийского Совета" заявили на это, что они могут ответить по этому вопросу лишь после того, как будут освобождены из под ареста — и они сами и все служащие, арестованные с ними.

Идя навстречу всем условиям, облегчающим возможность делового соглашения с представителями Продовольственного с'езда, Совет Народных Комиссаров немедленно освободил всех арестованных, отобрав у них подписку лишь о том, что они осведомлены о предложении Совета Народных Комиссаров.

Но эта попытка пробудить у членов „Всероссийского Совета" чувство гражданской совести и стыда за саботаж продовольственных чиновников оказалась бесцельной. На следующий

день из об'яснений, по поводу сделанных предложений, с четырьмя делегатами „Всероссийского Совета" — вполне определенно выяснилось, что вопрос идет не о деловом соглашении, а о признании „Совета" правомочным органом власти, в руки которого должен быть передан, на правах верховного руководства, весь аппарат продовольственного дела по всей России. Другими словами говоря, „Всероссийский Совет" требует, под видом хозяйственных задач продовольственного дела, передачи ему политической власти в одной из отраслей государственного управления.

На такие притязания Совет Народных Комиссаров, охраняя вверенную ему вторым Всероссийским С'ездом Советов Рабочих, Солдатских и Крестьянских Депутатов всю полноту Советской власти, мог ответить только категорическим отказом.

Но можно было думать, что после такого разоблачения скрытых стремлений членов „Всероссийского Совета" вести борьбу с Советской властью, перед ними оставалась еще одна последняя возможность доказать свою искреннюю готовность не тормозить продовольственного дела, обратившись к служащим Министерства продовольствия с призывом немедленно приступить к занятиям. Однако, на такую искренность не способны те, кто хочет продовольственными нуждами бороться против Советской власти. Оказывается, что в тот момент, когда четыре представителя „Всероссийского Совета" вели переговоры якобы о соглашении с Советом Народных Комиссаров, — в это же время, 28-го ноября, за подписью „Исполнительного Комитета служащих Министерства продовольствия" была выпущена забастовочная прокламация ко всем служащим Министерства продовольствия, в конце которой дословно сказано следующее: Исполнительный Комитет, обсудив 28 ноября, совместно со Всероссийским Советом Продовольственных С'ездов, создавшееся положение, признал необходимым прекратить занятия и не возобновлять их до тех пор, пока не будут созданы условия, при которых работа оказалась бы возможной и целесообразной. Обеспечение таких условий Совет принял на себя.

Товарищи! В полном сознании серьезности и ответственности своих решений, „Исполнительный Комитет" призывает вас не приступать к работе впредь до особого уведомления Комитета.

Исполнительный Комитет
служащих Министерства продовольствия.

28 ноября 1917 года [1]).

---

[1]) Прокламация эта сделалась известной Народному Комиссару по продовольствию, благодаря тому, что членами делегатской Комиссии были задержаны двое служащих, застигнутых в момент печатания прокламации на ротаторе.

Так враги рабоче-крестьянских масс не останавливаются ни перед чем в своей решимости использовать продовольственное дело в целях борьбы с Советской властью. Разоблачая врагов народа в их преступной попытке обмануть сознание широких масс, Совет Народных Комиссаров заявляет, что никакие затруднения не помешают Советской власти закреплять плоды побед рабочей и крестьянской революции.

В ответ на гнусное лицемерие скрытых контр-революционеров Совет Народных Комиссаров обращается ко всем угнетенным классам, ко всей бедноте с призывом зорко стоять на страже революции и теснее сплачивать свои ряды вокруг Совета Народных Комиссаров для борьбы против эксплоататоров-капиталистов и всех прислужников капитала.

Временный Заместитель Народного
Комиссара по продовольствию *А. Шлихтер.*

29 ноября 1917 г

ОРГАНИЗАЦИЯ ПРОДОВОЛЬСТВЕННОГО ДЕЛА

Без хлеба для бойцов пролетарской революции, — для рабочих, солдат и деревенской бедноты — было бы неосуществимо ставить задачи закрепления Октябрьской победы. Без новой, революционной, организации продовольственного дела была бы фактически неосуществима задача снабжения революционных масс хлебом.

Выше, касаясь вопроса о наследстве, оставленном Советской власти Временным Правительством в области продовольственного дела, мы говорили уже, что это было наследство катастрофически быстро надвигающегося голода, ибо крестьянство продавало хлеб мешочникам-спекулянтам (подавляющая масса мешочников были спекулянты, заготовители хлеба не для своего личного потребления, а для продажи из под полы), но, не хотело продавать продовольственным органам. Удвоение хлебных цен, на которое пошло Временное Правительство, не помогло. Некоторое увеличение хлебных заготовок оказалось лишь кратковременным эффектом этой чисто спекулянтской меры, ибо хлебные запасы были, главным образом, лишь в помещичьих экономиях и у кулаков. Но ни помещики, ни кулаки не спешили отдавать хлеб по удвоенным ценам, вполне правильно расчитывая, что правительство, вынужденное удвоить цены, пойдет впоследствии и на утроение цен.

Для борьбы с надвигающимся голодом нужны были другие, новые, методы организации продовольственных заготовок, — методы, которыми была спасена первая пролетарская республика и в тяжкую годину гражданской войны и империалистической интервенции, и в страшные дни голода 1921 года.

Но для новых методов работы нужны были и новые люди. Продовольственное дело пролетарской Республики в первые месяцы Октябрьской Революции было делом вывода не только вообще всей страны из тупика, созданного империалистической войной и политикой Временного Правительства — сама Октябрьская Революция была этим выводом страны из тупика — но, в первую очередь, и прежде всего, продовольственное дело пролетарской республики определялось задачей, во что-бы то ни стало, закрепить диктатуру пролетариата.

Такая задача не могла быть поручена врагам пролетарской диктатуры, — тем, которые саботировали продовольственную работу во имя контр-революционных интересов „Комитета Спасения Родины" и угрожали стране голодом во имя борьбы за Учредительное Собрание.

Новые методы организации продовольственного дела, как и всякого другого дела, которое нам приходилось с первых дней октябрьских баррикад делать в пролетарской революции и для пролетарской революции, не надо было выдумывать. Методы эти определялись стратегической задачей строительства государственных форм на основе диктатуры пролетариата, а тактически-реальным учетом фактической обстановки в той или иной отрасли строительства в данный момент и наибольшей пригодности того или иного практического мероприятия для данного момента.

Единство воли, руководящей продовольственным делом; единство организации и распоряжения продовольственным аппаратом и всем его служебным персоналом; единство сосредоточения всех продовольственных запасов, где бы они ни находились и кому бы ни принадлежали; и, наконец, как естественный синтез этих организационных элементов продовольственного дела, конфискация „священной частной собственности", в чем бы она ни заключалась, если это нужно в интересах пролетарской революции, — вот новые методы организации продовольственного дела.

Такие именно методы мы находим в декрете от 27-го октября 1917 г. „Положение" о расширении прав Союза городских самоуправлений в продовольственном деле, — так формально называется этот замечательный документ, распубликованный и немедленно введенный в действие по телеграфу во всех городах с числом жителей, не менее 10.000 [1]).

По существу же этот декрет является прямым предшественником закона о „продовольственной диктатуре", изданного 8 месяцев спустя, в самый разгар обороны пролетарской республики от наскоков внутренней контр-революции и тисков империалистического окружения.

---

[1]) Декрет этот имеет следующие подписи: Председатель Совета Народных Комиссаров Ульянов-Ленин. Верно: И. Сталин.

Вот некоторые выдержки из этого характернейшего по революционной ясности, четкости и выдержанности документа:

Пункт 1. „Все продовольственные грузы, прибывающие в город, в том числе адресованные интенданству, Красному Кресту и всем прочим лицам и учреждениям, имевшим до сих пор право на независимое от города снабжение и распределение получаемых продуктов, — отныне поступают в распоряжение городского самоуправления, берутся им на учет и распределяются продовольственною организациею, в том числе и между лицами, получавшими доселе продовольствие распоряжением интенданства и прочих независимых доселе от города лиц и учреждений".

2. „Все лица и учреждения, пользовавшиеся доселе независимостью от города в снабжении или распределении продовольственных продуктов, обязаны представить в распоряжение городского самоуправления весь свой личный и материальный продовольственный аппарат". . .

Примечание. В Петрограде и Москве вся транзитная торговля и все погрузки для снабжения фронта так же совершаются под городским контролем.

3. „Воспрещаются все виды двойного получения продуктов и усиленных пайков, кроме утвержденных городом".

4. „Городское самоуправление имеет право собственным, не подлежащим обжалованию, постановлением взять под надзор и руководство все или некоторые торговые и торгово-промышленные предприятия, в том числе лавки, рестораны, трактиры, мельницы и проч. Оно имеет право определить, что эти заведения действуют в качестве агентов городской продовольственной организации, изменять их штат, условия труда, производства, продажи и проч., в том числе определять цены на все продовольственные продукты.

Оно имеет право превратить рестораны и трактиры в общественные столовые, работающие под руководством и контролем города, а также имеет право секвестровать в свою пользу всякое находящееся в черте города торговое или торговопромышленное продовольственное заведение или предприятие, причем весь личный состав секвестрованных предприятий остается в распоряжении городского самоуправления и обязан работать по указаниям его органов".

5. „Городское самоуправление имеет право конфисковать, реквизировать и секвестровать в свою пользу все частные помещения, необходимые по его усмотрению для открытия городских продовольственных лавок или для иных надобностей продовольственного дела, а также все принадлежащие частным лицам или учреждениям продукты

предметы, аппараты, орудия, принадлежности, транспортные средства, склады и проч., что, по его усмотрению, необходимо для осуществления успешной развозки продовольственных продуктов, их хранения, заготовки, переработки, распределения и организации общественного питания".

6. „Город имеет право реквизировать труд учащихся высших учебных заведений и старшего класса средних учебных заведений для работ продовольственной организации.

Все лица, работающие теперь в области продовольственного дела, как в городской организации, так и в частных предприятиях, обязаны продолжать работу и впредь и подчиняться в ведении ее предприятиям городского самоуправления и уполномоченных им органов".

7. „Городское самоуправление имеет право обязать всех жителей каждого дома или группы домов образовать общество для совместного получения и правильного распределения продуктов. Город имеет право реквизировать и включать в общую свою систему распределения все частные продовольственные запасы, превышающие установленные городом размеры".

Отличительной особенностью продовольственного дела, не только в первые недели, но еще и в первые месяцы после Октябрьских баррикад, являлось то обстоятельство, что в условиях фактического положения вещей в то время, под организацией продовольственного дела надо было понимать, прежде всего и главнейшим образом, организацию распределения продуктов, заготовленных до Октябрьской революции, но распыленных, в смысле распоряжения ими, по разнообразнейшим государственным и общественным учреждениям, как хозяевам этих продуктов, — это, во первых, и рассеяния продовольственных грузов по железнодорожным и водным транспортным путям, — это во вторых.

Первая задача, — сосредоточение продовольственных запасов в одних руках и распределение их единой волей разрешались декретом о расширении прав союза городских самоуправлений в продовольственном деле. Обесценение денег, унаследованное нами от Керенского, неуверенность крестьянства в прочности существования Советской власти и наличность продовольственных органов на местах почти сплошь с персоналом работников не советской ориентации, — все это делало бы нереальными расчеты на возможность новых заготовок в ближайшее время, и потому, ставя, само собой разумеется, вопрос о заготовке с первых же дней революции, — Советская власть считала необходимым и нетерпящим отлагательства использовать прежде всего продовольственные запасы, заготовляемые до революции и унаследованные диктатурой пролетариата на правах революции.

Естественность и целесообразность первоочередности, в тот момент, задач распределения готовых продовольственных запасов перед задачами новых заготовок продовольствия в тех условиях, какие в тот момент имелись, были совершенно очевидны.

Декрет 27 октября 1917 г. о единстве сосредоточения продовольственных запасов является по существу продовольственным лозунгом, данным тов. Лениным и вытекавшим из учета конкретной обстановки в продовольственном делев первые моменты Октябрьской революции.

Но этого лозунга не понимали и еще долго не могли понять некоторые из ответственных партийцев, которые, фактически плетясь в хвосте меньшевистско эсеровских продовольственных организаций, созданных Временным Правительством, претендовали на роль руководителей продовольственного дела.

Вторая задача, затронутая в декрете 27 октября, задача о рассеянии продовольственных грузов по всей сети железнодорожных и водных путей Республики, нашла свое организационное разрешение в другом замечательном документе первых дней революции, так же наметившем некоторые важнейшие формы организации продовольственного дела на все время гражданской войны.

Таким документом, построенным на учете реальных условий распределения и продвижения продовольственных грузов, является следующая „Инструкция комиссарам по доставке продовольствия".

„Дана сия Военно-Революционным Комитетом при Петроградском Совете Рабочих и Солдатских Депутатов и утверждена Советом Народных Комиссаров тов. уполномоченному Комиссару Григорию Малкину[1]) на право беспрепятственной доставки грузов по всем Российским Республиканским дорогам, а также на право реквизиции частных продовольственных грузов, как находящихся в пути, так и всех излишков, подлежащих реквизиции по всей России с расчетом обеспечения владельцев только по общей норме для деревни, т. е. полтора пуда в месяц на человека и по пяти пудов на десятину для обсеменения полей.

Железным дорогам и другим перевозочным пунктам вменяется в обязанность, под страхом Революционного суда, по первому требованию Комиссаров представлять в их распоряжение все имеющиеся средства переправки и доставки грузов по указанию Комиссаров.

---

[1]) Или Шацкину, — напечатано в оригинале неразборчиво. А. Ш.

Всем организациям и учреждениям предписывается оказывать всяческое содействие Комиссарам по разгрузке железных дорог и доставке к месту продуктов продовольствия.

Комиссарам предписывается входить в контакт с местными Советами и другими демократическими организациями, устанавливать обмен деревенских продуктов на городские. В случае сопротивления или явно враждебного отношения власти, Комиссары имеют право принять меры воздействия войсковыми частями, с согласия советских военных сил.

Всех лиц, враждебно настроенных и имеющих отношение к делу организации по доставке продовольствия, арестовывать и передавать в распоряжение Советов.

Оплата за реквизированные товары производится по установленным ценам и владельцу выдается квитанция на взятие у него товаров.

Оплата по квитанциям гарантируется государством. Обо всех подробностях и недоумениях сообщать Военно-Революционному Совету.

В отношении своих отрядов Комиссары действуют самостоятельно, не отклоняясь от точного исполнения инструкции.

Инструкция подписями и приложением казенной печати удостоверяется Советом Комиссаров.

Председатель Совета Комиссаров *В. Ульянов-Ленин.*

С подлинным верно:

За Управляющего делами *Н. Дуб.* (дальше неразборчиво).

Быть может, именно от этой „Инструкции Комиссарам по доставке продовольствия" ведет свое начало институт чрезвычайных Комиссаров Совнаркома, которые посылались Советской властью, в период гражданской войны, в разные концы Республики и по разным хозяйственным и политическим задачам в тех случаях, когда требовались революционная быстрота исполнения поручений и испытанная преданность интересам пролетарской революции. Пока не были налажены новые государственные аппараты, Советская власть могла обеспечивать единство воли в деле заготовки и распределения продовольствия лишь при посредстве своих непосредственных уполномоченных, снабженных большими правами распоряжения по отношению к органам власти на местах.

Надо сказать, впрочем, что и впоследствии, в течение всего периода гражданской войны, когда новые государственные аппараты вполне сложились и окрепли и в центре и на местах—в лице местных органов Советской власти, Совнаркому часто приходилось прибегать к назначению уполномоченных в мероприятиях общегосударственного значения. Органы местной

Советской власти, находясь в окружении провинциальной обывательщины, нередко впадали в политику местничества и особенно часто, можно сказать—систематически, сказывалось это на отношении местной власти к плановым требованиям центра в области продовольственного дела. Как в центре были ответственные и влиятельные товарищи, которые не понимали лозунга (данного декретом 27 октября) о первоочередности распределительных задач в области продовольственной работы, так потом, в течение долгого времени, приходилось бороться с непониманием на местах лозунга о первоочередности общегосударственных задач продовольственного дела перед задачами местными, хотя бы и чрезвычайно существенными и важными.

Получив поручение Совнаркома строить новый продовольственный аппарат [1]) мне надо было лишь использовать общие принципиальные вехи, данные декретом 27-го октября и „Инструкцией Комиссарам по доставке продовольствия", углубляя и расширяя их мероприятиями, которые диктовались учетом условий в данный момент борьбы за диктатуру пролетариата вообще и требованиями, которые пред'являлись этой борьбой к продовольственному делу в частности.

Мероприятия декретного характера, проведенные мною в порядке узаконений Правительства в течение первых трех месяцев существования Наркомпрода, имеют в виду материально заинтересовать крестьянство в сдаче хлеба государству по нормированным ценам. К деньгам, вследствие их валютной неустойчивости и все большего и большего обесценения, крестьянство уже и тогда относилось весьма и весьма прохладно. Единственное, чем можно было подвинуть крестьянство к вывозу хлеба на ссыпные пункты, это возможность приобрести в обмен на деньги, вырученные за хлеб, фабрикаты промышленности, необходимые в обиходе крестьянского хозяйства. Сельскохозяйственные машины и орудия, мануфактура и обувь, вот товары, голод на которые создал бешенную спекуляцию ими на рынке и сделал недоступными для широких крестьянских масс.

Чтобы вырвать эти товары из цепких лап спекулянтов, были проведены следующие мероприятия:

1. Декретом Совнаркома от 30 ноября 1917 г. „О монопольном распоряжении государства сельскохозяйственными машинами и орудиями"-устанавливалось:

„Все изготовленные и изготовляемые внутри страны, а также ввозимые из за границы сельско-хозяйственные машины

[1]) Такое поручение вытекало из переназначения меня в Наркомы из заместителей Наркома, в результате двух, представленных в Совнарком, организационных платформ: моей и тов. Теодоровича. Подробно об этом, см. в главе: „Обходное движение демократии". А. Ш.

и орудия, в целях обеспечения сельского хозяйства орудиями производства и обеспечения нужд трудящегося сельского населения, об'являются, с момента опубликования настоящего постановления, в монопольном распоряжении государства"[1]).

2. Циркуляром народного комиссара по продовольствию, по отделу снабжения тканями, кожей и обувью. „О реквизиции на станциях и пристанях всех мануфактурных и обувных товаров, невыкупленных со складов в течение двух суток" устанавливалось:

В целях разгрузки станций и складов предписывается всем продовольственным организациям, совместно с местными советами рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, реквизировать на станциях и пристанях все мануфактурные и обувные товары, прибывшие на места назначения и не выкупленные по тем или иным причинам со складов в течение двух суток.

„Все реквизированные товары направлять в местные губернские продовольственные управы и комитеты для распределения между жителями по твердым ценам" [2]).

3. Циркуляром народного комиссара по продовольствию „О запрещении продажи мануфактуры с фабрик частным лицам" были приняты следующие меры: „для пресечения спекуляций и для введения революционного распределения мануфактуры среди населения":

„а) запрещена продажа мануфактуры с фабрик частным лицам, если таковые не имеют доверенности на покупку от губернских или областных продовольственных управ и комитетов;

„б) всякому лицу, купившему мануфактуру по адресам продовольственных управ или комитетов, вывоз таковой разрешается в размерах общегосударственной разверстки из Петрограда Комиссариатом по продовольствию, а из Москвы и прилегающих текстильных районов учреждениями, на это уполномоченными Комиссариатом по продовольствию [3]).

4. Постановлением Высшего Совета Народного Хозяйства „Об организации „Центроткани" для учета, отчуждения и распределения всех изделий текстильного производства" — регламентировалось следующее узаконение: „Экономическому Отделу Московского Совета Рабочих и Солдатских депутатов поручается организовать „Центроткань" для учета всех изделий текстильного производства, для отчуждения их в государственную собственность и для распределения их через руководимую Народным Комиссариатом продовольствия общегосударственную продовольственную организацию.

---

[1]) См. Собрание Узаконений и распоряжений рабочего и крестьянского правительства, № 5, от 16 декабрря 1927 г., § 70.

[2]) См. Собрание Узаконений и Распоряжений рабочего и крестьянского Правительства № 9, от 24 декабря 1917 г., § 163.

[3]) См. там-же, № 9 от 24 декабря 1917 г., § 134.

Чтобы предупредить со стороны „социалистической группы“ новый прорыв фронта забастовщиков, член десятки В. Г. Громан и Череванин (известный меньшевик, литератор) занялись усиленной обработкой комитета „социалистической группы“.

Такое стремление „десятки“ удержать в своем подчинении „социалистическую группу“, имевшую в своих рядах лучших продовольственных работников, об'яснялось не только расчетами на возможность „убедить“ этих рыхлых в политическом отношении „ссциалистов“, но и еще одним фактом, благодаря которому вопрос о продовольственной п о л и т и к е был поставлен на обсуждение Совнаркома, о чем, конечно, были прекрасно осведомлены „десятка“, и комитет „социалистической группы“, и все вообще саботажники.

На учет „Центроткани“ поступают все 100% производства“ [1]).

5. В развитие вышеприведенного постановления Высшего Совета Народного хозяйства „приказом Народного Комиссариата по продовольствию от 19-го января 1918 года было об'явлено что „берутся на учет все сто процентов текстильно-ткацко-набивных изделий, как-то: суконные, шерстяные, льняные, хлопчатобумажные, пеньковые и джутовые ткани, а также и шитые из них вещи и штучные товары. На Фабрично-Заводские Комитеты возлагается не допускать выпуска товаров с фабрики и фабричных складов без разрешения Комиссариата по продовольствию или учреждений и лиц, им на то уполномоченных [2]).

Крестьянство особенно нуждалось в суконной мануфактуре, так как фабрики, мобилизованные в империалистическую войну для снабжения армии, вырабатывали почти исключительно сукно военного образца для интендантства, и большие запасы военных сукон находились в распоряжении Народного Комиссариата по военным делам.

Демобилизующаяся армия нуждалась в тот момент в хлебе больше, чем в сукне, поэтому было об'явлено, что „по соглашению между Народным Комиссаром по продовольствию Шлихтером и Народным Комиссаром по военным делам тов. Подвойским, все запасы сукон, произведенных Петроградскими фабриками, будут двинуты немедленно в провинцию, в целях обмена их на хлеб [3]).

Насколько были целесообразны и своевременные меры снабжения крестьянства мануфактурой в обмен на хлеб, можно судить по следующему факту, сообщаемому редакцией „Правды“, в связи с состоявшимся соглашением относительно суконных запасов интендантства: „Таким образом, в частную продажу

---

[1]) См. там-же № 9, от 24 декабря 1917 г., § 137.
[2]) См. там-же № 17, от 23 января 1918 г., § 161.
[3]) См. „Правду“ за 1917 г., № 223, Статью „Сведения о продовольствии“.

в Петрограде сукна в течение ближайшего-месяца не поступят. Вместе с тем, по распоряжению А. Г. Шлихтера, высланы экстренные наряды с тканями в Омск, в Тургайскую область, в Воронежскую, Курскую, и Тамбовскую губернию, для интенсификации подвоза хлеба к станциям. Делегаты Областного крестьянского Совета из Омска, посетившие народного комиссара по продовольствию, узнав об этой мере, заявили, что сейчас немедленно ими будут приняты меры к тому, чтобы огромные запасы хлеба, имеющиеся в Сибири, были направлены как на фронт, так и в голодающие губернии [1]).

Заботы о снабжении армии продовольствием нашли за это время отражение еще в одной мере, имеющей в виду предотвратить попытки поставщиков хлеба для армии использовать заготовленные запасы хлеба для спекулятивных торговых операций из под полы. „Подтверждается,— читаем мы в декрете Совета Народных Комиссаров от 12 декабря 1917 г.,— что все обязательства, возложенные договором на контр-агентов по поставкам и заготовкам продовольствия для армии, остаются в силе. Виновные в неисполнении этих договоров подлежат суду Революционного трибунала“ [2]).

Все эти организационные меры, предпринятые Народным Комиссариатом по продовольствию в целях борьбы со спекулянтами и обеспечения заготовительных операций важнейшими в крестьянском обиходе фабрикатами для обмена их на продовольствие, встретили со стороны трудящихся масс России живейший отклик поддержки и инициативу собственными усилиями помочь Советской власти в ее борьбе за хлеб для революции.

Так солдаты гор. Челябинска послали в Петроград маршрутный поезд с хлебом; Уральские рабочие сами доставили в Петроград также маршрутный поезд с хлебом и другими видами продовольствия, обеспечив быстрейшее продвижение поезда собственным паровозом; из Казанской губернии, где подвоз хлеба давно прекратился, сообщали, что крестьяне повезли хлеб; солдаты одного из полков в Петрограде постановили уменьшить свой хлебный паек, чтобы помочь своим братьям на фронте; крестьянские делегаты из различных губерний, испытавших особенно острую нужду в хлебе,— явившиеся в значительном количестве (человек 70—80) в Смольный, чтобы потребовать от Совнаркома „поправок“ к закону о хлебной монополии, сводившихся, по существу, к отмене монополии, и узнавшие из моего доклада на этом же собрании о мерах, предпринятых Наркомпродом, сразу же изменили свое отношение к вопросу, просили меня передать Совнар-

---

[1]) См. „Правду“ за 1917 г., № 223 статьи „Сведения о продовольствии“.

[2]) Декрет этот, затрагивающий права военного ведомства, подписан, кроме Предс. Совнаркома тов. Ленина, мною и Наркомвоенделом тов. Подвойским.

кому благодарность делегатского собрания за отзывчивое и чуткое отношение к нужде потребляющих губерний и тут-же избрали, по моему предложению, комиссию из своей среды для совместной работы с коллегией Наркомата продовольствия и т. д. и т. д.

Так, в ответ на замыслы продовольственных забастовщиков удушить революцию голодом, трудящиеся массы, в братской солидарности рабочих, солдат и беднейших крестьян, об'единялись, по призыву Советской власти, для борьбы и с голодом и с контр-революцией.

ОБХОДНОЕ ДВИЖЕНИЕ „ДЕМОКРАТИИ"

Лобовая атака „демократии" на продовольственном фронте потерпела, как мы видели выше, поражение. Разбитым оказался лоб не у нас, а у „десятки".

Попытка явочным порядком захватить продовольственную власть в руки „учредиловцев" — сорвалась. Учредиловцам пришлось ограничиться подпольной подготовкой срыва работ Наркомпрода путем продолжения саботажа министерских чиновников. Особенное внимание в этом отношении они уделяли „социалистической группе" работников Министерства продовольствия.

Группа эта, приступившая было, как мы знаем, к работе, снова ушла после ареста „десятки" с работы и снова начала обсуждать вопрос о своем отношении к забастовке, причем левое крыло группы было за работу, а правое — за забастовку.

Этот факт возник в связи с возвращением из поездки из Сибири в Петроград народного комиссара по продовольствию тов. Теодоровича. О его поездке было сообщено в газете „Правда", что тов. Теодорович организовал значительное количество продовольственных секций при Сибирских Советах Рабочих и Солдатских Депутатов, что один Красноярский Совет обязался доставить специально для нужд Петрограда полмиллиона пудов хлеба и что подвоз хлеба, хотя еще и затруднен вследствие саботажа со стороны некоторых дорог, напр., Омской железной дороги, но что Томская жел. дорога целиком обещала свое содействие делу снабжения Петрограда [1].

Выразив намерение вступить в исполнение обязанностей Наркома, тов. Теодорович заявил, что он не разделяет моих мер по отношению к саботажникам Министерства продовольствия и, в частности, считает ошибкой мои репрессивные меры по отношению к „десятке". Кроме того в беседе моей с тов. Теодоровичем выяснилось, что дело идет не о разногласиях

---

[1]) См. „Правду" № 205, 1917 г.

между нами в оценке той или другой конкретной меры, проведенной мною в период моего заместительства тов. Теодоровича, а о коренном расхождении наших взглядов на принципы организационного строительства аппаратов продовольственной власти вообще и на отношение наше к продовольственным организациям, унаследованным нами от Временного Правительства в частности. Я исходил из принципа необходимости создания новых, советских, продовольственных органов и поглощения этим новыми органами лучших элементов из среды работников прежних буржуазных продовольственных комитетов; т. Теодорович же находил нужным добиться соглашения со старыми продовольственными комитетами и использовать их чиновничьи аппараты в интересах пролетарской революции. Я, затем, исходил из принципа иметь, в лице Народного Комиссариата по продовольствию, центральный орган Советской власти не только юридически, но и фактически руководящий продовольственными организациями всей страны; Теодорович же считал возможным сотрудничество Наркомпрода с „Советом продовольственных С'ездов" на условиях, предлагаемых „десяткой". Наконец, по моей концепции, продовольственные аппараты в пролетарской республике должны быть органами политическими, их политика должна быть классово пролетарской политикой, ибо только такие органы могут гарантировать продовольственную работу в интересах пролетарской революции; по концепции же т. Теодоровича продовольственные органы могут быть и аполитичными, т. е. не классово-пролетарскими, хотя всякая „аполитичность" в пролетарской революции есть фактически политика против пролетарской революции.

В виду наличности таких разногласий, делающих невозможным дальнейшее сотрудничество наше в Наркомпроде, мы решили вынести наши разногласия на решение Совнаркома, причем доклад об этом сделает тов. Теодорович, как Нарком.

Выслушав нас обоих, Совнарком назначил комиссию из Наркомов для изучения вопроса и представления Совнаркому своего заключения. Через несколько дней Совнарком, заслушав доклад комиссии, нашел вопрос недостаточно выясненным и, по предложению тов. Ленина, изучение наших разногласий было передано еще раз комиссии в новом составе Наркомов с тем, что Наркомом будет утвержден тот, чью точку зрения комиссия найдет правильной

Если не изменяет мне память, первая комиссия была под председательством Наркомпутей тов. Елизарова, а вторая под председательством Наркома Государственого контроля тов. Эссена.

Вторая комиссия, как и первая, высказалась за правильность моей точки зрения, и Совнарком, в том-же заседании, 21 декабря 1917 г., освободил тов. Теодоровича от обязанностей Наркома и назначил Наркомом меня.

Чтобы покончить с какими бы то ни было кривотолками о невыясненности отношений Советской власти к организационным принципам построения продовольственных аппаратов, мною, по соглашению с председателем Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета покойным тов. Свердловым, за нашей общей подписью, была опубликована 21 декабря 1917 г. циркулярная телеграмма по всем Советам, — „Приказ Народного Комиссара по продовольствию“ о переорганизации местных продовольственных комитетов:

„Для согласования всех мероприятий по продовольствию и создания единой государственной продовольственной организации в Петрограде, организовался Всероссийский Продовольственный Комитет, в состав которого вошли представители Всероссийской военно-продовольственной комиссии, первого Всероссийского С'езда военного флота и фронтового с'езда по продовольствию.

„Всероссийский продовольственный Комитет [1]) предлагает всем Советам Рабочих, Солдатских и Крестьянских депутатов немедленно приступить к созданию при Советах продовольственных комиссий, с привлечением в эти комиссии всех активных сил революционной демократии, с тем, чтобы эти комиссии тотчас же взяли в свои руки контроль над местными продовольственными организациями, вливая в то-же время в исполнительные органы этих организаций своих представителей — в качестве полноправных членов.

„В дальнейшем, при установлении полного об'единения деятельности продовольственных комиссий при Советах и органов продовольствия, ныне существующих, все продовольственные органы, в их полном об'еме, переходят всецело в ведение Советов, которые, в свою очередь, согласуют свою деятельность по продовольствию с общим направлением деятельности центральных продовольственных и советских органов. До полной своей ликвидации все продовольственные органы должны всецело подчиняться указаниям местных Советов“.

Далее, в этой же телеграмме указывалось, что „в самом непродолжительном времени Всероссийским Продовольственным Комитетом будет созван с'езд всех демократических организаций и видных работников по продовольствию, всецело преданных интересам рабоче-крестьянской революции“.

Таким образом, после одобрения Совнаркомом моей программы действий в борьбе за продовольственную власть, с одной стороны, и приказа „об организации продовольственных комиссий при Советах“, в целях полного поглощения старых продовольственных комитетов новыми продовольственными органами, с другой, — учредиловским генералам от продовольствия уже

---

[1]) О происхождении и сущности „Всероссийского Продовольственного комитета“ будет рассказано мною в следующей главе А. Ш.

невозможно было в своих „проектах“ об организации продовольственного дела просто замалчивать существование Народного комиссариата по продовольствию, как это сделано было в резолюции Всероссийского продовольственного с'езда в Москве, как это попробовала было потом сделать „десятка“, забравшаяся для „работы“ в кабинет Беркенгейма в Аничковом дворце, без ведома и разрешения народного комиссара продовольствия.

Дальнейшая борьба лобовыми атаками для „демократических“ организаторов голода, как средство свержения Советской власти, была бы и бесцельна, и, кроме того, опасна, ибо она приводила непосредственно к дверн в ВЧК, которая во второй раз не раскрылась бы уже так легко, как это было в первый раз.

Приходилось лобовую атаку заменить обходным движением. Инициативу и организацию этого обходного маневрирования взял на себя Московский продовольственный комитет. Московским комитетом были заслушаны доклады Управы и Президиума Московского Продовольственного Комитета по вопросу об общем положении продовольственного дела, на котором была вынесена Комитетом следующая резолюция. [1])

„Признать продовольственное дело вне политической и партийной борьбы.

„Обратиться ко всем краевым организациям, ко всем продовольственным Комитетам, ко всем Советам Рабочих, Крестьянских, Солдатских Депутатов, ко всем политическим партиям, Профессиональным Союзам с призывом признать дело борьбы с голодом аполитичным, не прекращать работы по погрузкам, отправкам продовольственных грузов, оказывать содействие всем продовольственным комитетам в их тяжелых задачах.

„Обратиться с требованием к Совету Народных Комиссаров принять меры по недопущению случаев нарушения планов снабжения и просить пересмотреть вопрос о совместной работе со всеми продовольственными Комитетами, для чего предложить Совету Народных Комиссаров передать все руководство хозяйственно-техническими операциями Совету Продовольственных С'ездов на основе плана, выработанного Советом с Комиссаром продовольствия, а именно:

„1. Признание Совета и продовольственных органов на местах учреждениями аполитичного характера.

„2. Утверждение Народным Комиссаром всех распоряжений Совета, осуществление коих связано с деятельностью ведомств, находящихся во власти народных комиссаров.

---

[1]) В материалах, которыми я пользуюсь, нет точных указаний о времени слушания этих докладов, но, сопоставляя слушание докладов с другими фактами, надо думать, что это было во второй половине декабря 1917 г. А. Ш.

„3. Представительство Совета С'ездов в Коллегии народного комиссара по продовольствию с правом совещательного голоса.

„4. Совместное заседание по мере надобности Совета с Комиссаром или его Коллегией.

„5. Реорганизация Общегосударственного Продовольственного Комитета.

„6. Пополнение Совета С'ездов Представителями от военно-продовольственной Комиссии.

„7. Признание за Советом автономии в продовольственной области в хозяйственно-техническом отношении:

а) сношение с продовольственными органами на местах;

б) снабжение фронта и населения продовольствием и предметами первой необходимости;

в) руководительство служащими Министерства продовольствия, приглашение и увольнение их.

„В целях обращения к Совету Народных Комиссаров о передаче руководства хозяйственно-экономическими операциями Совету продовольственных с'ездов делегировать в Петроград делегации в составе 3-лиц". [1])

В этом характернейшем документе все обдуманно и все расчитано, с точки зрения распределения ролей между носителями суверенных прав „демократии" и „кучкой" „насильников и захватчиков".

Что „предлагает" Московский Продовольственный Комитет Совету Народных Комиссаров на основе того плана, выработать который он великодушно согласен вместе с комиссаром продовольствия?

Он предлагает не больше, не меньше, как следующее:

1. Обязать народного комиссара утверждать все распоряжения(!) Совета продовольственных С'ездов, т. е., иначе говоря, превратить полномочного представителя диктатуры пролетариата, в области продовольственного дела, в делопроизводителя, скрепляющего, в канцелярском смысле слова, „все распоряжения" „демократической" диктатуры „десятки"...

2. Признать за Советом автономию в деле „сношения с продовольственными органами на местах" и „руководительство служащими Министерства продовольствия, приглашения и увольнения их", — другими словами это значит, во первых: признать фактическое лишение Народного Комиссара, а следовательно, и Советской власти — возможности руководить продовольственной работой; и, во-вторых, это значит своими же руками оберегать, в лице служащих „Министерства продовольствия", боевой штаб продовольственной контр-революции от надлежащего наблюдения... со стороны недреманного ока В. Ч. К.

---

[1]) Текст резолюции получен мною от тов. М. Е. Шефлера.

3. Признать представительство Совета С'ездов в коллегии Народного Комиссара по продовольствию, т. е. допустить в политическом органе диктатуры пролетариата участие представителей „демократии", открыто об'явившей гражданскую войну Советам на Всероссийском с'езде 18-23 ноября в Москве...

А что-же предлагает резолюция Московского продовольственного Комитета Советской власти за такую коалицию с „демократией"? Предлагает она не малое, а именно: „Совместные заседание, по мере надобности, Совета (т. е. „десятки") с комиссаром или его коллегией".

Расшифровывая смысл этой тонкой юридической комбинации взаимных, якобы, прав сотрудничества, получаем такой коалиционный букет.

— Ты дай Совету — говорит Московский продовольственный Комитет Совнаркому — безоговорочное право присутствовать на заседаниях ответственнейшего пролетарского аппарата власти, чтобы я, представитель „демократии", мог постоянно и своевременно знать, что делается в твоем лагере; а Совет будет допускать на свое заседание „Комиссара или его Коллегию" по мере надобности, решая эту „меру надобности" самолично, т. е. запирая перед Комиссаром дверь заседания тогда, когда это будет нужно учредиловским „демократам".

И все это прикрывалось фиговым листочком „аполитичности" продовольственных организаций и продовольственного дела вообще!..

Теперь, спустя 10 лет, эти хитросплетения обходного движения продовольственной контр-революции могут производить лишь впечатление ребячьей наивности. Но тогда, у истоков гражданской войны, это была не наивность, а циничное глумление врага, скрыто меняющего расположение своих сил под дымовой завесой „коалиционного" соглашения, а открыто говорящего языком ультиматума:

— „Я, „демократия", основоположница „законной власти" Временного Правительства, требую от вас, „захватчиков", „насильников" безоговорочной капитуляции...

И вот с такими „сотрудниками" хотели найти соглашение некоторые из наших ответственных партийцев того времени!..

Я не помню, была ли заслушана резолюция Московского Продовольственного Комитета, привезенная специальной делегацией в Петроград, на официальном заседании Совнаркома, или по этому поводу дело ограничилось беседой с одним товарищем Лениным, но замыслы Московского Комитета потерпели неудачу.

И потому ли, что Московский Комитет потерпел неудачу, или потому, что претендентом на строительство дела продовольствия выступала такая, скомпрометировавшая уже себя в политическом отношении организация, как Совет продовольственных с'ездов, одним из деятельных единомышленников котого был

и Московский Продовольственный Комитет, — по той или по другой причине, но Московская „демократия“ поняла, что для обходного движения нужны инициаторы, не запятнанные участием в Московском продовольственном с'езде 18—23 ноября и вообще более авторитетные, с точки зрения учета общественных сил, стоящих за ними.

Таким условиям удовлетворял с'езд представителей потребляющих губерний Центрального Промышленного района России.

Был ли созван этот с'езд нарочито, со специальной целью использовать голос потребляющих губерний в борьбе с Наркомпродом, или же с'езд возник самостоятельно, на почве текущих продовольственных нужд, и кого именно „представляли“ члены с'езда — потребительские массы или „демократический“ персонал местных продовольственных органов, — все это мне не ведомо. Но что этот с'езд работал под знаком борьбы за автономию „демократии“ в продовольственном деле, — это видно из следующей резолюции с'езда, вынесенной по вопросу об организации Центрального Продовольственного органа:

„1. Признать необходимым все продовольственное дело страны подчинить об'единенному органу Всероссийскому Продовольственному Совету из представителей настоящего с'езда в числе 10 человек, из 2 представителей Совета Народного Хозяйства и по 1 представителю от Украины, Сибири и Северного Кавказа.

„2. Признать необходимым тесную связь этого центрального органа со всеми хозяйственными и экономическими центрами всей России и со всеми соприкасающимися учреждениями и ведомствами.

„3. Признать необходимым, чтобы комиссар по продовольствию в своих действиях всецело опирался на вышеуказанный Всероссийский Продовольственный Совет и являлся бы лишь лицом, связывающим деятельность Всероссийского Продовольственного Совета с Советом Народных Комиссаров.

„4. Признать, что все технические операции, планы снабжения, деятельность и организация местных продовольственных органов должны быть подчинены Всероссийскому Продовольственному Совету“.

Авторская близость этой резолюции с резолюцией Московского продовольственного Комитета совершенно очевидна. Но основные тенденции „демократии“ в ней выражены с большей четкостью и откровенностью, чем в резолюции Московского Комитета. Роль марионетки, отводимая Народному Комиссару продовольствия, формулирована здесь уже с таким беззастенчивым цинизмом и развязностью, что дальше уже итти некуда: это — роль лишь простого почтальона между продовольственным Советом и Совнаркомом.

А в вопросе о роли продовольственного Совета речь идет уже не о „сотрудничестве“, а о полном подчинении „всерос-

сийскому продовольственному Совету" „всех технических операций, планов снабжения, деятельности и организации местных продовольственных органов".

Спрашивается: какая же роль отводится Совнаркому, органу диктатуры пролетариата?

Роль делопроизводителя, скрепляющего декреты продовольственной „демократии".

Но с'езд представителей потребляющих губерний даже при том условии, что этот с'езд действительно представлял рабочие и крестьянские массы населения этих губерний, все же мог отражать взгляды лишь одной части потребителей, заинтересованных в правильной организации продовольственного дела.

Вести продовольственное дело всей страны, совершенно игнорируя интересы другой части потребителей, имеющихся также и в губерниях производящих, — так вести дело — значило бы близоруко подвергать и без того необычайно трудную задачу продовольственного снабжения городского пролетариата и деревенской бедноты всей страны весьма серьезным осложнениям.

Это так очевидно, что об'являть новый бой, базируясь лишь на голосе потребляющих губерний, было бы для Московской „демократии" весьма невыгодно в тактическом отношении.

Поэтому на 28-го декабря созывается в Москве новый Всероссийский продовольственный С'езд, на который, в отличие от с'езда 18—23 ноября, приглашены не только представители продовольственных органов потребляющих и производящих губерний, но и представители Советов Рабочих, Солдатских и Крестьянских депутатов. С'езд этот, хотя и не был представлен делегатами из всех без исключения губерний, но все же был значительным по числу участников.

О взглядах с'езда, работавшего с 28-го по 31-е декабря 1917 г., по вопросу об организации продовольственного дела расскажем словами тов. М. Е. Шефлера, делавшего в первых числах января 1918 г. доклад по этому вопросу в Петрограде, на заседании продовольственного отдела Высшего Совета Народного Хозяйства,[1]) в гостинице Астория. Мы приводим этот доклад целиком, как весьма показательный документ в истории борьбы Наркомпрода.

---

[1]) По первоначальной конструкции, ВСНХ был учреждением, синтезирующим и обобщающим все без исключения работы по строительству народного хозяйства. Поэтому в ВСНХ был организован и продовольственный отдел, как аппарат, связующий работу Наркомпрода синтезом со всеми государственными экономическими мероприятиями в других областях Народного хозяйства. Очень скоро эта конструкция обнаружила свою непригодность и вылилась в мертвящий бюрократизм аппарата ВСНХ. Но в тот момент формальное верховенство ВСНХ в продовольственном вопросе еще существовало, и Московская „демократия" обратилась за идеологической помощью в продовольственный отдел ВСНХ, минуя и игнорируя Народный Комиссариат продовольствия.

На с'езде представителей потребляющих губерний в Москве выяснилась ужасающая картина положения продовольственного дела в России.

Голод уже начинался.

Голодает Богородск, Подольск, Волоколамский уезд Московской губернии, Иваново-Кинешемский район, отдельные уезды Нижегородской, Владимирской, Смоленской, Рязанской и Тульской губерний

Москва перешла на паек в четверть фунта хлеба в день, Петроград еще на трех восьмых фунта.

Никаких запасов у Тверской и Ярославской губерний. Голодный тиф в Нижегородской и Смоленской губерниях сопровождается смертными случаями.

Голодают отдельные корпуса Западного фронта. Для Московской области, а именно, Москвы и 11 губерний погружено за декабрь вместо назначенных по плану 6.800 вагонов только 337 вагонов хлебных грузов.

В Сибири поезда с хлебом стоят из за отсутствия топлива, новых погрузок почти не производится из-за прекращения сдачи крестьянами хлеба. В Поволжских губерниях, а также в Курской, Тамбовской и Воронежской губерниях точно также хлеб не сдается и не грузится крестьянами, тщетно ожидающими поступления мануфактуры и других предметов первой необходимости, получающими из-за отсутствия денежных знаков вместо денег квитанции за хлеб и смущаемыми наплывом ходаков-мешечников, платящих за хлеб вдвое и втрое выше установленных твердых цен.

Украинский с'езд селян постановил давать хлеб северным областям России, сократить на Украине потребление хлеба и прибегнуть к принудительным мерам отчуждения хлеба, но из-за разрывов путей сообщения хлеб, заготовленный, до сих пор не может быть направлен на Север, а из-за отсутствия денежных знаков, которых для заготовки нужно сотни миллионов из-за отсутсвия мануфактуры и других предметов потребления, сдача хлеба почти приостановилась.

В таком же положении и Северный Кавказ, хранящий без возможности реализовать до 70 миллионов пудов хлеба.

Из всех хлебородных районов России только Уфимская губерния и Челябинский округ продолжают выполнение плановых нарядов более аккуратно, однако, это сотни вагонов, а не десятки тысяч, необходимых по государственному плану снабжения.

В то же время в центре, из-за почти полного прекращения работ служащими Министерства продовольствия, Народный Комиссар по продовольствию с новыми сотрудниками оказался не в силах справиться с труднейшей задачей, не имея достаточного авторитета в организациях хлебородных районов и осаждаясь массами ходоков голодающих губерний.

На с'езде была произведена попытка использовать с'езд, как политическую демонстрацию. Вместо этого, с'езд единодушно по проекту, вынесенному Советской группой с'езда, состоящей из представителей Петроградского, Московского, Воронежского, Харьковского, Екатеринбургского, Казанского, Нижегородского, Смоленского, Тульского, Владимирского, Иваново-Вознесенского, Тверского и других советов Рабочих, Солдатских и Крестьянских Депутатов постановил указать на необходимость немедленной, срочной практической реорганизации всего продовольственного дела. Прежде всего необходимое внимание С'езда было устремлено на чрезвычайную важность создания единого центра, руководящего всем продовольственным делом, всей борьбой с голодом, центра, построенного на общественно-демократических началах.

При этом Советская группа с'езда, а также и группа продовольственных организаций, при конструировании этого органа, исходила из следующих соображений:

1. Практической целесообразности единого центра.
2. Необходимости придания ему авторитетности для всех местных органов.
3. Его компетентности в продовольственных вопросах.
4. Его связи с общей экономической политикой России.

Эти соображения легли в основу принятого единогласно Советской группой и подавляющим большинством голосов С'езда постановления по вопросам об организации единого центрального органа.

РЕЗОЛЮЦИЯ

Всероссийского продовольственного С'езда 28-31 декабря 1917 года по вопросу об организации центра.

1. Признать необходимым для руководства продовольственным делом России, организовать единый орган — Всероссийский Совет по продовольствию при Совете Народных Комиссаров из следующих представителей:

3 от продовольственных комитетов потребляющих губерний,
3 „ „ „ производящих губерний,
3 „ Советов Рабочих, Солдатских и Крестьянских депутатов,
1 „ кооперативов.

По одному от окраинных краевых организаций, а именно: Сибири, Украины и Северного Кавказа.

2 представителя от Совета Народного Хозяйства.

2. В целях срочного проведения этого постановления в жизнь и для выработки подробной конституции этого общего руководящего продовольственного органа С'езд делегирует в Петроград для внесения этого постановления в Совет Народных

Комиссаров и в Совет Народного Хозяйства, выбранных им на С'езде девять [1]) представителей.

В члены совета избраны (по соглашению групп): Алексей Иванович Рыков, Владимир Густавович Громан, Иван Федосеевич Федосьев, Мария Натановна Фалькнер - Смит, Михаил Евстафьевич Шефлер, Владимир Яковлевич Везель, Герман Владимирович Шуб, Иван Петрович Лопатин, Дмитрий Петрович Малютин. Десятое место постановлено предоставить кооперативам и просить Совет кооперативных с'ездов делегировать во Всероссийский Продовольственный Совет своего представителя.

Избранная делегация С'езда на заседании своем 4 января 1918 года обсудила вопрос о конституции Всероссийского Продовольственного Совета и пока разработала этот вопрос лишь предварительно, чтобы обменяться мнениями с Советом Народного Хозяйства и внести проект конституции в Совет Народных Комиссаров.

Основными вопросами создания единого продовольственного руководящего органа являются следующие:

1. Его права, обязанности и состав.
2. Компетенция.
3. Взаимоотношения с Советом Народных Комиссаров и с Советом Народного Хозяйства.
4. Взаимоотношения с Комиссаром по продовольствию и компетенция последнего.

Соответственно с этими вопросами делегация с'езда вносит на рассмотрение Совета Народного Хозяйства следующий проект:

Проект организации Всероссийского продовольственного Совета.

1. Всероссийский Продовольственный Совет является единым Высшим руководящим органом при Совете Народных Комиссаров в области технически-хозяйственных мероприятий по продовольственному делу России.

2. К Всероссийскому Продовольственному Совету переходят все права и обязанности Всероссийского Продовольственного Комитета и Продовольственного Отдела Высшего Совета Народного Хозяйства.

3. Всероссийский Продовольственный Совет состоит из следующих представителей:

3 от продовольственных комитетов потребляющих губерний,
3 „ „ „ производящих „
3 „ Советов Рабочих, Крестьянских и Солдатских Депутатов,
1 „ кооперативных организаций,

---

[1]) Делегация эта получила в просторечии наименование «Девятки».

По одному от Сибири, Украины и Северного Кавказа,
По одному от Армии и Флота,
2 представителя от Совети Народных Комиссаров.

4. В состав Всероссийского Продовольственного Совета входит Народный Комиссар по Продовольствию.

5. Всероссийский Продовольственный Совет имеет право самопополнения.

6. Всероссийский Продовольственный Совет принимает на себя обязанность руководить всем делом продовольствия в полной органической связи со всеми государственными экономическими мероприятиями в других областях народного хозяйства.

7. Всероссийский Продовольственный Совет руководит всеми техническо-хозяйственными мероприятиями в области продовольственного дела России, а именно:

а) построением планов заготовок, снабжения и распределения продуктов и предметов первой необходимости;

б) наблюдением за выполнением этих планов;

в) наблюдением за осуществлением всех государственных мероприятий по продовольствию;

г) руководством центральным техническим аппаратом, а также местными продовольственными организациями в отношении выполнения ими государственных задач по продовольствию;

д) руководством организационным строительством местных продовольственных организаций.

8. Всеросс. Продовольств. Совету предоставляется:

а) входить, по соглашению с Советом Народного Хозяйства, с докладами в Совет Народных Комиссаров как непосредственно, так и, в частности, через Народного Комиссара по продовольствию;

б) входить с организационными проектами в Совет Народного Хозяйства;

в) издавать по соглашению с Высшим Советом Народного Хозяйства законодательные новеллы в области продовольственного дела. [1])

Аппетит, как говорится, приходит во время еды. Одобренная резолюцией с'езда потребляющих губерний, а потом резолюцией Всероссийского Продовольственного с'езда от 28-31 декабря, делегация этого с'езда вырабатывает проект конституции „единого продовольственного руководящего органа", основная сущность которого сводится к тому, что Народный Комиссариат по продовольствию, как государственный орган, совершенно исчезает и заменяется „единым центром, построенным на общественно-демократических началах, руководящим всем продовольственным делом, всей борьбой с голодом". В этом „общественно-демократическом" органе предоставляется

[1]) Текст доклада о работах Продовольственного С'езда 28-31 декабря дан мне т. Шермером. А. Ш.

место и... Народному Комиссару по продовольствию. Заседать в „общественно-демократическом органе“ да еще быть передатчиком докладов Продовольственного Совета в Совет Народных Комиссаров в тех случаях, когда продовольственный Совет не найдет нужным выступать непосредственно сам, — вот и все, на что готова была итти делегация с'езда 28-31 декабря в области прав и взаимоотношений Народного Комиссара с продовольственным Советом. А если бы оказалось, что состав Продовольственного Совета фактически не удовлетворяет задачам „общественно-демократических начал“, то на этот случай предусмотрительно вводится в „конституцию“ пункт о „праве самопополнения“ Продовольственного Совета: неблагоприятное соотношение сил можно изменить, „самопополняя“ Продовольственный Совет „благоприятными“ членами!

Противосоветский характер этой „конституции“ до такой степени очевиден, общий смысл ее с такой ясностью напоминает требования контр-революционного продовольственного с'езда 18-23 ноября, что в докладе о работах с'езда 28-31 декабря делается, для устранения напрашивающихся соображений о его контр-революционности, специальное указание на то, что, хотя „на с'езде и была произведена“ попытка использовать с'езд, как политическую демонстрацию, но „советская группа С'езда“ победила, и, вместо демонстрации, с'езд „единодушно“ принял резолюцию... о фактическом упразднении Народного Комиссариата продовольствия и о передаче „всего продовольственного дела, всей борьбы с голодом“... „единому центру, построенному на общественно-делократических началах“...

На ряду с такой обработкой членов Продовольственного с'езда, „общественно-демократические“ элементы работали еще иными путями. Так, председатель Московского Областного продовольственного Комитета тщательно подобрал разрешения на вывоз определенного количества хлеба, выданные мною нескольким ходокам из потребляющих губерний и демонстрировал эти разрешения на Пленуме Московского Совета Рабочих, Солдатских и Крестьянских Депутатов, как факты поощрения, с моей стороны, мешечников-спекулянтов и разрушения хлебной монополии. Этот „спаситель“ устоев хлебной монополии не знал (а, может быть, и знал), что эти разрешения были выданы мною по „записочкам“ тов. Ленина. К несчастью, эти записочки пропали вместе с другими очень ценными материалами в Омске, при эвакуации Советов под напором чехо-словацких банд. Одна записка была особенно характерной для Ленина, с таким негодованием всегда бичевавшего бюрократическое равнодушие к нуждам трудящегося человека. Направляя ко мне ходоков от одного села Калужской губернии, где тогда свирепствовал голод, которым заградительный продовольственный отряд не разрешал привезти закупленный в соседней губернии хлеб для села, Ленин ругательски ругал „бюрократическую

бестолковщину" и требовал от меня „немедленно устранить безобразие"...

Не менее яркой была бюрократическая бестолковщина одного из членов Петроградской Продовольственной Управы М. Н. Фалькнер-Смит, избранной в „девятку" с'езда 28-31 декабря и защищавшей вышеприведенную „конституцию" продовольственного Совета. В Петрограде стояло на колесах 30 вагонов с хлебом, предназначенным по наряду для Финляндского пролетариата. Количество это обеспечивало потребителей в Финляндии (не помню, какой именно части Финляндии касался этот наряд) что-то около 30 дней. Между тем поступило с р о ч н о е требование на 10 тыс. пудов куда то на фронт. Не имея в данный момент свободного от нарядов хлеба, я распорядился отправить на фронт 10 вагонов из числа предназначенных для Финляндии. Этот случай революционного распределения Комиссариатом Продовольствия хлебных запасов, вызванного экстренными потребностями революции, Фалькнер-Смит характеризовала на Пленуме Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета как „систему грабежа". Член Петроградской Продовольственной управы совершенно не понимал, что, в условиях т о г о момента, как я уже говорил об этом выше, первоочередной и важнейшей задачей продовольственного дела было именно революционное распределение готовых, разбросанных по железнодорожной сети запасов, а не заготовок, так как для нового притока хлеба от крестьян надо было проделать еще большую организационную работу. Так „принципиальные разногласия окрасились в цвета личной неприязни к тов. Шлихтеру", говорит Н. Орлов в своей книге „Продовольственная работа". [1])

Доклад делегации с'езда 28-31 декабря был поддержан Высшим Советом Народного Хозяйства и перенесен, затем, на решение Совнаркома, которым 12 января 1918 года было вынесено следующее постановление:

1. Для руководства всем продовольственным делом организуется Единый Высший Продовольственный Орган, принимающий на себя права и обязанности Продовольственного Отдела Высшего Совета Народного Хозяйства.

2. Этот орган носит название В с е р о с с и й с к и й П р о д о в о л ь с т в е н н ы й С о в е т.

3. Этот орган организуется путем представительства местных организаций, согласно постановления с'езда 28-31 декабря и путем избрания от Общего Собрания Высшего Совета Народного Хозяйства в количестве 8 представителей и двух представителей от Армии и Флота (от Центрального Комитета по снабжению армии и флота).

4. Представительство местных организаций согласно постановления С'езда образуются следующим образом:

[1]) Стр. 34.

а) 3 от продовольственных комитетов производящих губерний,
б) 3 от продовольственных комитетов потребляющих губерний,
в) 3 от Совета Рабочих, Солдатских и Крестьянских Депутатов,
г) 1 от кооперативов,
д) по одному от Сибири, Украины и Северного Кавказа.

5. Этому органу принадлежит право самопополнения.

6. В задачи этого органа входит, как направление общепродовольственной политики, так и правильная постановка хозяйственно-технической стороны продовольственного дела, а, следовательно, к нему переходят все права и обязанности Всероссийского Продовольственного Комитета и Комиссариата по продовольствию.

7. Все вопросы общего принципиального характера, и вопросы, затрагивающие другие стороны Народного Хозяйства, этот орган вносит на утверждение общего собрания ВСНХ или Бюро ВСНХ.

8. Общее собрание этого органа распределяет соответствующим образом свои силы для фактической работы и руководства продовольственным делом, а также для руководства всей работой, этим органом избирается президиум.

9. Народный Комиссар по продовольствию участвует в заседании Всероссийского Продовольственного Совета с правом решающего голоса. Он принимает к исполнению постановления Всероссийского Продовольственного Совета и, в случае несоответствия их государственным интересам, переносит вопросы на рассмотрение в Совет Народных Комиссаров.

Серьезность продовольственного положения, слабость делового аппарата, которым мог располагать в то время, в разгар саботажа, Комиссариат Продовольствия, атмосфера интриг и инсинуаций на тему о том, что „Народный Комиссар по продовольствию с новыми сотрудниками оказался не в силах справиться с труднейшей задачей, не имея достаточного авторитета в организациях хлебородных районов и осаждаясь массами ходоков голодающих губерний“, — все это заронило сомнения участи членов Совнаркома в возможности наладить продовольственное дело без услуг „девятки“, и отражением этих сомнений было вышеприведенное „постановление Совета Народных Комиссаров“. В результате большой дискуссии в Комиссии, выделенной Совнаркомом по этому вопросу, удалось добиться лишь того, что в проект делегации С'езда 28-31 декабря была внесена, по моему предложению, и принята поправка о том, что „Народный Комиссар, в случае несоответствия постановлений государственным интересам, переносит вопросы на рассмотрение в Совет Народных Комиссаров“. Таким образом и на этот раз была отбита атака „общественно-демократических“ кругов, направленная к фактическому упразднению Комиссариата Продовольствия.

Принимать к исполнению постановления Продовольственного Совета и в то-же время, „в случае несоответствия их государ-

ственным интересам переносить вопросы на рассмотрение в Совет Народных Комиссаров", это было бы делом громоздким, но не безнадежным.

ЛЕВЫЕ ЭСЕРЫ ПОДБИРАЮТСЯ К ПРОДОВОЛЬСТВЕННОЙ ВЛАСТИ

Борьба за власть велась не только вне стен Аничкова дворца, но и в самом Наркомпроде. Я уже говорил, что с первого же дня вступления моего и коллегии в управление центральным продовольственным ведомством были привлечены к работе представители продовольственной Комиссии Военного Отдела Центрального Исполнительного Комитета Совета Рабочих и Солдатских депутатов (первого созыва, т. е. до Октябрьской Революции), в просторечии называвшиеся военно-продовольственными эмиссарами.

Комиссия эта состояла из представителей различных воинских частей фронта и тыла и организована была при Временном Правительстве с целью способствовать выполнению воинских и гражданских продовольственных нарядов, путем посылки на места заготовок агитаторов и практических работников в помощь местным продовольственным органам. Незадолго до Октябрьского переворота Продовольственная Комиссия вошла в тесный контакт с Министерством продовольствия, в связи с учреждением при местных продовольственных комитетах особых делегатских комиссий („делегаткомов") из делегатов воинских частей и потребляющих районов.

Судить о политической физиономии этой комиссии, переименовавшей себя с 1-го ноября 1917 г. во „Всероссийскую Военно-Продовольственную Комиссию и Центральный Делегатком", можно по следующему ее обращению „к труженикам продовольствия", опубликованному в день переименования:

„С созывом 2-го Всероссийского с'езда Советов и с организацией нового Исполнительного Комитета, Исполнительный Комитет 1-го созыва перестал существовать юридически и фактически со всеми его отделами, за исключением продовольственной комиссии.

„Продовольственная Комиссия, признавая критическое положение продовольственного дела в стране, решила продолжать свою работу, не входя в оценку текущего политического момента, считая, что от продовольственной разрухи одинаково страдают все борющиеся партии и группы, а также многомиллионное население России, совершенно чуждое всякой политической борьбы. Приняв строго нейтральную позицию в продовольственном деле, мы признали необходимым работать в контакте как с существующими организациями по продовольствию (Министерством Продовольствия, Городским Самоуправлением и пр.),

так и со всеми организациями, созданными благодаря текущим событиям. Одновременно считаем долгом совести заявить, что продовольственный вопрос мы не дадим использовать как орудие политической борьбы, ни одной из ныне борющихся партий".

Идеология Военно-Продовольственной Комиссии о „строго нейтральной позиции в продовольственном деле" напоминала идеологию Московского Продовольственного Комитета, торжественно признавшего в начале своей резолюции „продовольственное дело вне политической и партийной борьбы", а в конце резолюции требовавшего фактического упразднения комиссариата продовольствия, — такая идеология не внушала доверия к ее выразителям.

С другой стороны, заявление о том, что „многомиллионное население России совершенно чуждо всякой политической борьбы и что „мы (Военно-Продовольственная Комиссия) не дадим использовать продовольственный вопрос как орудие политической борьбы ни одной из ныне борющихся партий", — не внушало политического доверия к авторам „обращения", ибо партия большевиков, борясь за продовольственную власть, тем самым делала продовольственный вопрос источником политической борьбы.

Такая идеологическая туманность обыкновенно прикрывала в дни гражданской войны противосоветскую сущность разных „социалистических и демократических" групп.

В данном случае туманность эта рассеялась и истинный характер „нейтральной позиции в продовольственном деле" был полностью расшифрован, когда Всероссийская Военно-Продовольственная Комиссия, в составе которой, за единичными исключениями, оказались левые эсеры, созвала Всероссийский с'езд эмиссаров, работавших на местах и находившихся с нею в тесной деловой и идейной связи.

Одновременно состоялись и два другие с'езда — представителей флотских и армейских продовольственных организаций. При обсуждении и разрешении общих вопросов, с'езды эти слились в один, с представительством от Всероссийского Исполнительного Комитета железнодорожников („Викжель", 2 человека), от Всероссийского с'езда Военного флота (3 челов.), от военно-продовольственных эмиссаров, работающих в местных продовольственных комитетах (23 чел.), от Всероссийской Военно-Продовольственной Комиссии (14 чел.), от фронтового обще-армейского с'езда (50 чел.) и от Всероссийского Совета Крестьянских Депутатов (левой группы, 1 чел.).

Этот об'единенный с'езд принял всецело позицию Военно-Продовольственной Комиссии о нейтральности в продовольственной работе и поставил своей целью взять в свои руки расстроенный, вследствие забастовки служащих, Центральный продовольственный аппарат.

С'езд выделил из своего состава представителей, которые должны были войти с правом решающего голоса в центральный всероссийский орган по продовольствию.

Представители эти об'явили себя 4 декабря Всероссийским Продовольственным Комитетом, в составе 12 членов: от Всероссийской продовольственной Комиссии 5 чел., от с'езда военного флота 3 чел. и от фронтового продовольственного с'езда 4 чел. Председателем был избран Синдеев — фронтовик, товарищем председателя Зыбин — из Военно-Продовольственной Комиссии и секретарем Чукмасов — от флота.

В заседании 9 декабря Всероссийский продовольственный Комитет признал, что: 1) он является государственным органом, ведающим всем продольствием армии и страны; что 2) состав, права и обязанности его должны получить утверждение со стороны Центрального Исполнительного Комитета Советов или Совета Народных Комиссаров; что 3) в состав его должны входить лица по избранию: от фронтовых войск 5 членов, от военного флота 3 чел., от военно-продовольственной комиссии — 5 чел., от крестьянского с'езда — 5, от ЦИК'а Советов — 2, от Центрального Бюро фабрично-заводских комитетов — 2, от Совета Профессиональных Союзов — 2 и от Викжеля или Железнодорожного с'езда — 2, всего 26 членов.

Считая себя органом законодательным в отношении продовольствия, Всероссийский Продовольственный Комитет постановил выделить из своей среды исполнительное бюро, которое ведало бы делом продовольствия практически, работая в согласии с нар. комиссаром и его коллегией.

Но расчеты этого нового, явочным порядком созданного, претендента на верховную продовольственную власть не оправдались. В одном из ближайших заседаний Комитета мною было сделано категорическое заявление, что носителем верховной власти в продовольственном деле является только Народный Комиссариат Продовольствия, имеющий источником своей власти волю высшего законодательного органа Республики, Центр. Исполнительного Комитета, и что никаких торгов и разговоров о разделе этой власти с Всероссийским Продовольственным Комитетом я вести не стану. Но, наряду с этим, я заявил о своей готовности провести через Совнарком включение в коллегию Наркомпрода нескольких членов Исполнительного Бюро Продовольственного Комитета и кроме того содействовать юридическому оформлению Всероссийского Продовольственного Комитета официальным актом Советской власти при условии безоговорочного признания Комитетом платформы 2-го Всероссийского С'езда Советов Р. и С. Депутатов.

Так возник приведенный уже выше акт 21-го декабря 1917 г. за подписью Свердлова и моей.

Этим актом сбрасываются с продовольственного Комитета противосоветские одежды „нейтрализма" в продовольственном

деле, одетые на него эмиссарско-фронтовым с'ездом и предопределяется реорганизация дореволюционных продовольственных органов полной советизацией их.

Главные же инициаторы и организаторы Продовольственного Комитета, левые эсеры из эмиссаров Военно-Продовольственной Комиссии, этим актом отводятся от „верховных прав" руководства продовольственным делом к скромной роли технических исполнителей разных организационных мероприятий по подготовке к созыву 1-го Всероссийского продовольственного С'езда Советов.

VII. ПЕРВЫЙ ВСЕРОССИЙСКИЙ ПРОДОВОЛЬСТВЕННЫЙ С'ЕЗД

На вопросе о составе с'езда Исполнительное Бюро Всероссийского Продовольственного Комитета пыталось еще раз демонстрировать претензии на роль об'единителя, в своем лице, представителей специально от продовольственных организаций, которыми продолжали все еще оставаться аппараты, созданные законом Временного Правительства от 25 марта 1917 г. Фактически это была претензия и первого с'езда учредиловских контр-революционеров 18 — 23 ноября, и 2-го с'езда Советских путанников 28 — 31 декабря закрепить при помощи Советского с'езда об'единение местных продовольственников не вокруг Наркомпрода, как единого Центрального руководителя всей организации продовольственного дела, а вокруг автономного Продовольственного Комитета, как центра, самостоятельно об'единяющего „общественно-демократических" продовольственных работников на местах.

Коллегия же Наркомпрода, исходя из интересов скорейшей ликвидации вожделений на руководство в продовольственном деле со стороны разных „демократов", имела в виду организацию с'езда, в виде продовольственной секции при Третьем Всероссийском С'езде Советов, созывавшемся после разгона Учредительного Собрания.

Это расхождение между Комиссариатом и Комитетом было ликвидировано согласованным решением „признать созываемый продовольственный с'езд с'ездом самостоятельным из делегатов, командированных местными продовольственными советскими организациями [1]), при чем с'езд этот должен быть пополнен теми продовольственниками, какие встретятся среди лиц, приехавших на Третий с'езд Советов" [2]).

Открытие 1-го Всероссийского Продовольственного С'езда Советов состоялось 17-го января 1918 г. в Аничковом дворце. На с'езд с'ехалось 105 делегатов, разбившихся на три фракции — большевиков, левых эс-эров и максималистов. Большинство делегатов С'езда были одновременно и делегатами 3-го С'езда Советов.

---

[1]). Т. е. созданными, по акту 21 декабря, Продовольственными комиссиями при Советах.

[2]) См. Н. Орлов, стр. 31.

По предложению мандатной Комиссии, избранной на с'езде, был утвержден следующий регламент с'езда:

1. Правом решающего голоса на С'езде пользуются лишь представители Советов, специально делегированные на Всероссийский Продовольственный С'езд.

2. Право решающего голоса на с'езде предоставляется также участникам 3-го Всероссийского С'езда Советов от тех губерний и уездов, от советских организаций, в коих нет представителей на Продовольственном с'езде; остальные члены 3-го С'езда Советов пользуются правом совещательного голоса.

3. Допустить на с'езд с правом решающего голоса 4 представителей Комиссариата по Продовольствию (в том числе Народного Комиссара по продовольствию).

4. Допустить на С'езд с правом решающего голоса всех членов Исполнительного Бюро Всероссийского Продовольственного Комитета.

5. Допустить на с'езд с правом решающего голоса 3-х представителей от левой части Всероссийского С'езда железнодорожников.

6. Предоставить представителям губернских и уездных продовольственных органов право участия на с'езде с совещательным голосом.

7. Допустить на с'езд с правом решающего голоса представителей Высшего Совета Народного Хозяйства.

8. Допустить на с'езд с правом совещательного голоса 3-х представителей так называемой „девятки" — от Московского Совещания.

К моменту начала работ с'езда принципиальный конфликт между Народным Комиссаром по продовольствию т. Шлихтером, с одной стороны, и ВСНХ и „девяткой" — с другой, принял столь острые формы, что был доведен до сведения Народных Комиссаров.

В ночном заседании 16-го января Совнаркомом была принята предложенная Лениным резолюция следующего содержания:

„Совет Народных Комиссаров просит Продовольственный С'езд немедленно, завтра же утром, выбрать хотя бы 3-х продовольственных работников для того, чтобы они могли тотчас же принять участие в обсуждении самых решительных и революционных мер по борьбе с голодом. Совет Народных Комиссаров просит Продовольственный С'езд выбрать Комиссию для выслушания сообщений от всех находящихся ныне в конфликте групп, учреждений и работников продовольственного дела и передать в Совет Народных Комиссаров заключение по этому делу".

Таким образом, в первые же дни своей работы С'езд был невольно впутан в ту сеть интриг и борьбы за власть, какая окружала Народный Комиссариат Продовольствия с первых шагов его деятельности.

Созданная С'ездом для разбора конфликтов Комиссия дала свое заключение в том смысле, что конфликт тов. Шлихтера, „девятки" и ВСНХ создался на почве расхождения тов. Шлихтера с указанными организациями по принципиальному вопросу об организации продовольственного аппарата.

Стоя всецело на советской платформе, тов. Шлихтер направлял продовольственную политику в сторону полного перехода всего продовольственного дела, как на местах, так и в центре в руки Советов, тогда как „девятка" и некоторые члены ВСНХ настаивали на восстановлении Губпродкомов и допускали лишь контроль над этими органами со стороны Советов.

Комиссия С'езда признала точку зрения тов. Шлихтера совершенно правильной и вывод этот, по утверждении его Пленумом С'езда, был доложен Совету Народных Комиссаров.

Первые два дня заседания С'езда носили очень бурный характер. Представители „девятки" демонстративно покинули С'езд.

То же было сделано и представителем Высшего Совета Народного Хозяйства [1]).

В виду создавшихся таким образом ряда конфликтов решено было в первую же голову избрать центральный продовольственный орган, слив его с Комиссариатом по Продовольствию и тем утвердив авторитетность Комиссариата. В связи с этим Всероссийский С'езд Советов по продовольствию по вопросу о создании продовольственных органов как на местах, так и в центре, п о с т а н о в и л:

1. Продовольственные органы как на местах, так и в центре должны быть созданы Советами Рабочих, Солдатских и Крестьянских Депутатов.

2. Исходя из вышеозначенного принципа — как основного, Всероссийский Продовольственный С'езд избирает Коллегию, которая и составляет основное ядро Высшего Продовольственного Центра Советской Республики.

3. Все прочие продовольственные центры, как Высший Продовольственный Совет, Всероссийский Продовольственный Комитет, делегация, выбранная на Московском Совещании 28 — 31 декабря и т. п. организации, с момента создания означенной Коллегии, упраздняются.

---

[1]) „Один из авторитетных продовольственников", говорится по этому поводу в книге Н. Орлова, стр. 38, — примыкающий к той группе, которая покинула с'езд, заявил в заседании социалистической группы служащих старого минпрода, что члены С'езда, „это люди, искренне презирающие всякое знание и ненавидящие всех носителей его"... Как характерно это высокомерное презрение просвященного „демократа" и „социалиста" в первые дни Октябрьской Революции к творческому порыву трудящихся масс!..

4. Все члены означенной Коллегии, для тесной связи и контактной работы, входят в Центральный Исполнительный Комитет 3-го С'езда Советов, как равноправные членые его [1]).

Принятые здесь принципы были развиты более подробно в следующем, получившем одобрение с'езда, проекте декрета по организационному вопросу:

Проект Декрета об организации Всероссийского Совета снабжения при Центральном Исполнительном Комитете Совета Рабочих, Солдатских, Крестьянских и Казачьих Депутатов и Отделов снабжения при местных Советах Рабочих, Солдатских, Крестьянских и Казачьих Депутатов

I. Общее положение

1. Оставляя в силе основные положения о хлебной монополии, для планомерного осуществления дела снабжения населения всеми предметами первой необходимости, в том числе и в первую очередь, хлебом, намечая передачу в распоряжение Социалистической Российской Республики не только хлеба, но и всех предметов массового потребления, для руководства и заведывания делами снабжения организуется в центре Всероссийский Совет снабжения при Центральном Исполнительном Комитете Совета Рабочих, Солдатских, Крестьянских и Казачьих Депутатов, на местах — Отделы снабжения при местных Советах Рабочих, Солдатских, Крестьянских и Казачьих Депутатов.

2. Все бывшие служащие бывшего Министерства Продовольствия обязуются передать соответствующим органам снабжения все имеющиеся на их руках дела. Уклонившиеся от исполнения настоящего постановления будут об'явлены врагами народа, пытающимися искусственно вызвать в стране голод, и с ними будет поступлено со всей строгостью революционного времени.

3. Организованные бывшим Временным Правительством Продовольственные Комитеты немедленно после организации Отделов снабжения при Советах считаются упраздненными и передают все свои дела и имущества этим последним.

4. Местным же отделам снабжения обязаны передать все дела и кредиты уполномоченные, заведывающие и все другие лица, исполняющие поручения бывшего Министерства Продовольствия.

5. На местных работников бывшего Министерства Продовольствия распространяется действие статей 2 и 3 настоящего постановления.

---

[1]) Последний пункт этого постановления принят как „пожелание" с'езда.

6. Служащие упраздняемых Продовольственных Комитетов могут быть приняты на службу в Отделы Снабжения.

7. С момента опубликования настоящего декрета всякого рода организации и лица, виновные в злоумышленном препятствии подвозу, в сокрытии или истреблении предметов первой необходимости путем их расхищения, погромов или переработки их в явно вредные продукты (например, самогонка) будут преданы Суду Революционного Трибунала с применением суровых наказаний вплоть до конфискации имущества.

II. Всероссийский Совет Снабжения при Центральном Исполнительном Комитете Совета Рабочих, Солдатских, Крестьянских и Казачьих Депутатов

1. Всероссийский Совет Снабжения является высшим Государственным органом, руководящим и управляющим делом обеспечения и снабжения населения предметами первой необходимости.

Примечание. Будучи автономным в пределах своей компетенции Всероссийский Совет Снабжения входит в тесный контакт с Высшим Советом Народного Хозяйства по тем общегосударственным вопросам, коими ведает ВСНХ.

2. В состав Всероссийского Совета Снабжения входят представители, избранные на Всероссийском С'езде Советов Рабочих, Солдатских, Крестьянских Депутатов по продовольствию в числе, определенном самим С'ездом.

Примечание. Избранному на С'езде Всероссийскому Совету Снабжения предоставляется право кооптации с правом решающего голоса, но не более $^1/_3$ своего состава.

3. В своей деятельности Всероссийский Совет Снабжения, руководствуется инструкциями, утвержденными Центральным Исполнительным Комитетом Советов Рабочих, Солдатских, Крестьянских и Казачьих Депутатов и Советом Народных Комиссаров.

4. Председатель Всероссийского Совета Снабжения входит в состав Совета Народных Комиссаров, как Народный Комиссар по снабжению.

III. Местные органы снабжения

1. Местными органами Всероссийского Совета Снабжения являются Отделы Снабжения при:

Областном, Губернских, Уездных, Городских, Волостных Советах Рабочих, Солдатских, Крестьянских и Казачьих Депутатов, образуемые на основании настоящего декрета и действующие в соответствии с декретами Совета Народных Комиссаров и Всероссийского Совета Снабжения.

Положение о Всероссийском Совете Снабжения было проведено в жизнь, и состав Совета был определен в количестве 35 человек, из которых 29 членов были избраны на С'езде, а 6 мест было предоставлено кандидатам фракции большевиков— без выбора С'ездом.

В состав 29, избранных С'ездом, вошли следующие лица:

От фракции с.-д. (больш.):

1. Шлихтер
2. Якубов
3. Мануильский
4. Розовский
5. Цюрюпа
6. Климов
7. Чукмасов
8. Гольман
9. Морозов
10. Брюханов
11. Сосунов
12. Шенсович
13. Дацко
14. Кузнецов
15. Малютин

От фракции с.-р. и максим.:

16. Горохов
17. Зыбин
18. Кузько
19. Уткин
20. Закутанский
21. Пускарь
22. Андрюхин
23. Денисов
24. Украинцев
25. Кондратьев
26. Воробьев

от внефракционной группы:

27. Бабаханян
28. Орлов
29. Климов

Аппарат этот оказался на первых же порах своей деятельности крайне громоздким, и потому в первые же дни после С'езда Совет выделил из своего состава Президиум из следующих лиц:

1. Шлихтер
2. Якубов
3. Мануильский
4. Розовский
5. Малютин
6. Брюханов
7. Морозов
8. Бабаханян
9. Кузько
10. Горохов
11. Климов
12. Зыбин
13. Уткин

А Президиум, в свою очередь, был вынужден, в интересах создания гибкого, делового органа, выделить из себя „Исполнительное Бюро Президиума" в составе т. т. Шлихтера, как Председателя и Народного Комиссара, и членов: Бабаханяна, Брюханова, Горохова, Кузько, Морозова и Якубова. Это и был первый состав Коллегии Наркомпрода, сформированный после С'езда.

Пленумом С'езда, проводившего свои основные работы в секционных заседаниях, были приняты следующие резолюции:

1. По вопросу о деятельности Наркомпрода

„Выслушав доклад Народного Комиссара по продовольствию тов. Шлихтера и членов Коллегии при Комиссаре: т. т. Якубова, Розовского и Малютина о деятельности Комиссариата по

продовольствию со дня перехода в руки Социалистической Советской власти, фактически с 28 ноября прошл. года, и принимая во внимание те крайне ненормальные и тяжелые условия, в каких приходилось работать названным товарищам в деле, от правильной постановки и успешности которого зависели судьбы нашей и мировой социальной революции, тот преступный и гнусный саботаж, каким враги Рабоче-Крестьянской Революции окружили Советскую Власть с первых же дней и шагов ее деятельности,

„Всероссийский Продовольственный С'езд Советов по продовольствию констатирует, что: 1) Комиссариат по продовольствию в лице тов. Шлихтера, его Коллегии и тех центральных продовольственных организаций, какие работали совместно с Комиссариатом, как-то: Всероссийская Военно-Продовольственная Комиссия и Всероссийский Продовольственный Комитет сделали все возможное для разрешения стоявших перед нами задач и что тот путь революционно-продовольственной политики, каким шел Комиссариат, путь решительных мероприятий по регулировке продовольственного дела был единственно правильным и диктовался интересами социалистической рабоче-крестьянской революции и что намеченный докладчиком план дальнейшей деятельности по продовольствию в общем приемлем, при условии разработки его в секциях С'езда, и 2) С'езд находит необходимым еще раз, в полном согласии с громко выраженной всеми Советскими организациями волей заклеймить презрением тех саботажников в продовольственном деле, которые не остановились перед созданием голода в стране в целях борьбы с Советской властью, и, выражая настойчивое требование о предании Революционному суду этих гнусных преступников, — переходит к очередным своим работам".

Резолюция эта была принята единогласно большевиками, левыми эс-эрами и социалистами-революционерами-максималистами.

2. О хлебной монополии

„Первый Всероссийский С'езд Советов по продовольствию, подтверждая необходимость неуклонного проведения в жизнь государственной монополии, постановляет:

1) В целях последовательного проведения государственной хлебной монополии, необходимо немедленно передать дело снабжения в руки Советов Рабочих, Солдатских и Крестьянских Депутатов. Установить на все предметы первой необходимости твердые цены и ввести государственную монополию на важнейшие отрасли промышленности, снабжающие предметами первой необходимости крестьян, как-то: на ткани, кожи, кожевенные изделия, железо, железные изделия, чай, керосин

и проч. С'езд находит необходимым поставить в одинаковые условия жителей деревни с городскими жителями в получении предметов первой необходимости.

2) В целях привлечения в ссыпные пункты в достаточном количестве крестьянского хлеба, С'езд считает нужным установить товарообмен, организованный в государственном масштабе.

Примечание. В целях равномерного пользования, как хлеб, так и остальные предметы первой необходимости распределяются исключительно Всероссийским Советом Снабжения, поэтому самовольный обмен предметами первой необходимости между отдельными районами никоим образом недопустим.

3) Принцип централизации в продовольственном деле проводить неуклонно и никаким отдельным организациям извне право самостоятельных закупок без нарядов Всероссийского Комитета Снабжения не предоставлять; Губернским и Областным Советам потребляющих губерний предоставляется право делегировать своих представителей в состав продовольственных органов производящих губерний, ведающих делами заготовок.

Примечание. Делегированные представители имеют право решающего голоса: от Москвы, Петрограда, Иваново-Кинешемского района, Областных Советов Снабжения по два, а от губерний по одному и по одному от городов, находящихся в исключительных условиях, как, например, Кронштадт. Для более же успешного выполнения нарядов, Советы потребляющих губерний могут посылать своих служащих в Советы производящих губерний по соглашению между собою.

4) Для сохранения твердых цен и борьбы с нарушителями государственной монополии хлеба с мешечниками, С'езд считает необходимым экстренно снабдить голодающие губернии хлебом, для чего: а) предлагает временно остановить пассажирское движение и двинуть хлеб маршрутными поездами; б) призывает все Советы Рабочих, Солдатских и Крестьянских Депутатов и другие рабочие организации противодействовать всеми мерами мешечничеству, привлекая к Революционному Трибуналу, как продавцев, так и покупателей хлеба помимо советского заготовительного аппарата.

5) Для упорядочения железнодорожного пассажирского движения, имея в виду облегчение продвижения хлебных грузов, С'езд поручает Всероссийскому Совету Снабжения настаивать перед ответственными органами власти на принятии самых срочных и решительных мер в отношении прекращения безбилетных проездов и других злоупотреблений, с чьей бы стороны они не проявлялись, не исключая военных.

6) С'езд находит необходимым поручить местным Советам Рабочих, Солдатских и Крестьянских Депутатов принять самые

решительные меры против крупных посевщиков, скрывающих или отказывающихся вывезти хлеб, включительно до конфискации хлеба и предания владельцев хлеба революционному трибуналу.

7) Хлеб, являющийся государственной собственностью и составляющий народное богатство, преступно расхищается невежественными, не возвысившимися до правильного понимания интересов трудового народа, интересов рабочих и крестьян, гражданами для производства „самогонки". Десятки, а, быть может, и сотни тысяч пудов хлеба в то самое время, когда во многих местностях люди гибнут от голода, изо дня в день преступно уничтожаются, перерабатываясь в „самогонку". Борьба с производством самогонки и с торговлей—это революционный долг местных органов рабоче-крестьянского правительства; в этой борьбе Съезд предлагает Советам не останавливаться ни перед какими мерами, как бы они не были суровы (аресты, штрафы, конфискация имущества и т. п.).

3. О товарообмене

1. В целях более успешного снабжения городского населения хлебом, сельского — предметами промышленности, необходимо введение государственной монополии на все отрасли промышленности и установление твердых цен на все предметы первой необходимости.

2. Для этого необходимо энергичное проведение в жизнь рабочего контроля над производством и создание в промышленных центрах рабочих органов, ведающих, с одной стороны, учетом производимых продуктов, а с другой стороны, распределением их среди населения.

3. Губернские Отделы Снабжения, учитывая наличность предметов фабричного производства в губернии, должны представлять сведения о результатах учета Всероссийскому Совету Снабжения.

4. Распределение предметов первой необходимости на местах должно происходить под контролем местных Советов, следящих за соблюдением твердых цен и пресекающих спекуляцию.

5. Немедленно реорганизовать „Центроткань" в единый центр „хлопка, шерсти, льна, ткани и ниток", создав его из представителей советских организаций.

6. Вместе с тем, Съезд считает необходимым в интересах усиления нашего товарообмена с заграницей и предотвращения расхищения богатств страны — введение государственной монополии нашего ввоза и вывоза.

Пожелание Всероссийскому Съезду Снабжения

7. При выработке твердых цен на предметы фабрично-заводского производства руководствоваться установленными ценами на хлеб.

8. Утвердить приказ за № 849 и циркуляр за № 206 Народного Комиссара по Продовольствию".

ПРИКАЗ НАРОДНОГО КОМИССАРА ПО ПРОДОВОЛЬСТВИЮ

19-го января 1918 г.

№ 849

„1. На основании § 2 постановления Высшего Совета Народного Хозяйства, об'явленного в газете Рабочего и Крестьянского Правительства 16 декабря 1917 года за № 34, берутся на учет все сто процентов текстильно-ткацко-набивных изделий, как-то: суконные, шерстяные, льняные, хлопчато-бумажные, пеньковые и джутовые ткани, а также и шитые из них вещи и штучные товары.

2. На фабрично-заводские Комитеты возлагается не допускать товаров с фабрик и фабричных складов без разрешения Комиссариата по Продовольствию или учреждения и лиц, им на то уполномоченных.

3. Все предприятия, производящие перечисленные в сем приказе изделия, представляют под контролем фабрично-заводских Комитетов в Комиссариат по продовольствию к каждому первому числу сведения о наличности товара, находящегося на фабриках и складах и о количестве произведенного за эти периоды товаров.

4. О поступлении поименованных в п. 1 товаров из-за границы, лица и учреждения, получавшие их, представляют копии счетов в Комиссариат по Продовольствию. Таможные конторы, через которые пройдут эти товары, сообщают в Комиссариат по продовольствию особо.

5. Комиссариат продовольствия, пользуясь полученными данными, производит разверстку товаров в общегосударственном масштабе.

6. Все лица, фирмы, кооперативы и учреждения, торгующие оптом и в розницу, а равно управления кредитных учреждений, ломбардов, транспортных экспедиторских контор и владельцы складочных помещений, а также частные лица, имеющие товары в количестве, превышающем личные потребности, обязаны представить в пятидневный срок, по опубликовании сего приказа, сведения о всех имеющихся в наличии товарах, как в аршинах, так и в шитом виде (в штуках), в соответствующие по месту нахождения предприятий продовольственные организации, т. е. в городах — городские, в селах — сельские и т. д. Последним сведения для руководства пересылаются соответственно на губернские, уездные и волостные продовольственные организации.

7. Нормы и способы распределения также и формы контроля представляется выработать Губернским Продовольственным Управам, но при этом нужно строго учитывать, чтобы лица,

получившие на установленное время и предмет ткани отрезом, не могли получить вещей в шитом виде.

8. Цены на все товары должны быть установлены твердые, т. е. прейс-курантные, плюс расходы на доставку и плюс для оптовых торговцев 10%, для розничных — 25%. В случаях отсутствия прейс-курантов, для установления цен создаются комиссии из шести лиц при обязательном в числе их участии трех представителей от Советов и Солдатских Депутатов или организаций, заменяющих их.

9. У лиц и учреждений, не подчинившихся сему приказу, надлежит реквизировать товары со скидкой 50% с твердых цен, скинутые же 50% вносить в депозит государства.

10. Наблюдение за проведением в жизнь этого приказа возлагается на Отделы Снабжения Советов Рабочих и Солдатских Депутатов, Фабричные Комитеты и прочие демократические организации".

Нар. Комиссар по продовольствию *А. Шлихтер*

Заведывающий Отделом *П. Чукмасов*

ЦИРКУЛЯР НАРОДНОГО КОМИССАРИАТА ПО ПРОДОВОЛЬСТВИЮ

19 января 1918 г.

№ 206

Губернскому Продовольственному Комитету

„Отдел Снабжения тканями Комиссариата по Продовольствию настоящим доводит до вашего сведения, что все нитки и вязальная бумага взяты на учет и впредь будут распределяться между жителями через посредство продовольственных организаций и только по твердым ценам.

В центре с фабрик продажа ниток и бумаги частным торговцам запрещена и отпускается только для продовольственных организаций по плану общегосударственной разверстки.

Поэтому Отдел предлагает к обязательному исполнению следующее:

1. Все нитки, находящиеся у частных торговцев, должны быть взяты на учет.

2. В тех случаях, когда сведения о наличии ниток кем либо не будут представлены, а нитки так или иначе обнаружатся, то их надлежит реквизировать с уплатой владельцу полстоимости твердых цен.

3. Способы распределения ниток на местах предоставляется выработать Губернским Продовольственным Комитетам.

4. Для приобретения ниток необходимо обращаться в города, где имеются отделения Невской Ниточной Мануфактуры; в эти

пункты нитки будут направляться из центральной конторы для распределения по губерниям. Пункты показаны в прилагаемом списке" [1]).

Народный Комиссар по продовольствию *А. Шлихтер*

Заведывающий Отделом Снабжения
Тканей *П. Чукмасов*

4. О заготовке мяса и мясных продуктов

Для предотвращения наступающего мясного кризиса и сохранения скотского инвентаря от истребления со спекулятивными целями, С'езд постановляет:

1. Ввести по всем городам и поселениям нормировку потребления мяса и мясных продуктов; местному Всероссийскому Совету Снабжения определить размеры потребления, с предоставлением прав местным Советам ввести те или иные изменения, соответственно условиям данной местности.

2. Воспретить закупку и заготовку скота, мяса и мясных продуктов отдельным учреждениям и лицам без разрешения местных организаций и Комиссариата по Продовольствию.

3. Распространить существующее ограничение перевозки скота из одной губернии в другую без нарядов Комиссариата по Продовольствию также на мясо и все мясные продукты.

4. Предложить Всероссийскому Совету Снабжения установить предельные отпускные и покупные цены на колбасу и копчености в соответствии с мясными ценами в течение ближайшего месяца, на трехмесячный срок.

5. Количество подлежащего поставке скота, мяса и мясных продуктов в губерниях, где обязательная поставка предусмотрена основным планом Министерства Продовольствия 1917 года, определяется ныне, до конца демобилизации армии, в следующих размерах:

а) Для губерний, не поставляющих в 1917 г., по основному плану всего подлежащего обязательной поставке количества скота и мяса в размере 55% основного наряда 1917 года.

б) Для губерний с перепоставкой в 1917 году по наряду в размере 50% основного плана.

6. Для увеличения поставки в губерниях, где таковая сокращается, предпринимаются местными Советами Раб., Солдатских и Крестьянских Депутатов меры принудительной реквизиции в отношении крупного рогатого скота с предоставлением права владельцу крупного скота заменить его мелким, пуд за пуд

---

[1]) В моих материалах списка этого не оказалось. А. Ш.

живого веса, при замене овцами и $^3/_4$ пуда за пуд при замене свиньями.

7. Признавая, что дальнейшее повышение твердых цен на скот и мясо не является мерой борьбы со спекуляцией и не в состоянии облегчить или увеличить заготовки на местах, с'езд считает существующие твердые цены на скот, мясо и сало незыблемыми для тех губерний, которые не нуждаются в привозном хлебе для пропитания населения; в губерниях, не нуждающихся в привозном хлебе для пропитания населения, с'езд считает желательным повысить существующие твердые цены в размере одного рубля на живой скот на срок с 1-го февраля по 1-е мая 1918 года, когда по с.-х. условиям сохранение и откорм скота являются наиболее тяжелым.

8. С'езд рекомендует всем местным организациям в целях беспощадной борьбы со спекуляцией и искусственным раздуванием цен на местах, ввести строгий учет всем мясным продуктам, увеличить число убойно-заготовочных пунктов, установить действительный контроль над вывозом мясных продуктов по железной дороге и гужем.

9. Поручается Всероссийскому Совету Снабжения разработать к следующему с'езду план снабжения живым скотом из запасов Сибири и Средней Азии для тех губерний, в которых заметно истощение скотского инвентаря, необходимого сельскому хозяйству, благодаря выполнению нарядов по обязательной поставке.

10. Убой телят разрешается только в случае безусловной негодности на племя. В случае недостатка кормов сдается местному Отделу Снабжения по установленной цене в питомники местных Советов.

5. О железнодорожном и автомобильном транспорте

1. Для более успешного использования железнодорожного транспорта необходимо считаться не только с идеальной выработкой плана движения продовольственных грузов, сколько, главным образом, с охраной этих грузов в путях их следования.

По полученным ранее сведениям и по поступающим в настоящее время можно почти с уверенностью сказать, что из числа всех грузов 55% не поступают по своему назначению не столько от общих причин транспорта, сколько от причин чисто случайного характера, как-то: воровство, массовое хищение на линиях железных дорог, вооруженное нападение на составы товарных поездов и отсюда произвольное направление их, самостоятельные реквизиции продовольственных грузов в свою пользу служащими железных дорог, мошенничество и пр. Эти и многие другие явления, имеющие место на линиях железных дорог, мешают правильному снабжению фронтов и более

справедливому распределению продуктов питания между губерниями производящими и потребляющими.

С таким положением на местах Центротранспорта Всероссийский Съезд Советов по продовольствию мириться не может. Ни один даже самый идеальный план перевозок продовольственных грузов и фуража не поможет делу снабжения и продовольствия при наличии таких условий. Нужны меры. Такими мерами могли бы быть вооруженные отряды и контрольная Комиссия, которые постоянно должны находиться в тесном контакте друг к другу. Каждая такая контрольная Комиссия ведает определенным железнодорожным участком, следит за фактическим выполнением нарядов, в корне пресекает всякие могущие быть злоупотребления, а таких на линиях железных дорог весьма обильное количество, не допускает запружения вагонами узловых станций, следит за общим движением товарных поездов и пр. Контрольная Комиссия имеет под своим непосредственным руководством вооруженные отряды, на обязанности которых лежит сопровождение и охрана товарных поездов как на остановках, так и во время движения их в пути до следующего железнодорожного участка. За принцип такого предразделения всей сети железных дорог России на отдельные железнодорожные участки можно признать прежнее деление линий железных дорог бывшего Министерства Продовольствия. Контрольные Комиссии должны еженедельно, лучше два раза в неделю, сноситься телеграфно с Центротранспортом Комиссариата по продовольствию (Всероссийский Совет Снабжения) и уведомлять о состоянии линий железных дорог и о фактическом продвижении продовольственных грузов (наличии груза, поступлении его, погрузке, разгрузке и отправке). Все необходимые директивы и инструкции контрольные комиссии получают непосредственно от Всероссийского Совета Снабжения.

Продовольственный вопрос у нас в настоящее время настолько обострился, что заставляет обращать на себя особое, самое серьезное внимание трудового народа, тем более, что от правильного распределения продовольственных продуктов зависит как благосостояние, так равно и политические настроения в стране. Для этого, кроме железных дорог, надо привлечь все имеющиеся в распоряжении государства перевозочные средства, а главное автомобильный транспорт, который может оказать большую услугу снабжению и продовольствию.

Организация автомобильного транспорта в настоящее время облегчается тем, что, в связи с демобилизацией армии, у военного ведомства окажется большое количество ненужных ему автомобилей, а также и авто-имущества, которое можно будет обратить на нужды снабжения. Все ненужное военному ведомству транспортное имущество, как-то: автомобили, двуколки, мотоциклеты, обозы и проч. по мере его демобилизации должно безвозмездно поступать в распоряжение Всероссийского Совета

Снабжения, который по проведении ремонта этого имущества будет рассылать его для работ в те губернии, в которых ощущается более острая нужда в перевозочных средствах.

К такой организации автомобильного транспорта Комиссариат по продовольствию приступил уже в лице Московского Областного Продовольственного Комитета, который сорганизовал починочные мастерские в Москве и даже заарендовал для этой цели автомобильный завод Ильина. В настоящее время Московским Областным Продовольственным Комитетом производится ремонт автомобилей и к весне текущего года можно надеяться, что Всероссийский Совет Снабжения может иметь в своем распоряжении около 500 грузовых автомобилей.

На местах, куда будут посылаться на работы грузовики, желательно было бы организовать небольшие мастерские при местных Советах Рабочих и Солдатских Депутатов для производства не капитального ремонта их, при отсутствии которого пришлось бы отправлять грузовики в Москву, что не только отнимало бы время, но и загромождало бы и без того перегруженный железно-дорожный транспорт, — и по сему, заслушав доклад тов. Невского и транспортной секции о состоянии жел. дор. транспорта и сознавая весь ужас тех последствий, какие несет за собою жел. дор. разруха, С'езд постановляет одобрить общее направление спроектированных Комиссариатом Путей Сообщения мероприятий, клонящихся к упорядочению разрушенного прежним безответственным хозяйничанием и разрушаемого ныне беспорядочными массовыми передвижениями солдат и пассажиров в солдатских шинелях жел. дол. транспорта и обращается ко всем Советам Рабочих, Солдатских и Крестьянских Депутатов в частности к солдатским ротным, полковым и армейским организациям с горячим призывом — во имя спасения рабоче-крестьянской революции и ее завоеваний всемерно, не щадя сил, придти на помощь Комиссариату Путей Сообщения и местным жел. дор. организациям в деле охраны и упорядочения жел. дор. движения.

Кроме того, признавая желательным неотложную организацию вооруженных отрядов по охране жел. дор. грузов в пути и организацию контрольных Комиссий по наблюдению за успешностью погрузки, следованием по жел. дор. и выгрузкой товаров с жел. дороги, а также признавая необходимым упорядочение и передачу в ведение Всероссийского Совета Снабжения всего перевозочного ныне демобилизуемого инвентаря армии, С'езд поручает Всероссийскому Комитету Снабжения срочно обсудить и принять меры к проведению в жизнь вышеуказанных постановлений. С'езд поручает также Всероссийскому Совету Снабжения срочно озаботиться разработкой и принятием соответствующих мер к правильной постановке дела речного транспорта, не останавливаясь перед решительными мерами вплоть до секвестра частных предприятий и национализации речного флота, так как

от успешности этих мер будет зависеть в громадной степени все дело снабжения.

С'езд признает также необходимым, чтобы Всероссийский Совет Снабжения принял меры к тому, чтобы все порайонные железнодорожные в водные комитеты были реорганизованы в смысле усиления представительства от советов.

6. Об организации потребительских коммун

1. Признать своевременным и необходимым немедленно приступить к организации потребительских коммун, в целях распределения всех нормированных и монополизированных продуктов потребления.

2. Все население группируется в коммунах.

3. Все существующие потребительские Общества национализируются.

4. Проведение в жизнь организации коммун требует немедленной выработки декрета о национализации торговли—всей вообще или по отдельным отраслям товарообмена.

5. Потребительские коммуны получают оборотные средства из народной казны.

6. Выработка декрета, согласно вышеприведенным принципам, поручается Всероссийскому Совету Снабжения с внесением его на утверждение Совета Народных Комиссаров.

Проект декрета о потребительских коммунах [1])

(Приложение к резолюции № 6)

„Война, вызванная борьбой между капиталистами из за дележа их грабительской добычи, привела к неслыханной разрухе. Преступная спекуляция и погоня за наживой, особенно в среде богатых классов, обострила еще более эту разруху, довела до мучений голода и безработицы сотни тысяч и миллионов людей.

Необходимость чрезвычайных мер для помощи голодным и для беспощадной борьбы со спекулянтами побуждает Рабочее и Крестьянское Правительство установить, как закон Российской Республики, следующие правила:

1. Все граждане государства должны принадлежать к местному потребительскому обществу, об'единяющему всех жителей каждого населенного пункта, а именно: в городах, селах, деревнях и поселках.

Примечание к пункту 1-му: а) В городах и значительных селах названные общества могут об'единять население не всей данной территории, а какой либо части ее,

---

[1]) Вводная часть к этому проекту была написана т. Лениным; в остальном проект составлен лично мною.

напр.: район, квартал, улицу или часть ее и т. д.; б) установление территорий потребительского об'единения предоставляется местным Советам Рабочих, Крестьянских и Солдатских Депутатов, а где пока таковых нет (напр., в сельских местностях),—Общим Собранием всех потребителей местного пункта, имеющих не менее 18 лет от роду и находящихся в момент решения вопроса в данном населенном пункте; в) население хуторов или заимок или об'единяется в особые потребительские общества, охватывающие определенную территорию, или приписывается подворно к какому нибудь сельскому потребительскому обществу по своему усмотрению; г) кроме территориальной группировки допускается потребительское об'единение семей по профессиональным и производственным признакам, напр., профессиональных союзов или фабрик, но с тем условием, что каждая семья входит лишь в одно какое нибудь потребительское общество: или территориальное или профессиональное.

2. Существующие потребительские общества национализируются, обязуясь включать в свой состав все население данной местности поголовно. Территория, подлежащая такому включению, определяется местными Советами Рабочих, Солдатских и Крестьянских Депутатов.

3. Каждому потребительскому обществу предоставляется автономное право производить закупку и распределение любых продуктов потребления с соблюдением следующих ограничительных условий:

а) Закупка продуктов монополизированного производства может производиться лишь по твердым ценам, устанавливаемым общегосударственным аппаратом, и лишь в тех местностях, которые указываются общегосударственным планом снабжения для территории данного потребительского общества.

б) Получение продуктов из за границы регулируется теми ограниченными правилами, которые могут быть установлены для заграничного ввоза.

в) Распределение продуктов, подвергнутых нормировке в общегосударственном масштабе, не может быть выше той нормы, какая устанавливается общегосударственным аппаратом.

Примечание к пункту 3-му. Для удешевления накладных расходов по закупке и перевозке продуктов, потребительские общества могут вступать в союзные об'единения, каковые располагают всеми правами, предоставленными настоящим декретом отдельным потребительским обществам.

4. Каждый член потребительского общества может покупать продукты только в том складе, к какому он приписан местным Комитетом Снабжения.

5. Кроме закупки и распределения продуктов каждое потребительское общество ведает делом местных продуктов.

6. Продукты эти производителями обязательно отдаются в местный Комитет снабжения по вольным ценам, за исключением тех случаев, когда устанавливаются законом твердые цены. Деньги, следующие в уплату за продукты, записываются на текущие счета собственника (он же член местного потребительного общества) в местном сельском, городском, фабричном и пр. отделениях Народного Государственного Банка.

Примечание к пункту 6-му. Продукты, подлежащие обязательной сдаче в местные потребительские общества, определяются постановлением Высшего Совета Народного Хозяйства и опубликовываются в газете Рабочего и Крестьянского Правительства.

7. Перевозка продуктов, закупленных местным Комитетом Снабжения производится лишь по разрешительным удостоверениям местного Губернского или Областного Комитетов Снабжения. За перевозку без такого удостоверения лица, виновные в допущении этого, караются конфискацией всего имущества, тюремным заключением на срок не менее полугода и отдачей на принудительные работы. Удостоверения на перевозку и на куплю-продажу продуктов должны составляться в двух экземплярах за подписью не менее, как трех членов Правления соответствующего Комитета Снабжения с обязательством хранить один экземпляр в делах Правления. В каждом удостоверении должно быть указано, из какого потребительского общества продукт отправлен и в какое время он должен быть доставлен.

8. Учет потребностей населения в продуктах первой необходимости, распределение их по территории страны и осуществление всех связанных с этими задачами организационно-административных функций, возлагается на комитеты Снабжения: Центральный, каковым является Народный Комиссариат Продовольствия, Губернские, Уездные, Волостные и Сельские. Состав всех этих органов, круг их деятельности и взаимоотношения определяются Особым Положением об органах Снабжения.

9. Телеграфные конторы передают телеграммы Комитетов Снабжения вне очереди.

10. Средства для закупки продуктов и на разные операционные расходы отпускаются из государственной казны в виде процентных возвратных ссуд. Отчет в израсходовании этих средств подлежит утверждению государственных контрольных органов.

11. Все Комитеты Снабжения действуют под контролем и по указаниям местных Советов Рабочих, Крестьянских и Солдатских Депутатов.

Примечание к пункту 11-му. Деятельность Народного Комиссариата по продовольствию контролируется Советом Народных Комиссаров, Центральным Исполнитель-

ным Комитетом Советов Рабочих, Солдатских и Крестьянских Депутатов и Высшим Советом Народного Хозяйства.

12. Каждый Совет Рабочих, Крестьянских и Солдатских Депутатов обязан составить группы контролеров, ревизоров и инструкторов для содействия населению в устройстве потребительских обществ и для проверки их отчетности, а равно всего ведения ими.

Примечание к пункту 12-му. Инструкция Комитетам Снабжения о ведении ими отчетности и переписки будет издана особо[1]).

В заключение на Пленарном заседании 21 января 1918 г. Всероссийским Продовольственным С'ездом Советов было принято следующее:

„Обращение"

„Признавая положение продовольственного дела грознокатастрофическим, Всероссийский Продовольственный С'езд Советов в Петрограде от 15/21 января 1918 года призывает всех, кому дороги славные завоевания Рабоче-Крестьянской Революции стать, как один человек, на защиту Российской Социалистической Федеративной Республики и приложить все усилия местных работников к устранению всех причин голода.

С'езд утверждает, что 42 месяца ведения народного хозяйства в условиях мировой войны и 11 месяцев Великой Российской Революции создали об'ективные условия и для экономической революции.

Губительный же для народного хозяйства опыт 8-мимесячного соглашательства с буржуазией, фактически приведший страну еще в сентябре к голоду, наглядно показал, что только полное уничтожение капиталистического строя может вывести трудящиеся массы из тупика экономического рабства и голода.

Возврат к экономическому самодержавию (хотя бы ограниченному) буржуазии означал бы для рабочих и беднейших крестьян полное крушение всех завоеваний революции и возврат к режиму не только экономического, но и политического угнетения.

Спасение народов в установлении не демократической (буржуазной), а Советской Социалистической Республики.

Только полное, последовательное и твердое народовластие в области народного хозяйства сможет вывести Российскую Советскую Республику из тупика хозяйственной разрухи.

В связи с этим, С'езд полагает необходимым расширить функции продовольственных органов и преобразовать их в органы снабжения.

---

[1]) Проект этот был осуществлен через полтора года: он почти целиком вошел в декрет 20 марта 1919 года «О едином Потребительском Обществе»

Основными принципами организации дела С'езд признает те принципы, кои изложены в резолюциях С'езда.

Таковы были работы первого Продовольственного С'езда Советов. Значение этих работ определялось не только тем, что С'езд, с первого момента своих работ, являлся, как мы видели, „демонстрацией перед лицом всех враждебно настроенных против Советов групп населения, демонстрацией самостоятельности в действиях и ясности мысли советских работников в самой сложной, самой трагической отрасли современного народного хозяйства. [1])

Вопросы, поставленные перед С'ездом, и тщательная разработка этих вопросов, нашедшая свое отражение в резолюциях, дававших ясные и четкие ответы по важнейшим, конкретным нуждам продовольственного дела, говорят, с совершенной очевидностью, о том, что Первый С'езд был, прежде всего, деловым аппаратом советских работников действительно „в самой трагической отрасли народного хозяйства" и не только в тот момент, но и в течение последующих лет существования Наркомпрода, —т. е. был тем, ради чего он созывался; он был деловым, серьезным и знающим продовольственное дело строителем—основоположником продовольственой организации, как советской, а не „демократической" системы.

Правда, конкретная форма организации, выработанная с'ездом,—„Всероссийский Совет Снабжения", была, для меня и моих товарищей по Коллегии, заведомо неудачной. Вследствие своей крайней громоздкости Совет Снабжения был непригоден для продовольственного дела, которое требовало быстроты работы и гибкости рабочего аппарата. Неудачна была эта форма и в смысле несоответствия ее с принципом строительства государственных аппаратов власти в Пролетарской Республике. Наркомпрод мог и должен был быть, в интересах пролетарской Революции, лишь органом диктатуры пролетариата, как и все другие государственные аппараты власти и ни в какой мере не воспринимать свои права на руководство из рук общественности, хотя бы и стоящей на Советской платформе.

Но во первых, это была наиболее целесообразная форма борьбы с антисоветскими группами продовольственных работников в той атмосфере интриг и запугиваний, при помощи которых они успели внушить преувеличенное доверие к их силам и способностям у части наших ответственных партийных работников.

Отрицательное отношение этих групп к С'езду, созванному на широких началах советской общественности, показало, что дело шло в действительности не о принципе общественности,

---

[1]) См. книгу Н. Орлова, стр 38.

а о власти определенных кругов общественности—кругов „демократических“.

Во вторых, я и члены Коллегии, идя навстречу лево-эсэровскому предложению организовать „Всероссийский Совет Снабжения“, предусматривали, что члены Совета, за исключением руководящей группы, будут немедленно использованы в качестве уполномоченных по местным организациям, и Совет отомрет сам собою, в процессе работы.

Все это так и было в действительности, спустя 2 месяца после организации Совета, но осуществлять это пришлось уже не мне.

Дня через 3 после закрытия С'езда ко мне в Аничков Дворец неожиданно приехал из Смольного т. Я. М. Свердлов.

Оставшись наедине со мной, Свердлов говорит:

— Т. Шлихтер. Сейчас состоялось постановление Президиума ВЦИК о замене вас на посту Наркома Продовольствия другим товарищем.

— Почему? Разве Президиум находит неправильной мою позицию в принципиальных вопросах продовольственной политики и практические мероприятия по осуществлению ее?—спрашиваю я.

— Нет, наоборот. Президиум считает Вашу точку зрения принципиально правильной и выдержанной, но вокруг вашего имени создалась у группы продовольственников, с которой нужно считаться, такая атмосфера недоброжелательства, что это осложнило бы вам возможность скорейшей ликвидации продовольственной забастовки и затруднило бы осуществление решений С'езда по организации местных аппаратов.

— Находит ли нужным Президиум, что-бы я ушел совсем от продовольственной работы, т. е. вышел бы из состава коллегии? спрашиваю я снова.

— Нет, Президиум не будет возражать против того, что-бы вы оставались в коллегии, но я имел ввиду переговоры с вами о направлении вас на какую нибудь иную, равнозначущую с нынешней, работу.

Я не спросил Свердлова ни тогда, ни после, не интересовался узнать, какую именно работу предлагал для меня Президиум ВЦИК. Покончив с борьбой за принципы продовольственного дела, я имел в виду, по окончании с'езда, немедленно поехать на некоторое время в Сибирь для того, чтобы, ознакомившись с положением дела на месте, лично наладить доставку сибирского хлеба в Петроград.

Я сообщил о таком своем плане Свердлову, и он выразил уверенность, что целесообразность этого плана будет одобрена Президиумом.

— Но я считаю нужным, чтобы решение Президиума было сообщено вами Исполнительному Бюро Совета Снабжения—добавляю я.

— Зачем это? спрашивает, в свою очередь Свердлов.

— Потому, что иначе Бюро, уже приступившее к работе, будет об'яснять решение Президиума относительно меня несогласием с приципами выработанной с'ездом продовольственной организации.

Сообщение Свердлова явилось для Бюро совершенной неожиданностью. Было выдвинуто предложение просить Свердлова довести до сведения Президиума мнение Бюро о желательности пересмотра этого решения. Указывалось, что С'езд сплотил работников Продовольствия и тем самым обеспечил успешное выполнение организационных задач. Сообщалось, что в связи с работами с'езда, состоялось решение „социалистической группы" работников Министерства продовольствия об окончательном разрыве с забастовщиками. [1])

— Постановление Президиума состоялось, и мы должны его выполнить. Я уже договорился с тов. Свердловым, сказал я, обращаясь к членам Бюро, что я немедленно поеду в Сибирь для быстрейшего продвижения хлебных транспортов в Петроград и другие важнейшие пункты потребления по нарядам Наркомпрода...

Через два дня, перед от'ездом, я зашел к тов. Ленину потолковать о плане предстоящей работы.

Тепло и дружески прощался со мною Ильич, передавая мне мандат на принятие экстренных мер по вывозу хлеба из Сибири.

А. Шлихтер

Крым, Суук - су.
5 сентября 1927 года.

---

[1]) Правильность этого заявления была подтверждена впоследствии тов. О. Ю. Шмидт, бывшего председателем „Комитета Социалистической группы"
А. Ш.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Стр.

I. **В Москве** 3
Накануне Октября 3
Кризис назрел 11
На помощь Петрограду 15
В последние минуты 20
Организация продовольствия в баррикадные дни 29
Борьба за революционный аппарат снабжения 41

II. **Отозвание в Петроград** 45

III. **В Петрограде** 51
Первые впечатления 51
У Ильича 55
Первая встреча с саботажниками 60
Снова на продовольственном фронте 64
Вторая встреча с саботажниками 66

IV. **Хроника продовольственной забастовки** 73

V. **Политический шантаж саботажников на голоде** 81

VI. **Борьба за продовольственную власть** 86
Прорыв фронта саботажников 86
Организация продовольственного дела 99
Обходное движение «демократии» 109
Левые эсеры подбираются к продовольственной власти 124

VII. **Первый Всероссийский Продовольственный С'езд** 128
Проект декрета об организации Всероссийского Совета Снабжения . 131
Проект декрета о потребительских коммунах 143